

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
«Северо-Кавказский федеральный университет»
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета**

МАТЕРИАЛЫ

**VIII ежегодной научно-практической конференции
«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА - РЕГИОНУ»**

2021 год

Пятигорск – 2021

УДК 33,34,62,65
ББК 94
М 34

М 34 Материалы VIII ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука - региону» / Под. ред. Т.А.Шебзуховой, И.М. Першина, А.А. Вартумяна, Н.Н. Новоселовой – Пятигорск: Изд-во ПФ СКФУ, 2021. - 170 с.

Рецензенты:

- Межидов Вахид Хумаидович** – доктор химических наук, профессор (Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова);
- Кружалин Виктор Иванович** – доктор географических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова);
- Федорова Мария Михайловна** – доктор политических наук, профессор (Институт философии Российской академии наук);

В настоящем сборнике представлены материалы участников ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука - региону», в которых авторы рассматривают современные проблемы, тенденции, актуальные вопросы технических наук, экологического состояния региона, направления современного энергосбережения и энергопотребления, вопросы экономической науки, правового обеспечения хозяйственной деятельности, политического состояния общества, развития гостиничного комплекса и туристических дестинаций, подходы к решению дизайна и создания курортно-парковой инфраструктуры.

ISBN 978-5-6047585-5-7

© Коллектив авторов, 2021
© Издательство ПФ СКФУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Dreihher Dalia geographic location and the quality of medical services in israeli hospitals | 5 |
| Israeli Milana Methodological approaches to assessment of innovative ecosystems of higher educational institutions | 10 |
| Асрян Т.Ю. Государственный суверенитет как общеправовая категория..... | 18 |
| Афанесян К.К. Защита материнства как одно из ведущих направлений советской социальной политики накануне и в годы великой отечественной войны..... | 22 |
| Афасижева Р.А., Макличенко О.А. Разработка технологии и определения показателей качества и безопасности блюд быстрого приготовления..... | 27 |
| Благоразумная О.Н. Инновации в высшем образовании: технологии и методы обучения..... | 33 |
| Бондарь В.В. Экстремизм в контексте изучения современной политической науки | 37 |
| Валяровский Ф.И. Принцип добросовестного исполнения обязательств как концептуальная основа внешней политики государств | 46 |
| Ванян к. Д. Имплементация международно-правовых норм в уголовное законодательство российской федерации | 49 |
| Вартумян А.А. Внешняя политика испании на рубеже XX-XXI веков: территориальное измерение испанской политики..... | 54 |
| Васильев О.А. Терроризм в политической ретроспективе и современных условиях | 60 |
| Васильева И.А. Профилактические меры по предупреждению экстремистской деятельности | 65 |
| Воротынцев И.Н. К вопросу о конструировании российской гражданской идентичности как направлению обеспечения национальной безопасности Российской Федерации | 69 |
| Голубова М.И., Золотарева А.В. Проблемы и перспективы развития интернет-банкинга в обслуживании физических лиц..... | 75 |
| Голушко Е.В., Саубарова Д.Б. Автоматизация системы внутреннего контроля и аудита | 78 |
| Дусенко М.Е. Нормативно-правовые акты регулирующие сферу института опеки и попечительства | 81 |
| Карапетян Э.В. Социально-экономический фактор уровня жизни населения ставрополья и кубани накануне Великой Отечественной войны | 85 |

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Карданова М.Л. Реализация латиноамериканского внешнеполитического вектора испании через двустороннее сотрудничество со странами региона.. | 91 |
| Кириленко Е.М., Карапкива о. Г. Концепция информационного общества Ёнэдзи Масуды | 94 |
| Китева И.В. Перспективы благоустройства прихрамовой территории церкви воскресения словущего в г. Будённовск в контексте анализа подворья воскресенского мамы-маджарского монастыря. | 97 |
| Коваленко Н.С. Перспективы возрождения малой гидроэнергетики Кубани (на примере Мостовского района)..... | 102 |
| Казиев С.А. Консолидация тюркского мира как важнейший компонент системы международных отношений | 109 |
| Лимарева М.В. Политическая культура как феномен измерения государственного управления Российской Федерации | 114 |
| Малышев Д.С., Ващенко О.Е. Физическая культура как один из способов здорового существования человека..... | 117 |
| Малькевич А.А. Особенности политического участия молодежи в российском политическом процессе..... | 120 |
| Манилов А.С., Сыроваткин В.И. Влияние культуры потребления на американское общество во второй половине XX в. | 125 |
| Манукова М.А. Экстремизм, как политологическая категория | 130 |
| Наумова Н.А. Государственные институты в восточной персии: деградация органов государственной власти и политической идентичности | 136 |
| Наумова Н.А. Российско-Британское противостояние в Восточной Персии | 140 |
| Побирухин В.С. Устройство санитарно-защитных зон | 146 |
| Сампиев И.М. Религиозный экстремизм и терроризм в республиках Северного Кавказа: основные параметры и тенденции развития | 149 |
| Рошка П.И., Трифонова Л.И. европейский рынок образовательных услуг: тенденции и перспективы | 155 |
| Шебзухова Т.А. История, методология и практика адаптации к высшей школе принципов менеджмента качества | 165 |

GEOGRAPHIC LOCATION AND THE QUALITY OF MEDICAL SERVICES IN ISRAELI HOSPITALS

Dreier Dalia¹

*¹graduate student Departments of Business and Management, International Economic Relations, Tourism,
Free International University of Moldova (ULIM) in Chisinau,
E-mail: dreier@gmail.com*

Complex relationship between the healthcare organization and the patient drive the ability to meet patients' needs. Rather than focus on a narrow aspect of quality or service, patients want holistic care, including medical quality, patient safety, patient experience and timeliness of services. Therefore, it is important to take into account a a multifaceted view, rather than a narrow description of one aspect of the healthcare system.

Keywords: *quality, patient experience, infection control, efficiency, inequality.*

The Israeli healthcare system has strong primary care services, guaranteed by law to all citizens, and advanced hospital services [5, 19]. The government provides 50% of acute hospital beds, while health plans (mostly Clalit Health Services, the largest of them) operate a third of acute hospital beds, and other private and public owners operate the remaining 17% [19]. Of 329 hospitals in Israel, 43 are general hospitals, 12 are psychiatric hospitals, 273 are long-term care institutes and two are rehabilitation hospitals. Of the 43 general hospitals, there are 31 public hospitals [2].

In recent years, the Ministry of Health (MOH) has made major advances in increasing transparency and accountability regarding quality, finances and patient satisfaction [5]. As part of this transparency, data on quality [7], patient experience [8-9], and infection control [10-14] are publicly available.

The National Quality Indicators Program for Hospitals, launched in 2012, assesses care of all general, psychiatric, and geriatric hospitals [3, 7]. The National Program for Quality Indicators in Hospitals publishes targets for each indicator, including whether each hospital met or did not meet the set goal.

The national Israeli program for infection control and antimicrobial resistance was established in 2007. A pay-for-performance scheme was established in recent years [15] and follows the rates of hospital-acquired infections and antibiotics-resistance bacteria.

The goal of the present study was to assess the impact of geographic location within Israel on various indicators of hospital performance in Israeli public hospitals.

Twenty-nine public hospitals were included in the present study.

Dependent factors collected for the present study include:

1. Quality indicators (14 selected quality indicators).
2. Patient satisfaction in for inpatients services, emergency department and outpatient services (26 selected indicators).
3. Healthcare-associated infections – (21 process and outcome indicators).

For quality indicators, the target set by the National Program for Quality Indicators was used as 100%, with relative scores calculated as the performance / target for "high-is-good" indicators (e.g. percutaneous coronary intervention within 90 minutes for ST-elevation myocardial infarction) and target / performance for "high-is-bad" indicators (e.g. readmission to the emergency department within 48 hours). Where no target was set, the 75th percentile was defined as the target. This was done because published actual performance was trimmed at the set goal. For patient satisfaction and infection control indicators, actual performance is reported.

Statistical analysis was conducted using SPSS for Windows, version 22. Descriptive statistics were used on all variables in the study. Categorical variables were described using frequencies and numerical distributions. Continuous variables were described using means and standard deviations. Differences between accredited and non-accredited hospitals were identified using two sample t-test.

Of the 29 public hospitals included in the study, 10 (34.5%) were classified as located in the periphery of Israel.

Table 1 shows the impact of geographic location on quality. The only indicator in which a statistically significant difference was found was median time to triage in the emergency department, which was shorter in the periphery. Hip fracture surgery within 48 hours of admission was borderline significantly lower in the periphery (Table 1).

Table 1

Association between geographic location and quality indicators

| Parameter | Located in Central Israel N=19 | Located in the periphery N=10 | P value |
|------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------|----------------------------------|---------|
| Primary coronary intervention within 90 min. in ST-elevation myocardial infarction | 99.4 ± 1.6 | 98.3 ± 3.3 | 0.403 |
| Statins in acute coronary syndrome | 98.0 ± 3.8 | 99.1 ± 1.1 | 0.478 |
| Median time (minutes) to CT/MRI in suspected stroke | 96.8 ± 6.9 | 95.5 ± 9.4 | 0.719 |
| Carotid artery imaging in transient ischemic attacks | 98.1 ± 6.7 | 99.1 ± 1.9 | 0.704 |
| Hip fracture surgery within 48 hours | 99.3 ± 2.5 | 94.4 ± 6.5 | 0.053 |
| Prophylactic antibiotics in colorectal surgery | 94.1 ± 6.5 | 96.4 ± 4.0 | 0.460 |
| Prophylactic antibiotics in hip fracture surgery | 99.4 ± 1.4 | 94.2 ± 8.2 | 0.096 |
| Prophylactic antibiotics in cesarean section | 99.2 ± 1.3 | 98.6 ± 1.0 | 0.455 |
| Risk assessment for venous thromboembolism | 98.7 ± 3.5 | 99.1 ± 2.8 | 0.785 |
| Anticoagulants in women undergoing hysterectomy | 99.0 ± 0.3 | 100 ± 0 | 0.608 |
| Avoiding hypothermia in the post-operative care unit | 96.8 ± 3.8 | 97.3 ± 4.1 | 0.761 |
| Median time (minutes) to triage in the emergency department | 92.7 ± 10.5 | 99.0 ± 3.0 | 0.037 |
| Readmission to the emergency department | 89.2 ± 13.7 | 79.1 ± 19.8 | 0.120 |
| Avoiding hypothermia in neonates | 90.6 ± 11.5 | 90.9 ± 6.8 | 0.951 |
| Effective dialysis in end-stage renal disease | 90.9 ± 12.6 | 84.5 ± 17.6 | 0.444 |

Similarly, the impact of location on patient satisfaction with services is shown in Table 2. Hospitals in the periphery had significantly lower scores for "general satisfaction" and willingness to recommend the hospital in inpatients.

Table 2

Association between geographic location and patient satisfaction

| Parameter | Located in Central Israel N=19 | Located in the periphery N=10 | P value |
|------------------------------|-----------------------------------|----------------------------------|---------|
| Inpatients | | | |
| Overall score | 81.1 ± 3.2 | 80.4 ± 2.7 | 0.581 |
| General satisfaction | 77.3 ± 5.1 | 73.1 ± 3.1 | 0.046 |
| Felt to be "in good hands" | 87.9 ± 3.1 | 86.1 ± 3.6 | 0.211 |
| Would recommend the hospital | 75.6 ± 6.7 | 70.0 ± 4.5 | 0.041 |
| Respect and dignity | 87.7 ± 2.2 | 87.8 ± 2.6 | 0.965 |
| Information and explanations | 83.8 ± 2.5 | 84.8 ± 3.1 | 0.429 |

| | | | |
|--------------------------------------------|------------|------------|-------|
| Continuity of care | 82.2 ± 2.8 | 83.4 ± 3.1 | 0.346 |
| Efficiency | 83.7 ± 3.1 | 84.5 ± 3.0 | 0.551 |
| Physical conditions | 77.7 ± 3.7 | 78.4 ± 2.5 | 0.647 |
| Patient's empowerment | 75.0 ± 3.4 | 75.4 ± 3.0 | 0.782 |
| Emergency department | | | |
| Overall score | 74.6 ± 5.3 | 77.0 ± 4.7 | 0.236 |
| General satisfaction | 65.7 ± 7.6 | 69.1 ± 7.1 | 0.249 |
| Felt to be "in good hands" | 77.3 ± 5.4 | 77.2 ± 5.1 | 0.956 |
| Would recommend the hospital | 68.2 ± 8.1 | 68.3 ± 7.7 | 0.964 |
| Respect and dignity | 83.3 ± 4.0 | 84.4 ± 3.1 | 0.458 |
| Information and explanations | 77.7 ± 4.7 | 80.2 ± 3.9 | 0.171 |
| Continuity of care | 76.9 ± 5.2 | 79.3 ± 4.8 | 0.234 |
| Perceived waiting time | 73.3 ± 6.0 | 76.3 ± 5.7 | 0.201 |
| Physical conditions | 74.7 ± 7.8 | 81.6 ± 5.2 | 0.018 |
| Outpatient services – general satisfaction | | | |
| Ophthalmology | 83.7 ± 4.2 | 82.3 ± 3.7 | 0.497 |
| Ear, nose & throat medicine | 84.4 ± 3.7 | 84.0 ± 3.7 | 0.815 |
| Orthopedics | 82.5 ± 2.3 | 81.2 ± 1.5 | 0.125 |
| CT | 82.8 ± 3.3 | 78.8 ± 3.8 | 0.035 |
| MRI | 86.3 ± 3.7 | 87.6 ± 3.8 | 0.557 |
| Mammography | 90.0 ± 2.7 | 88.4 ± 2.7 | 0.287 |
| Gastroenterology | 88.1 ± 2.3 | 87.6 ± 2.7 | 0.714 |

The impact of geographic location on infection prevention is shown in Table 3. Hospitals in the periphery had lower rates of *Clostridium difficile*, vancomycin-resistant *Enterococcus*, Carbapenem-resistant *A. baumannii* and Methicillin-resistant *Staphylococcus aureus* infections, had lower CAUTI rates, lower use of antibiotics and better compliance with mandatory immunizations (Table 3).

Table 3

Association between geographic location and hospital-acquired infections

| Parameter | Located in Central Israel N=19 | Located in the periphery N=10 | P value |
|---------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------|----------------------------------|---------|
| Central-line associated blood stream infection (CLABSI) / 1,000 Catheter-days – general ICU | 2.0 ± 1.5 | 1.2 ± 1.0 | 0.156 |
| CLABSI – cardiac ICU | 4.6 ± 5.4 | 2.7 ± 3.4 | 0.420 |
| CLABSI – pediatric ICU | 1.9 ± 2.4 | 1.7 ± 2.4 | 0.930 |
| CLABSI – neonatal ICU | 2.8 ± 2.6 | 1.4 ± 2.4 | 0.179 |
| Acquired <i>Clostridium difficile</i> infections / 100,000 patient-days | 33.5 ± 11.8 | 17.4 ± 13.9 | 0.003 |
| Vancomycin-resistant <i>Enterococcus</i> / 100,000 patient-days | 2.9 ± 4.0 | 0.3 ± 0.7 | 0.013 |
| Vancomycin-resistant <i>Enterococcus</i> bacteremia / 100,000 patient-days | 0.9 ± 1.3 | 0 ± 0 | 0.005 |
| Carbapenem-resistant <i>Acinetobacter</i> / 100,000 patient-days | 26.7 ± 16.7 | 4.8 ± 5.1 | <0.001 |
| Combined indicator – resistant bacteria / 100,000 patient-days | 92.2 ± 30.8 | 29.2 ± 19.7 | <0.001 |

| | | | |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------|--------------|-------------|--------|
| Carbapenem-resistant <i>A. baumannii</i> bacteremia/100,000 patient days | 5.8 ± 4.6 | 0.5 ± 1.1 | <0.001 |
| Methicillin-resistant <i>Staphylococcus aureus</i> bacteremia/100,000 patient days | 6.3 ± 3.4 | 3.1 ± 4.0 | 0.032 |
| Combined indicator – bacteremia with resistant bacteria / 100,000 patient-days | 35.3 ± 14.9 | 14.6 ± 9.1 | <0.001 |
| Catheter-associated urinary tract infections (CAUTI) / 1,000 catheter-days, internal medicine | 3.3 ± 1.7 | 1.8 ± 1.5 | 0.041 |
| CAUTI, general surgery | 5.0 ± 7.7 | 1.6 ± 1.9 | 0.210 |
| Antibiotic use (defined daily dose [DDD]/ 100 patient-days), ICU | 126.2 ± 30.3 | 96.3 ± 40.7 | 0.044 |
| Antibiotic use, internal medicine | 75.8 ± 15.4 | 77.1 ± 20.3 | 0.850 |
| Antibiotic use, general surgery | 85.9 ± 15.7 | 68.8 ± 15.4 | 0.013 |
| Hospital staff working with infants, immunized for pertussis (%) | 85.7 ± 9.5 | 94.9 ± 5.6 | 0.009 |
| Hospital staff working with immune compromised patients, immunized for MMR (%) | 97.8 ± 5.1 | 100 ± 0 | 0.117 |
| Hospital staff working with immune compromised patients, immunized for VZV (%) | 98.1 ± 3.6 | 100 ± 0 | 0.058 |
| Hospital staff performing invasive procedures, immunized for hepatitis B (%) | 92.2 ± 10.0 | 98.2 ± 2.8 | 0.036 |

The present study examined the impact of geographic location on hospital performance in Israeli public hospitals. It was found that hospitals located in the periphery had similar quality scores, better performance in terms of hospital-acquired infections but lower grades regarding patient satisfaction.

Health disparities or inequities are defined as “avoidable and unjust differences in exposure and vulnerability to health risk factors, health-care outcomes and the social and economic consequences of these outcomes”. The reduction / elimination of health disparities is a public health priority for the past several decades [1].

The topic of minimizing gaps related to geographic location is of interest to many governments, e.g. the United States, Australia, China, France and Israel. In the United States, the reduction of health disparities was incorporated as one of the goals for improving population health in national programs, such as the Healthy People programs. The overarching Healthy People goals explicitly included reducing / eliminating health disparities [1]. In Australia, disparities between major urban centers and rural and remote regions, and across socioeconomic groups, are major challenges. The federal government provides incentives to encourage GPs and other health workers to work in rural and remote areas [6]. In China, Most good hospitals are in urban areas, where there are better-qualified health professionals. Village doctors are often undertrained. To help bridge the urban–rural health care divide, the central government and local governments sponsor training for rural doctors in urban hospitals and require new medical graduates to work as residents in rural health facilities. Nevertheless, the China Health and Family Planning Statistical Yearbooks show that substantial disparities remain [6]. In France, the 2004 Public Health Act set targets for reducing inequities in access to care related to geographic availability of services, among other factors. National surveys showing regional variations in health and access to health care are reported by the health ministry [6].

In Israel, disparities between population groups have been demonstrated for decades. Persistent disparities in health have been documented along various gradients, including and geographic location within Israel. These disparities include health outcomes, disease risk factors, mortality rates and self-rated health [1, 18].

In 2010, the Israel MOH made the reduction of health disparities as one of its strategic objectives. This national plan for tackling health inequalities is focused primarily on impacting midstream factors, such as improving access to critical healthcare-service infrastructures in peripheral areas; eliminating financial and other access barriers to care for low-SES population groups; reducing disparities in access to and quality of healthcare services due to cultural barriers; developing incentives and tools that support the efforts of ‘agents of change’ in combating health disparities among target groups, and establishing a national health disparities database. Reporting on and monitoring of health disparities was an integral component of this new policy [18]. The MOH publishes a comprehensive annual report dedicated solely to this subject, which details specific programmes by each health plan and other groups for addressing health disparities [16-17].

When looking at the Israeli data, several explanations might be suggested: All hospitals operate within the same marker, and strive for better performance regardless of geographic location. They all operate under strong, uniform regulation by the Ministry of Health, and financial incentives drive some of the motivation to improve infection control. Data for quality indicators was "trimmed" at the target, so that differences between high- and low-achievers could have been masked.

In summary, hospitals located in the periphery of Israel had somewhat lower scores in terms of inpatient satisfaction but better performance in preventing hospital-acquired infections. Further research should look specifically at mechanisms utilized by Israeli hospitals to promote quality and patient experience, and the correlation between mechanisms used and outcomes.

Bibliography

1. Abu-Saad K., Avni S., Kalter-Leibovici O. Health disparities monitoring in the US: lessons for monitoring efforts in Israel and other countries / K. Abu-Saad, S. Avni, O. Kalter-Leibovici // Israel journal of health policy research. – 2018. – Nr. 1. – P. 1-14.
2. Bin Nun G., Berlovitz Y., Shani M. The Health System in Israel. Chapter 6: admitting institutes. – Tel Aviv:Yafo – 2020. – P. 170-206 [Hebrew].
3. Clarfield A. M. et al. Health and health care in Israel: an introduction / A. M. Clarfield et al. // The Lancet. – 2017. – Nr. 10088. – P. 2503-2513.
4. Dixon J. Improving the quality of care in health systems: towards better strategies / J. Dixon // Israel Journal of Health Policy Research. – 2021. – Nr. 1. – P. 1-5.
5. Dreiher D. et al. National initiatives to promote quality of care and patient safety: achievements to date and challenges ahead / D. Dreiher et al. // Israel journal of health policy research. – 2020. – Nr. 1. – C. 1-16.
6. International Profiles of Health Care Systems. The Commonwealth Fund. [Electronic resource] / E. Mossialos, A. Djordjevic (Eds.). – 2017. – Available at: https://www.commonwealthfund.org/sites/default/files/documents/___media_files_publications_fund_report_2017_may_mossialos_intl_profiles_v5.pdf
7. Ministry of Health. – 2020. – The National Program for Quality Indicators in Hospital 2013-2019. – [Hebrew].
8. Ministry of Health. – 2018. – Patient experience survey for inpatients. – 2018. – [Hebrew].
9. Ministry of Health. – 2019. – Patient experience survey in the emergency department. – 2019. – Hebrew].
10. Ministry of Health. – 2020. – Summary of acquired sepsis in intensive care units. – 2019. – Hebrew].
11. Ministry of Health. – 2020. – National Report. – 2019. – Alert Bacteria in General Hospitals. [Hebrew].
12. Ministry of Health. – 2020. – Urinary tract acquired infections. – 2019. – [Hebrew]
13. Ministry of Health. – 2019. Antibiotic use, general hospitals. – 2018. – [Hebrew].

14. Ministry of Health. – 2019. – Immunization of Healthcare workers. – 2018. – [Hebrew].
15. Ministry of Health. – Preventing Infections and Keeping Patients Safe. – 2020 [Hebrew] Available at: https://www.health.gov.il/NewsAndEvents/SpokemanMessages/Pages/01012020_1.aspx last accessed December 31, 2020.
16. Ministry of Health. Inequality in Healthcare and Dealing with it. – 2019. – [Hebrew].
17. Ministry of Health. – Inequality in Healthcare and Dealing with it. – 2020. – [Hebrew].
18. Muhsen K. et al. Inequalities in non-communicable diseases between the major population groups in Israel: achievements and challenges / K. Muhsen et al. // *The Lancet*. – 2017. – Nr. 10088. – C. 2531-2541.
19. Rosen B., Waitzberg R., Merkur S. Israel – health system review / B. Rosen, R. Waitzberg, S. Merkur // *Health Systems in Transition*. – 2015. – Nr. 1. – P. 202.

УДК 378.1, 37.072

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSMENT OF INNOVATIVE ECOSYSTEMS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Israeli Milana¹

¹graduate student Departments of Business and Management, International Economic Relations, Tourism, Free International University of Moldova (ULIM) in Chisinau
E-mail: milanaisraeli@gmail.com

The efficiency of the innovation process can be increased through an innovation ecosystem, where a higher education institution is the center around which the resources of its participants are grouped. The combination of participants (state, university, science, business and others), their interaction in the ecosystem can be different. Therefore, the article discusses approaches to assessing the functioning and performance of innovative ecosystems of higher education institutions.

Keywords: *innovation, approaches, assessment, higher education institutions, ecosystem.*

The assessment of the innovation ecosystem is driven by the search for ways to expand the entrepreneurial and innovative activities of universities, the diversity of its participants, the complexity of their connections and relationships, interdisciplinary nature, the integration of universities into an innovative regional and national ecosystem, the growth of university spin-off companies and startups, capacity building by attracting talent and others. Hence, the purpose of this article is to systematize approaches to assessing the development of the innovation ecosystem and its continuous improvement at the university level.

The relevance of approaches to assessing innovation ecosystems is not a stable and invariable characteristic [20] and is considered in the literature from various points of view. The concept, principles, framework of ecosystems in relation to the study of socio-economic relations are controversial. Hence, there is a methodological complexity in terms of assessing the level of their development, the impact on the environment in which they originate and operate. Methods for assessing the entrepreneurial ecosystem are applied at the national and regional levels. For example, at the national level, the assessment is carried out using various indicators of the Global

Entrepreneurship Monitor (GEM) with a focus on people and processes, the Panel Study of Entrepreneurial Dynamics (PSED) focuses on the environment. At the regional level, ecosystem assessment is carried out using various methods that allow us to identify differences, constraints and development opportunities in the regions. But all of these techniques cannot be applied to the ecosystem of the entrepreneurial university.

The university-based innovation and entrepreneurial ecosystem is the foundation for the sustainable development of academic entrepreneurship and education. Modern research on the innovation and entrepreneurial ecosystem of universities is mainly focused on the development of its concept, while the literature on approaches to assessment is relatively sparse.

Based on the analysis of scientific research using an analytical and synthetic approach, the author identified certain approaches to assessing university ecosystems (Figure 1).

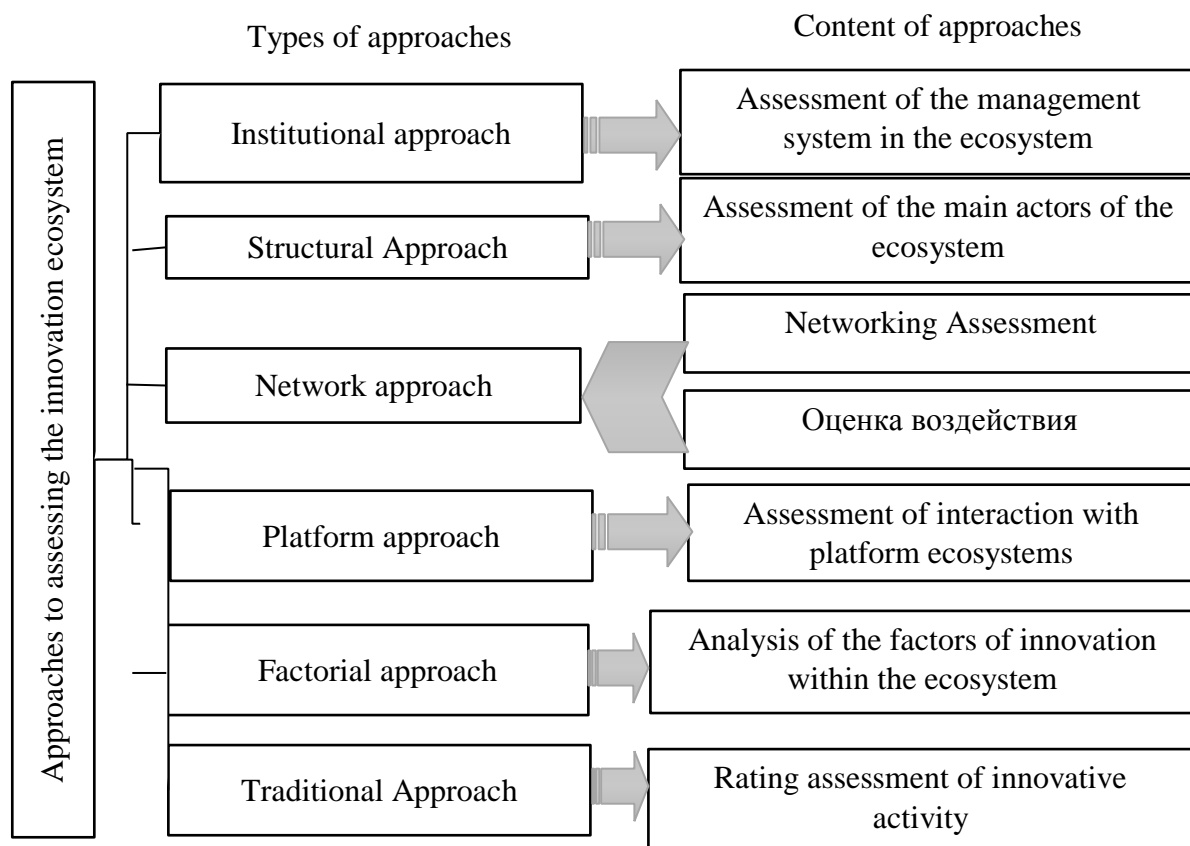


Figure 1. Approaches to assessing the university ecosystem

Let's consider these approaches in more detail.

Institutional approach assumes that each participant in the ecosystem has its own goals and interests associated with the development of new products / services and its entry into the market. They develop their strategies for behavior in the ecosystem based on their roles or functions [5]. In doing so, effective management of knowledge and information transferred between ecosystem partners is critical for joint management decisions. The nature of ecosystem management relies on both contractual and non-contractual mechanisms.

The core mission of entrepreneurial / innovative universities is technology transfer and the process of commercializing potentially promising ideas. Based on the innovation development strategy chosen by the university, two directions are assessed: the level of technology transfer and innovation commercialization, as well as student entrepreneurship [14]. Both directions provide for the assessment of the innovation ecosystem of the university in terms of management: training specialists and students in entrepreneurship, infrastructure development, provision of resources, the process of creating innovations, the results obtained, marketing support, innovative infrastructure,

networks and the active interaction of all participants. It is also necessary to evaluate the policy for the development of an entrepreneurial culture of researchers, the participation of university leaders in it, various incentives and teaching methods, including entrepreneurial experience. An assessment of the institutional policies of universities will allow adapting, recognizing and promoting a multilateral non-linear approach to research and innovation [11].

Structural Approach. When determining the structure of an ecosystem, an approach is usually used that consists of decomposing the elements of the ecosystem. In this approach, the structure of an ecosystem is a set of elements that can then be grouped according to a functional principle. The structural approach allows you to get a kind of "portrait" of the innovation ecosystem. But the more elements in the ecosystem, the less detailed its characteristics. The problem is that the "portrait" is unique to each ecosystem at any given time.

Ecosystems are made up of heterogeneous actors playing different roles. The heterogeneity of ecosystems usually arises from the fact that their constituent participants can be from different industries and sectors [18]. The analysis of the ecosystem structure includes the mapping and selection of the main participants and stakeholders (stakeholders), as well as the definition of procedures and tasks for the partnership.

The Entrepreneurial University is at the heart of the innovation ecosystem and is associated with various internal and external groups or individual actors. These can be other universities, small and large enterprises, government and public organizations that interact to produce knowledge and develop new technologies in a region or country. Therefore, it is necessary to collect basic information about all actors in the ecosystem, both key players and stakeholders. In doing so, it is important to define the main organization in terms of ecosystem management. Ecosystem leadership provides leadership and direction for collective action. Leaders can be university leaders or leaders from leading industry organizations who decide to develop an action plan and discuss the results. The structure of the ecosystem allows its participants to specialize in specific roles that are not necessarily defined in formal contracts.

An analysis of the structure of ecosystem participants will allow us to determine the range of stakeholders (stakeholders) involved in the management and support of the university's entrepreneurial activities. The following stakeholders can be involved in creating or developing an innovation ecosystem: specialized "service providers" such as lawyers, accountants and consultants; non-governmental organizations and representatives of government agencies; some banks or various financial institutions. The above participants in the ecosystem help to add value to the existing one, support innovative ecosystems, and provide venture capital.

Analysis can provide important information and use it to effectively engage stakeholders in the assessment process itself. Stakeholder participation in assessments should be considered in the light of their rights, interests, knowledge, and any strategic goals. Stakeholder analysis can also help determine who should be involved, at what stage in the development of the ecosystem, and how. A structured approach can only be used to describe and not to manage an ecosystem.

Network approach. The complexity of the innovation process lies in the high cost of creating a product, the complexity of its production, the necessary conditions for this and the availability of knowledge on key development issues. That is why a network structure of a formal or informal nature is being formed, facilitating the interaction and exchange of key resources between the participants of the innovation ecosystem. The interaction between participants can be described in a two-tier circle, where entrepreneurial networks are the center of innovation processes, and the outer circle is entrepreneurial ones. Interactions (physical, cognitive, social or institutional) can have technological, commercial, legal, social and financial dimensions. This interaction is aimed at developing new technologies, protecting them and financing new projects.

The university will not be able to exist as a whole, but it needs the interactions that are created in the ecosystem. Interactions can occur both within the framework of one university with many actors, and other participants in the ecosystem: between the state and the university, between

business and the university, between alumni and the university, technology transfer networks and the university.

The cooperation of universities with industry in many regions is predominantly local in nature [3], since it is largely determined by spatial proximity [6]. A significant part of knowledge flows between science and industry, and this reflects the influence of universities on the dynamics of development of innovation ecosystems.

Scholarly discussions highlight the issue of disciplinary bias in developing indicators to assess the role of universities in regional development. The task of taking into account the diversity of achievements of universities in working with regions is indicated as a necessary condition.

The developments on the creation of a system for assessing the contribution of universities to the region, including in its innovative development, are given in European projects, for example, the European Commission's project on the development of a system of indicators for assessing the third role of European universities (E3M Project) [2] or a project on development of a model for assessing cooperation between universities and society as a whole of the Swedish Federal Agency for the Development of Innovation Systems (VINNOVA).

The level of contribution of universities to regional development, according to the author, is one of the indicators of the development of the sphere of higher education and its place in society. The contribution of universities to the success of regional innovation systems should be focused on assessing the level of cooperation of universities with the regional community, including such as networking, providing opportunities for continuous professional development, consulting activities of universities, collaborations in research and development with regional partners, order fulfillment for research and development by regional industrial partners, activities for licensing the results of research and development, the creation of spin-offs and training of the local population. In addition, co-location of university and industrial R&D laboratories can also help in the development of complex and innovative products, especially in the face of rapid industrial and technological change.

Depending on the goals of the university, interaction can be with other universities in the ecosystem. It can be directed predominantly towards research or education over research, or in their joint interaction with large firms or corporations. For example, in London, the Imperial College [1] was included in the creation of an ecosystem focused on the intersection of technology and design.

To assess the level of development of innovation ecosystems, the intensity and quality of these interactions, as well as the emergence of new organizations in the network and their contacts, are becoming more important. The level of interaction differs between the actors of the ecosystem and is determined by the volume of knowledge creation, the speed of knowledge diffusion, its transformation into innovation and the diffusion of innovation [10].

The contribution of universities to the innovative development of the territory of their location is determined by a number of factors, the most important of which are the following: the level of innovative development of the region, the level of the innovative potential of the region, the level of the university's intellectual potential for the development of the region. The development of methods for assessing the contribution (involvement) of universities in regional development will allow studying various aspects of the activities of universities, create a toolkit for assessing their potential in promoting regional innovative development.

Impact assessment. The concept of measuring interactions, relationships and knowledge flows between researchers and stakeholders serves as a path to measuring impact. Impact assessment identifies the strength, magnitude and consequences of cross-impact of ecosystem stakeholders. Jarrod Ormiston views impact assessment as “a transdisciplinary practice that evolves and brings together many practices such as strategy, operations management, accounting, marketing, motivation, and organizational learning” [13].

The impact assessment framework is the basis for measuring the effectiveness of innovation ecosystems supported in the European Union [12]. Previously, the evaluation of innovative projects funded by the European Union relied on classical economic, scientific and

technological indicators. Currently, when assessing the innovation ecosystem, the concept emphasizes their main target - the development of new and promising products, services, services, constant updating for the survival and development of the ecosystem. Therefore, priority is given to such assessment factors as the innovative readiness of the ecosystem (identification of internal potential for the development and implementation of innovations, in direct connection with the study of environmental conditions), the innovation management system and the market potential of innovation. The last factor is especially important for describing ecosystem interactions, role distribution of stakeholders. Although universities are often a source of innovative products, their entry to the market occurs through private firms, which indicates different "competence" vectors of ecosystem participants.

In addition to classifying impacts based on their time horizon (short, medium and long term impacts), impacts can be distinguished according to four main characteristics of the university profile [7]:

- Human capital education and development (with a regional focus);
- Research, technological development, knowledge transfer and commercialization (with the involvement of local or regional partners);
- Entrepreneurship and enterprise development support (within the local region or with the involvement of local or regional partners);
- Regional orientation, strategic development and knowledge infrastructure (involving local, regional, national or foreign partners).

The indicators for each profile are considered in terms of Inputs and "Results" indicators and "Impact" indicators. In the university ecosystem, Inputs are innovative ideas, scientific developments, information and other intellectual resources. The implemented innovations will be accumulated at the output of the system.

In the knowledge economy, it is necessary to combine the resources of the participants in innovation in order to increase its intensity. Lack of various resources will hinder the achievement of the ultimate goal of commercializing potentially promising ideas. The most important element of an effective entrepreneurial / innovation ecosystem for a university is the availability of talented and qualified faculty and students. If universities can provide high-quality education, they will attract more young and talented people, provide high-quality research, and generate more innovation. Therefore, such indicators as the talent index and the technology index [16] are closely related to the quality of education at universities.

An important aspect of the innovation process is the assessment of access to funding, which is critical for investment in university innovation projects. The development of an innovation ecosystem is determined by the number of implemented innovative projects, their commercial potential and the volume of attracted investments. According to the author, one of the goals of the university's entrepreneurial ecosystem is the successful implementation of innovative projects. Without innovative projects, complex relationships between ecosystem participants will collapse, so it is necessary to develop its network structure.

The choice of the form of organizing innovation processes (inside and outside the university) and the motivation of specialists who participate in the creation of innovations and employees responsible for monitoring this process also affect the formation and development of the innovation ecosystem. An accurate assessment of what resources are exchanged by the participants of the innovation ecosystem, the ways of their flows and possible blockages, non-institutional factors of these processes are the key basis for the analytics of the formation of ecosystems associated with the creation and implementation of technical innovations.

Platform approach can be viewed as a source of answers to modern challenges in the development of strategies for the "knowledge triangle" and regional development based on knowledge in general. Through this approach, platform partners create new value for each other, creating a network effect and a combination of digital solutions and physical innovation support centers.

The open format of innovation processes and co-production of new value corresponds to the general logic of changing relationships between higher education institutions, business and society. Universities are abandoning a closed model of cooperation, becoming more open. In this context, innovation platforms are understood as new formats of interaction that stimulate a culture of open innovation, communication and partnership [8]. Given the large number of stakeholders involved in the assessment process, it is essential to create a single platform for uploading and sharing information.

Digital (intangible) and physical (tangible) innovation platforms stimulate the interaction of ecosystem participants. However, the interaction and organization of innovation processes on different platforms are different. Therefore, in the author's opinion, the question of the result (effect) of creating a platform is important. For example, the societal effect ("knowledge triangle") of platforms is associated with the spillover and serendipity effects they generate. These effects are difficult to quantify or measure because they manifest themselves in the course of learning or ecosystem development. When trying to tackle social problems through the knowledge triangle and to coordinate the platforms and related strategies, certain measurement methods and new indicators are needed.

In the scientific literature in the field of development of ecosystems of education, models and ways of building a platform are proposed [21]. Higher education institutions, together with platform partners, should assess the level of operational and strategic management skills and determine what additional services and assets are needed to achieve societal impact, together with the stimulation of scientific and educational activities. From the point of view of platform management, in addition to ensuring profitability, the creation and distribution of new value within the framework of a multilateral platform and the achievement of network effect are important criteria. All of these areas must be sufficiently developed to ensure that the platform is mutually beneficial for users and owners in both physical and digital environments.

Applying the concept of (digital) higher education platforms can transform the delivery of higher education services within the open education ecosystem in close collaboration with other actors. When considering the sustainable development of education, importance is usually attached not only to the hardware or structure of the university, but also to the software. Building an open innovation platform can ensure the development of the educational ecosystem of higher education.

Factorial approach to the development of the university ecosystem. A university is influenced by various factors (conditions) in the surrounding community, but it also has its own set of factors that can influence entrepreneurial activity from within. Establishing the conditions necessary for the successful transfer of knowledge is important especially when the context involves collaboration between different organizations.

The analysis of factors (conditions) for the formation and development of entrepreneurial / innovative ecosystems of universities is disclosed in the works of various scientists. Stam [15] developed the synthesizing model for ecosystem measurement based on two kinds of conditions (framework conditions, systemic conditions), outputs and outcomes. The model has ten so-called elements: formal institutions, entrepreneurial culture, physical infrastructure, demand, networks, leadership, talent, finance, new knowledge, and intermediate services. Yanjie Xie presented a model of a university entrepreneurial ecosystem assessment system based on four characteristics of the university entrepreneurial ecosystem: ecological diversity, synergistic symbiosis, network interaction, and self-evolution [19]. Graham R. [4] reveals the conditions for the success of leading universities: institutional culture, leadership, university research capabilities, local and regional attractiveness, regional and government support, university strategy, student entrepreneurship. He also highlighted the factors supporting and developing the potential of universities and the growth of innovation ecosystems: senior management, university departments, R&D led by both the university and students, the external community.

Thus, the conditions that are considered by many authors are entrepreneurial culture, leadership, availability of infrastructure and resources.

Improving the concept of measuring university entrepreneurial performance requires a new perspective on the diversified structures and contexts of universities. Results in the form of building processes for registering patents, selling licenses, creating spin-off companies, forming start-ups.

Ecosystem output includes the production of shared knowledge that is distinguished by commercialization from the products and services of generating ecosystems. Ecosystem participants are more dispersed and include different communities (for example, scientific and industrial communities). They are part of the knowledge ecosystem itself or exist outside of this system [18].

Formal approach presents an assessment of entrepreneurial / innovative universities using international rankings. The use of a formal approach allows us to highlight active universities in the field of innovation, if they are represented in national or international rankings. Various methods and indicators used for assessing the innovative activity of universities are presented in the world rankings of universities [9]. The Times Higher Education international ranking includes groups of indicators characterizing the level of teaching, research, citation, and the international aspect. The Industry Income indicator in this rating essentially reflects the effectiveness of the process of commercialization of scientific results and developments, the effectiveness of technology transfer [17]. For the overall ranking of the QS World University Rankings, as well as for its regional and subject sub-ratings, an indicator of the university's reputation among employers and the business community is used. In addition, since 2015, the QS company began to publish a separate QS Graduate Employability Rankings, which deals with the interaction of the university and employers. It also contains indicators that can be indirectly attributed to methods of assessing the university's connection with the business community, in addition to reputation. The group of indicators "partnerships with employers" takes into account not only the number of agreements between the university and companies in the field of research, but also indicators on the employment of students / graduates, scholarships from companies, as well as the size of income from the industry.

Other rankings focus on bibliometric and patent data (Thomson Reuters Top 100: The world's most innovative universities); on the presence of startups (Forbes. Startup Schools: America's Most Entrepreneurial Universities); initiatives within the Triple Helix Association (The Global Entrepreneurial University Metrics initiative (GEUM)).

World rankings of innovative infrastructure facilities related to universities are reflected in UBI Global: Top Business Incubation Rankings; Innovation U2.0 Reinventing University Roles in a Knowledge Economy; The Entrepreneurial University Scorecard (material The National Center for Entrepreneurship in Education (NCEE, 2018) and others. The universities' own systems for assessing innovative and entrepreneurial activities are presented in the TOP-100: MIT; University of California, Los Angeles (UCLA).

According to the author, there are currently no direct indicators related to technology transfer and the development of university ecosystems in international university rankings. International rankings reflect only certain aspects of the development of innovations in higher education institutions. This is how the indicators "academic reputation" (40% in the QS World University Rankings and 15% in the Times Higher Education ranking), "reputation among employers" (10% in the QS ranking) and others are formed. The Times ranking contains indicators related to the volume of research funding by third-party companies (total weight about 10%). Based on the results of the analysis of international experience in assessing various aspects of the innovation activity of universities, it is obvious that it is impossible to build any harmonious monitoring system based only on the data that are in the public domain, otherwise the entire analysis can be reduced to bibliometric and patent comparison. In addition, the ratings are heterogeneous in terms of their quantitative and qualitative indicators; the methods of processing statistical data are imperfect; the criteria applied are not always justified; universities in different countries have different levels of economic development and culture.

The study of approaches to assessing the entrepreneurial / innovation ecosystem allows the author to conclude that an integrated approach is needed to assess the ecosystem of entrepreneurial / innovative universities, taking into account the main components of the ecosystem and the influence of factors (conditions) of the external and internal environment on it. To implement further research and determine the indicators of the ecosystem of higher educational institutions, the author achieved the goal set at the beginning of the paragraph to disclose approaches to assessing the university ecosystem.

Bibliography

1. Budden P., Murray F. MIT's stakeholder framework for building & accelerating innovation ecosystems. Retrieved from MIT Lab for Innovation Science and Policy. – 2019. – Available at: https://innovation.mit.edu/assets/MIT-Stakeholder-Framework_Innovation-Ecosystems.pdf
2. E 3M Project – European Indicators and Ranking Methodology for University Third Mission. – Available at: <http://www.e3mproject.eu/index.html>
3. Fritsch M. Do regional systems of innovation matter / M. Fritsch // *The New Economy in Transatlantic Perspective-Spaces of Innovation*. – Abingdon: Routledge. – 2005. – P. 187–203.
4. Graham R. Creating university-based entrepreneurial ecosystems: evidence from emerging world leaders / R. Graham. – Massachusetts : Massachusetts Institute of Technology, 2014. – 141 p.
5. Imperial M.T. Institutional analysis and ecosystem-based management: the institutional analysis and development framework / M.T. Imperial // *Environmental management*. – 1999. – Nr. 4. – P. 449-465.
6. Jiao H. et al. The more interactions the better? The moderating effect of the interaction between local producers and users of knowledge on the relationship between R&D investment and regional innovation systems / H. Jiao et al. // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2016. – Nr. 110. – P. 13–20.
7. Jonkers K. et al. A regional innovation impact assessment framework for universities / K. Jonkers et al. // *JRC Discussion Paper. Joint Research Center. Brussels*. – 2018. – Available at: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC109020/jrc109020_iiu27.pdf
8. Kautonen M., Pugh R., Raunio M. Transformation of regional innovation policies: From 'traditional' to 'next generation' models of incubation / M. Kautonen, R. Pugh, M. Raunio // *European Planning Studies*. – 2016. – Nr. 4. – P. 620–637.
9. Lapuşin R., Israeli M. Assessment the rating of innovative activities of higher educational institutions: on the example of Israel / R. Lapuşin, M. Israeli // *Journal of Research on Trade, Management and Economic Development*. – 2020. – Nr. 1. – P. 59-70.
10. Mercan B., Goktas D. Components of innovation ecosystems: a cross-country study / B. Mercan, D. Goktas // *International research journal of finance and economics*. – 2011. – Nr. 16. – P. 102-112.
11. Migueis R., Paolucci E. Role of universities of science and technology in innovation ecosystems: towards mission 3.1 / R. Migueis, E. Paolucci. – Leuven : Cesaer, 2018. – 36 p.
12. Nepelski D., Van Roy V. Innovation and innovator assessment in R&I ecosystems: the case of the EU Framework Programme / D. Nepelski, V. Van Roy // *Journal of Technology Transfer*. – 2020. – P. 1-36.
13. Ormiston J. Blending practice worlds: Impact assessment as a transdisciplinary practice / J. Ormiston // *Business Ethics: A European Review*. – 2019. – Nr. 4. – P. 423-440.
14. Shwetzzer C., Maritz A., Nguyen Q. Entrepreneurial ecosystems: A holistic and dynamic approach. / C. Shwetzzer, A. Maritz, Q. Nguyen // *Journal of Industry-University*

Collaboration. – 2019. – <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JIUC-03-2019-0007/full/html>

15. Stam E. Measuring entrepreneurial ecosystems / E. Stam // Entrepreneurial ecosystems. – Springer, Cham. – 2018. – P. 173-197.

16. Sun S.L. et al. Enriching innovation ecosystems: The role of government in a university science park / S.L. Sun et al. // Global Transitions. – 2019. – Nr. 1. – P. 104-119.

17. THE Methodology. – Available at:
<https://www.timeshighereducation.com/news/ranking-methodology-2016>

18. Thomas L.D.W., Autio E. Innovation ecosystems in management: An organizing typology / L.D.W. Thomas, E. Autio // Oxford Research Encyclopedia of Business and Management. – 2020. – Available at:
https://www.researchgate.net/publication/336603231_Innovation_ecosystems_in_management_An_organizing_typology

19. Xie Y., Zhang W. Construction and Measurement of University-based Entrepreneurial Ecosystem Evaluation Index System: A Case Study of Zhejiang University in China / Y. Xie, W. Zhang // American Society for Engineering Education. – 2019. – P.20.

20. Yan J. et al. Biophysical economics as a new economic paradigm / J. Yan et al. // International Journal of Public Administration. – 2019. – Nr. 15-16. – P. 1395-1407.

21. Zhang S. et al. The Thought and Practice in Teaching Reform of “Soil Mechanics” / S. M. Zhang et al. // International Journal of Modern Education & Computer Science. – 2013. – Nr. 29. – P. 55-59.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОБЩЕПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Асрян Т.Ю.

В представленной статье автор рассматривает государственный суверенитет как общеправовую категорию

Ключевые слова: «государственный суверенитет», «народный суверенитет» и «национальный суверенитет».

Понятие «суверенитет» широко используются в конституционном и международном праве. По своему смысловому значению слово «суверенитет» происходит от старолатинского «*supervanus*», «*supervani*», перешедшего в старофранцузское «*sovereins*», и означает «самодержавный», «наивысший», «абсолютный», «неограниченный». Суверен, т. е. властелин. *Super* (лат.) - над, т. е. верховенство, независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц[1].

Несмотря на некоторые различия в понимании сущности суверенитета, большинство исследователей (Левин, Тункин, Алексеев), выделяют следующие его общие категориальные признаки:

- 1) Полновластие и верховенство государства внутри границ.
- 2) Независимость государства на международной арене.
- 3) Единство суверенитета государства (государственной власти)[2].

Государство внутри своих границ обладает всей полнотой власти. Кроме того, государственная власть обладает верховенством на соответствующей территории. Таким образом, на этой территории нет, и не может быть никакой иной власти, кроме власти данного государства. Верховенство государственной власти проявляется, прежде всего, в верховенстве ее законов, а также в верховном положении государственных органов. Если государственная власть «зависима от другой, то, разумеется, она уже не верховна, если же она верховна, то она не может быть зависимой от другой власти, иначе верховной была бы

эта последняя власть», - писал известный русский правовед А. Яценко[3].

Единство государственного суверенитета означает его неделимость между различными субъектами. Это утверждение непосредственно вытекает из характеристики суверенитета как основного свойства государства.

Систематизируя сущностные характеристики суверенитета, их можно свести к следующим пяти положениям:

1. «Суверенитет является не только исторической категорией, но характеризует собой и ныне юридическую природу государственного властвования и является тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публично-правовых союзов и отграничить сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств»[4]. При раскрытии содержания суверенитета дается ответ на вопрос, что означает независимое, суверенное государство, в чем оно заключается, а при анализе формы суверенитета исследуется то, кому, каким органам власти и управления юридически и фактически принадлежит право осуществления независимой деятельности государства.

2. Суверенитет всегда выступает как реальная правовая категория, внешняя форма выражения государственно-правовых явлений и процессов. И, несмотря на целый ряд экономических и философских моментов, суверенитет есть политическое и государственно-правовое явление. Что касается экономических основ государства, его военного, промышленного, научного потенциала, прочих факторов, то они влияют на устойчивость и прочность внутренних и внешнеполитических позиций, однако сами по себе непосредственно суверенитета не составляют.

3. Не сводя суверенитет государства лишь к перечню прав, которыми наделена государственная власть, необходимо заметить, что реализуется суверенитет именно посредством использования уполномоченными на то государственными органами своих полномочий. Если видеть в суверенитете не идеальное, а реальное явление с конкретным содержанием, поддающимся измерению, то надо признать, что в каждом конкретном случае под суверенитетом должно понимать (в частности) и перечень прав, и их реальный объем. Итак, суверенитет нельзя сводить к перечню прав, хотя именно в совокупности этих прав он получает свое проявление.

4. К суверенитету необходимо также применять категорию «меры», ибо любое свойство не может оставаться абсолютно неизменным. Категория «меры» особенно проявляется при раскрытии двух аспектов суверенитета: внутригосударственного, т. е. верховенства высшей государственной власти внутри страны, и внешнеполитического, т. е. независимости высшей власти данного государства от какой бы то ни было власти вовне. В основе выделения этих аспектов лежит различие механизмов разрешения спорных правовых и политических вопросов, возникающих во внутри- и внешнеполитической сферах.

5. Понятие суверенитета используется в праве (государственном и международном) и правоведении для характеристики особых, специфических свойств, присущих лишь государству. Оно отражает наиболее общие черты и особенности любого государства – большого или малого, развитого или развивающегося, унитарного или федеративного, вне зависимости от политического строя[5].

Таким образом, суверенитет может быть охарактеризован, как правовая категория, выражающая вовне внутреннюю самостоятельность субъекта-носителя. Данная самостоятельность проявляется в верховенстве, независимости, политической, экономической, социальной свободе, а также в реальной способности этого субъекта решать вопросы своего существования. При этом необходимо учитывать, что на практике деятельность государства и его властных органов детерминирована реальными внутренними и внешними условиями, экономической и социальной средой, уровнем развития общества, мировым разделением труда. Верховенство государства и его независимость не означают, что государство ничем не ограничено в своих действиях и

может устанавливать, например, любой общественный или государственный строй или осуществлять любую внешнюю и внутреннюю политику.

В политико-правовой литературе различают понятия «государственный суверенитет», «народный суверенитет» и «национальный суверенитет». В иерархии этих понятий и их практической значимости на первом месте находится народный суверенитет, выражающий верховное, неотчуждаемое право народа определять свою судьбу, быть единственным, ни от кого и ни от чего не зависимым носителем и выразителем верховной власти в государстве и обществе. Производным от народного суверенитета является государственный суверенитет. В практическом функционировании они тесно взаимосвязаны. Государственный и народный суверенитеты нераздельно сосуществуют в государственной и общественной жизни, и это сосуществование можно определить, как способность государства самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику при условии соблюдения прав человека и гражданина и норм международного права[6].

Суверенитет народа, таким образом, представляет собой юридическое и фактическое обладание народом всей полнотой государственной власти. Именно народ выступает ее единственным источником и носителем. Народ является носителем и обладателем суверенитета, и именно в силу этого обстоятельства принадлежащая ему государственная власть является суверенной государственной властью. Суверенитет народа выступает в качестве основы суверенитета государственной власти. Если народ утрачивает суверенитет, то и государственная власть автоматически утрачивает свой суверенный характер. Из данного положения следует вывод, имеющий принципиальное значение для темы настоящего исследования. Никакая внешняя сила, будь то отдельное государство, или даже группа государств, не может лишить государство его суверенитета, поскольку это означало бы покушение на суверенные права соответствующего народа, что в свою очередь, противоречило бы не только общепризнанным принципам и нормам международного права, но и сложившейся в современном мире системе гуманитарных и культурных ценностей.

Представляется бесспорным, что обязанность уважения независимости других участников международных отношений, которая с неизбежностью вытекает из принципа уважения суверенитета, предполагает, что каждое государство должно воздерживаться от осуществления своей власти и властного принуждения в отношении любого другого государства. Таким образом, иммунитет государства от юрисдикции других государств является органичным следствием принципа уважения и соблюдения государственного суверенитета. Таким образом, любое применение властных функций одного государства по отношению к другому государству является, по сути дела, отрицанием юридического равенства этих государств, поскольку выражает не их равноправие, а подчинение одного государства власти другого. Как пишет один из известнейших теоретиков международного права Л. Оппенгейм, ни одно государство не может претендовать на осуществление своей власти над другим[7]. Аналогичной точки зрения придерживался и другой известный ученый – А. Фердросс. Он полагал, что государство, как носитель публичной власти, не может быть подчинено ни законодательству, ни юрисдикции, ни управлению другого государства, а подчиняется исключительно международному праву[8].

Единство суверенитета означает, что его субъектом, носителем являются народ, нация, государство. Суверенитет един и неделим. Это категория недробная: либо суверенитет есть в полном объеме, либо его нет совсем. Дозирование суверенитета исключено. Всякое дозирование суверенитета есть свидетельство его отсутствия у субъекта. Здесь необходимо отметить, что положение о неделимости государственного суверенитета не подвергается сомнению ни в отечественной, ни в зарубежной правовой доктрине.

Фактически, любое допущение делимости государственного суверенитета, каким образом оно не было бы сформулировано, означает его полное отрицание. «Государство и суверенитет неотделимы друг от друга так же, как и неделим государственный

суверенитет», - справедливо отмечает Г. К. Дмитриева[9].

Современное понимание суверенитета нельзя считать полным без учета, с одной стороны, сложного комплекса исторических, социальных и культурных факторов, с другой стороны, оно невозможно вне контекста современной теории международного права.

Наиболее четко идею взаимосвязи понятия суверенитета и международного права выразил И. Д. Левин, который утверждал: «Суверенитет осуществляется в рамках международного права, а понятия суверенитета и международного права — понятия коррелятивные, необходимо друг друга предполагающие»[10]. Однако международное право, признавая существование того или иного государства, только признает его суверенный статус, его равноправие. Тем самым остальные государства как бы заявляют, что в отношении данного государства они обязуются действовать в соответствии с общепринятыми положениями международного права, но ни в коей мере не наделяют данное государство суверенными правами. Государство суверенно уже в силу факта своего существования. «Международное право не наделяет государства суверенитетом и тем самым внутренней компетенцией, но основывается на признании суверенитета и, следовательно, сердцевины суверенитета - внутренней компетенции»[11].

Независимость государства на международной арене представляет собой исключительно юридическую категорию, причем, в основе международной правосубъектности государства лежит именно его суверенный статус. Через категорию «независимости» определяет понятие суверенитета Л. Оппенгейм: «Суверенитет как нечто исключаящее зависимость от какой-либо другой власти и, в частности, от власти другого государства есть независимость. Он является внешней независимостью, поскольку дело касается свободы действий государства за пределами его границ, во взаимоотношениях с другими государствами. Он является внутренней независимостью, поскольку дело касается действий государства в пределах его границ»[12].

Важно отметить, что независимость государства вовсе не означает, что данное государство не находится в правовой связи с другими субъектами международного права. Современные государства включаются в различные виды международной взаимозависимости: они вступают в союзы и объединения, становятся членами международных организаций, заключают международные договоры и соглашения. Права субъектов международного права ограничиваются на строго добровольных началах, и в этом суверенитет находит одно из своих высших проявлений.

Реальный суверенитет имеет своим пределом суверенитет всех остальных государств[13]. Таким образом, любые международные обязательства, принятые на себя государствами на добровольной и взаимной основе, не должны расцениваться как ограничение его суверенитета.

Политические решения одного государства, так или иначе, затрагивают интересы другого государства и его права. Государственные границы сегодня уже не являются внешними пределами суверенитета государства. Его права часто распространяются за пределы своих собственных границ, что также подтверждает необходимость в новом сравнительно-правовом взгляде на суверенитет. Каждый международный договор или конвенция увеличивает или уменьшает объем полномочий суверенных государств, зачастую вмешивается в сферу их суверенных прав.

Сегодня в качестве основополагающей концепции при оценке положения государства выступает идея взаимозависимости государств, которая, ни в коем случае, не является антонимом суверенитета, даже в тех случаях, когда подразумеваются некоторые ограничения на независимость и самодостаточность государства.

Таким образом, суверенитет представляет собой сложную политико-правовую категорию, отражающую полновластие государства, его самостоятельность и независимость в экономических, социальных и других сферах жизни. Если государство существует, то оно должно обладать суверенитетом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головкин А. А. Современные проблемы государственного суверенитета в республике Беларусь // Право и политика. - № 1 - 2000. – С. 25.
2. Тункин Г.И. Основы современного международного права. - М., 1956. – С. 15; Левин И. Д. Суверенитет. – М., 1948; Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. – М., 1958. – С. 200.
3. Ушаков Н. А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. – М., 1993. – С. 16.
4. ¹ Палиенко Н. И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. – Ярославль, 1903. – С. 566.
5. Барциц И. Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики. – М., 2000. – С. 122.
6. Золотарева М. В. Национальный суверенитет: на стыке права и политики // Федерализм. – 1999 - №3. – С. 141-142.
7. Оппенгейм Л. Международное право. – М., 1948. Т. 1, полутом 1. – с. 245.
8. Фердросс А. Международное право. – М., 1959. – с. 208-209.
9. Международное частное право: Учебник/Под ред. Г. К. Дмитриевой. – М., 2004. – С. 268.
10. Левин И. Д. Суверенитет. – М., 1948. – С. 141.
11. Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М., 1993. – С. 150.
12. Оппенгейм Л. Международное право. – М., 1948. Т. 1. – С. 260.
13. Ушаков Н. А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. – М., 1993. – С. 31.

ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА КАК ОДНО ИЗ ВЕДУЩИХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Афанесян К.К.

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса Пятигорского института
(филиал) СКФУ*

В представленной статье описывается защита материнства как одно из ведущих направлений советской социальной политики накануне и в годы великой отечественной войны.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, материальная помощь, пособия, капиталовложение.*

Период Великой Отечественной войны стал временем тяжелых испытаний для всего советского общества. Строгой проверке подвергся сам механизм функционирования советской социальной политики, основы которой были заложены в два предшествующих десятилетия. В экстремальных условиях военного времени резко сократился общий объем бюджетных средств, выделявшихся на социальные нужды и другие статьи расходов, не связанных прямо с обороной страны. Государству пришлось выбирать приоритетные направления социальной политики, которые требовали первоочередной поддержки. Наряду

с организацией продовольственного снабжения, медицинского обслуживания и материально-бытового обеспечения населения, оказанием социальной помощи детям, семьям фронтовиков и инвалидам, в их числе оказалась и охрана материнства.

Защита материнства обусловлена в первую очередь стремлением общества обеспечить свое воспроизводство, сохранив политическую и этнокультурную целостность, обеспечив возможности дальнейшего развития производительных сил. Формы защиты выражались в законодательном закреплении прав женщин, предоставлении им определенных социальных преференций и льгот, оказании материальной помощи беременным женщинам и матерям, создании специализированных женских и детских медицинских, воспитательных и иных учреждений. В рамках данной статьи защита материнства рассматривается на основе как ранее опубликованных материалов, так и архивных документов.

Следует отметить, что меры по защите материнства, особенно в начальный период Великой Отечественной войны, в значительной степени опирались на нормативно-правовую базу, разработанную еще в 1930-е гг. Так, 27 июня 1936 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Согласно данному документу, размер государственного пособия на обзаведение необходимыми предметами ухода за новорожденным увеличился с 32 до 45 руб., пособия, выдаваемого матери на кормление ребенка, с 5 до 10 руб. в месяц. Незастрахованным женщинам – членам кооперативных артелей и предприятий – указанные пособия выдавали кооперативные кассы взаимопомощи. Государственное пособие выплачивалось многодетным матерям, имевшим 6 детей, при рождении каждого следующего ребенка в размере 2 тыс. руб. ежегодно в течение 5 лет со дня его рождения. Матерям, имевшим 10 детей, выплачивалось единовременное государственное пособие при рождении каждого следующего ребенка в 5 тыс. руб. и со второго года ежегодное пособие в 3 тыс. руб., выдаваемое в течение следующих 4 лет со дня рождения ребенка.

В годы войны были приняты новые меры, гарантировавшие дополнительную защиту материнства. Местные органы власти освобождали беременных женщин и женщин с грудными и малолетними детьми от выполнения трудовых повинностей, которые периодические возлагались на советское население. Так, 10 марта 1944 г. исполком Новошахтинского городского Совета депутатов трудящихся заслушав вопрос «О строительстве подъездных путей на шахтах Южной группы треста «Несветайантрацит», во исполнение постановления Государственного комитета обороны СССР № 4990/с от 19 января 1944 г. и решения Ростовского областного исполкома № 39/с от 17 февраля 1944 г., для решения указанных задач обязал привлечь к трудовой повинности жителей поселков, прилегающих к шахтам Южной группы (имени Кирова, Молотова, Тельмана, Красный шахтер, Горловка, Пролетаровка), а также неработающее трудоспособное население города (мужчин в возрасте с 16 до 55 лет, женщин – с 16 до 45 лет) сроком на 2 месяца. Освобождались от трудовой повинности в составе лиц, попавших в указанную демографическую группу, помимо инвалидов Великой Отечественной войны и инвалиды труда 2-й группы, беременные женщины, начиная с пятимесячного срока беременности, и женщины, имевшие грудных детей и детей в возрасте до четырех лет в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними и мест в детских садах.

Особенно важное значение для комплексного решения вопросов защиты материнства имел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». Он был

принят уже на завершающем этапе войны 8 июля 1944 г., когда, с одной стороны, острее сказывались проблемы в положении женщин-матерей, многие из которых лишились помощи своих мужей и других членов семей, с другой стороны, у государства появилось больше возможностей для варьирования бюджетными средствами в связи с коренным переломом в ходе боевых действий и налаживанием работы промышленности на востоке страны. В то же время задачи восстановления разрушенного нацистской оккупацией народного хозяйства также требовали немалых капиталовложений. Принятие в такой ситуации рассматриваемого указа позволяет считать, что защита материнства рассматривалась советским руководством как, действительно, одна из самых важнейших задач. Неслучайно в преамбуле документа говорилось: «Забота о детях и матерях и об укреплении семьи всегда являлась одной из важнейших задач советского государства. Охраняя интересы матери и ребенка, государство оказывает большую материальную помощь беременным женщинам и матерям на содержание и воспитание детей. Во время войны и после войны, когда для многих семей имеются более значительные материальные затруднения, требуется дальнейшее расширение мероприятий государственной помощи».

Согласно вышеуказанному постановлению, государство устанавливало пособия многодетным матерям, имевшим двух детей, при рождении третьего и каждого последующего ребенка. Ежемесячное пособие выплачивалось, начиная со второго года рождения ребенка и до достижения ими пятилетнего возраста. Одиноким матерям пособие от государства выплачивалось до достижения детьми шестнадцати лет, а если ребенок продолжал обучение и не получал стипендию – до восемнадцати лет. Одиноким матерям, которые имели четырех и более детей, государственное пособие выплачивалось в дополнение к пособию по многодетности. Если мать-одиночка вступала в брак, то пособие сохранялось. Но в пособии было отказано матерям, получавшим алименты до выхода указа. Для одиноких матерей предусматривалась возможность поместить ребенка в детское учреждение на воспитание за государственный счет, сохранив за ними право забрать его обратно. Во время нахождения ребенка в детском учреждении пособие на него не выплачивалось. Оплата за содержание детей в детских садах и яслях снижалась на 50 %, независимо от размера заработка, для родителей, имевших четырех и более детей.

Немало внимания уделялось социальной защите беременных женщин. Руководитель предприятия или учреждения обязывался предоставить женщине, ожидавшей ребенка, очередной отпуск, приурочивая его к отпуску по беременности и родам. Руководители были обязаны оказывать помощь не только беременным женщинам, но и кормящим матерям, в форме дополнительной выдачи им продуктов из подсобных хозяйств.

Новый комплекс мер касался поощрения материнства: было установлено звание «Мать-героиня», учрежден орден «Материнская слава» и медаль «Медаль материнства». Медалью II степени награждались женщины, родившие и воспитавшие пять детей, I степени – шесть детей. Орден «Материнская слава» I, II и III степени награждались, соответственно, женщины, родившие и воспитавшие семь, восемь и девять детей. Высшая степени отличия – звание «Мать-героиня» с вручением ордена «Мать-героиня» и грамотами от Президиума Верховного Совета СССР награждались матери, родившие и воспитавшие 10 или более детей. Награждение орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» и присвоение звания «Мать – героиня» производилось при условии достижения младшим ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери.

Органами власти на местах было развернуто широкое разъяснение и обсуждение его положений Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”».

Так, 21 июля 1944 г. постановление Кагальницкого райкома ВКП(б) обязало секретарей первичных партийных и комсомольских организаций, женских организаторов

колхозов и совхозов, председателей райкомов и месткомов профсоюзов, председателей колхозов и руководителей предприятий и учреждений района проводить общие собрания и беседы, разъясняя всем трудящимся, что данный закон – «закон социалистического государства о заботе о матери и детях». Заведующие районными отделами здравоохранения Рошак и народного образования Шаповалова, секретарь райкома ВЛКСМ Клименко, председатели райкомов и местных профсоюзов обязывались обеспечить «безусловное выполнение» данного указа. Сельским советам были даны указания «немедленно приступить к учету многодетных семей и улучшить работу по выплате пособия многодетным и одиноким матерям». Указывалось на необходимость строгого порядка соблюдения районным отделом здравоохранения, а также предприятиями и учреждениями порядка предоставления отпусков беременным женщинам в соответствии с указом правительства.

Обращалось внимание и на приведение «в надлежащий вид» помещения ЗАГСов и создания в них «надлежащих условий для регистрации брака», улучшение работы районной детской консультации и детских яслей в совхозах и колхозах. Районному торговому отделу предлагалось усилить контроль над правильным использованием присылаемых в район промышленных и продовольственных товаров для матерей и детских учреждений. Директору районного промышленного комбината Ярошенко и председателю артели инвалидов «Путь красных партизан» Семенову ставились задачи «принять меры к расширению пошивки детской обуви, одежды, а также изготовлению игрушек». Районному прокурору Сальникову поручалось «следить за выполнением настоящего Указа Верховного Совета, ведя решительную борьбу с нарушителями данного закона».

5 января 1945 г. состоялось заседание Обливского районного Совета депутатов трудящихся. На нем заслушали доклад «О результатах проверки выполнения решения исполкома облсовета от 10.08.1944 года № 2143 «О мероприятиях, в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 года “Об охране материнства и детства”». В принятом решении исполком районного Совета отметил, что районный отдел здравоохранения через женскую и детскую консультацию провел обследование «по выявлению беременных работающих женщин, с целью недопущения использования их на сверхурочных работах, а матерей, имеющих грудных детей, на ночной работе». Всего было выдано 27 справок новорожденным, обследованы детские учреждения. Райпотребсоюзом открыта детская столовая на 200 человек, выделен в столовой стол для обслуживания беременных и кормящих матерей, отпущено новорожденным 230 метров мануфактуры.

Исходя из вышеизложенного, исполком обязал заведующего районным отделом здравоохранения Кривопустенко и заведующего отделом коммунального хозяйства Лескина подобрать помещение для детских яслей, женской и детской консультации и обеспечить их немедленное открытие. Председателя райпотребсоюза Горобцову обязали «улучшить питание в детской столовой», одновременно поручив ей «довести до сведения» заместителя председателя Ростовского облисполкома Васильевой, что «выделенные облпотребсоюзом наряды на детскую столовую совершенно недостаточны и просить оказать воздействие на облпотребсоюз о выделении нарядов, достаточных для питания в столовой двухсот человек детей».

Заветинский районный исполком Совета депутатов трудящихся 25 марта 1945 г. принял постановление «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению бытового обслуживания женщин и детей» в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 10 ноября 1944 г. № 1571 и постановлением Совнаркома РСФСР от 30 ноября 1944 г. № 814 «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского обслуживания женщин и детей» и решения исполкома Ростовского областного Совета депутатов трудящихся от 31 января 1945 г. № 145. Исполком районного Совета утвердил контингент детей районного детского сада на 1945 г. в 25 человек и распределение выделенных постановлением Совнаркома РСФСР от 30 ноября

1944 года № 814 шерстяных и хлопчатобумажных тканей для детей, находящихся на патронате, в количестве 25 метров.

Заведующий Заветинского районного земельного отдела Зеленчук, председатели сельских и поселковых советов обязывались к 1 апреля 1945 г. при всех яслях и детских садах провести организацию подсобных хозяйств, выделив для этой цели земельные участки, обеспечив обработку этих участков силами колхозов, совхозов и хозяйственных организаций, привлекая к этому общественность. Местной промышленности поручалось производство мебели и посуды, необходимой для полного обеспечения детских яслей и детсада. Председатели сельских и поселковых Советов обязывались обеспечить в кратчайшие сроки проведение ремонта в детских учреждениях и роддомах, снабдить их «потребным количеством местного топлива на круглый год». Районный торговый отдел должен был снабжать детей в яслях, молочных кухнях, детсадах, женщин в роддомах продуктами питания по нормам, установленным постановлением Совнаркома СССР № 1571 от 10 ноября 1944 г. При этом отпуск продуктов следовало производить за 10 дней до начала квартала, отоваривать фонды на продовольственные товары для детских учреждений продуктами улучшенного качества, не допускать в снабжении детских учреждений заменителей сахара, животных жиров.

Районный отдел здравоохранения до 15 апреля должен был организовать четыре колхозных роддома в селах Киселёвка, Федосеевка, колхозе им. Тельмана и хуторе Фомин. Медицинскому, воспитательному и обслуживающему персоналу детских яслей и детсадов разрешалось организовать питание при детских учреждениях со сдачей продовольственных карточек и оплатой сырьевого набора продуктов питания. От районных земельного отдела и отдела здравоохранения требовалось до начала весенних полевых работ организовать в колхозах детские ясли на 12 человек. Районным отделам народного образования и здравоохранения до 15 апреля следовало организовать в колхозах детские площадки, «учитывая индивидуальную потребность каждого колхоза». Районному отделу здравоохранения также предлагалось организовать семинар воспитательниц к 15 апреля 1945 г.

Таким образом, Советское государство в годы Великой Отечественной войны уделяло значительное внимание вопросам защиты материнства. Анализ сложившейся еще до войны нормативно-правовой базы позволяет представить, как именно осуществлялось регулирование данных вопросов и обеспечивалась охрана материнства. В годы войны, в условиях, когда существенно снизился уровень жизни общества, были приняты новые меры по охране материнства, среди которых выделяется Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”».

Постановления районных Советов депутатов трудящихся Ростовской области, извлеченные из архивных фондов и опубликованные в специальных сборниках, раскрывают механизмы реализации основных положений данного указа местными органами власти. При этом содержащиеся в них указания на необходимость преодоления существовавших недостатков (например, в организации работы детских столовых или использовании в детском питании заменителей и др.) свидетельствуют, во-первых, о том, что подобные явления имели широкое распространение, а во-вторых, партийное и советское руководство прикладывало усилия к их преодолению. Изучение степени эффективности данных усилий обуславливает необходимость обращения к другим источникам, как официального, так и личного происхождения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456020602>.
2. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области. Ростов-на-Дону; Белгород: КОНСТАНТА, 2020. 648 с. С. 427.
3. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (Указ от 8 июля 1944 г.) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 234
4. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (Указ от 8 июля 1944 г.) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 234–241.
5. ЦДНИРО. Ф. Р-50. Оп. 2. Д. 4. Л. 72–73.
6. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области. Ростов-на-Дону; Белгород: КОНСТАНТА, 2020. 648 с. С. 491–492.
7. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области. С. 518.

УДК 641.05

РАЗРАБОТКА ТЕХНОЛОГИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ БЛЮД БЫСТРОГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Афасижева Р.А.¹, Макличенко О.А.²

*¹студентка 3 курса Школы Кавказского гостеприимства
группы П-ТПО-б-о-181
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
E-mail: afasizheva.ruzanna11@mail.ru*

*²старший преподаватель кафедры технологии продуктов питания и товароведения
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
E-mail: olga_maklichenko@mail.ru*

В данной статье рассматривается история возникновения пиццы, ее классификация и виды, описываются особенности технологии приготовления пиццы из рисовой муки и определение химического состава нового изделия.

Ключевые слова: пицца, рисовая мука, тесто, начинка, безопасность, санитарно-гигиенические требования.

Блюда быстрого приготовления – это питание с меньшей тратой времени, в том числе и на изготовление самого блюда, с упрощёнными или упразднёнными столовыми приборами или вне стола.

Рассмотрим в качестве фастфуда – приготовление пиццы, с полной заменой пшеничной муки, на рисовую. Пицца – одно из самых популярных и простых блюд. Существует немало рецептов её приготовления, и каждый хорош по-своему. В разных регионах пиццу готовят по-разному.

Хотелось бы немного поговорить про особенности возникновения и историю происхождения данного блюда.

Именно с Италией ассоциируется пицца у большинства людей. Но история ее происхождения уходит корнями глубоко в историю.

Первое упоминание о пицце («pizza») найдено в летописях итальянского городка Гаэта (997 г.н.э.). Пицца, которую мы привыкли видеть сейчас, появилась тогда, когда в Европе появились томаты. В ту пору помидоры считались ядовитыми плодами, и люди отказывались употреблять их в пищу. Со временем в Неаполе помидоры стали использовать как начинку для теста. Именно здесь на тонкое тесто выкладывали соус из помидоров, травы и разнообразные начинки, после чего запекали. Блюдо это было дешевое и сытное. Уже в XVII веке начали открываться первые пекарни – «pizzailo».

Хотелось бы в виде примера, привести интересную историю происхождения Пиццы «Маргарита». После объединения множества королевств и возникновения единого государства королева Маргарита посетила Неаполь. Ее Величество захотела познакомиться с национальной кухней Неаполя. Особенно королева хотела попробовать пищу простолудинов. Самому знаменитому неаполитанскому «pizzaioli» было поручено приготовить королеве блюдо, да такое, чтобы было и вкусно, и патриотично. Мастер взялся за дело и выпек пиццу, которая сочетала в себе все цвета флага Италии: красный – томаты, зеленый – базилик, белоснежный – моцарелла.

Переходя от истории происхождения пиццы – интересного в приготовлении и имеющего большую разновидность как теста, так и начинок, приведем некоторые примеры классических видов пицц:

- Маргарита – помидоры, моцарелла, базилик, оливковое масло;
- Неаполитанская – помидоры, моцарелла, пармезан, анчоусы, базилик;
- Каприччоза – моцарелла, помидоры, грибы, черные и зеленые оливки, артишоки, базилик;
- Прошутто – моцарелла, ветчина, черный перец, оливковое масло;
- Гавайская – ветчина и ананасы
- Сицилийская (в Италии ее называют «Сфинционе») – сыр пекорино, томатный соус, анчоусы. В США часто придают этой пицце квадратную форму.
- Четыре сезона – начинки разделены на 4 сектора: 1) весна: оливки и артишоки; 2) лето: салями и чёрный перец; 3) осень: помидоры и моцарелла; 4) зима: грибы и варёные яйца.

Правильно приготовленное тесто для пиццы – это залог успеха всего блюда. В зависимости от вида и рецепта пиццы, тесто готовится совершенно разное.

Пицца состоит из основы для теста (краст) и начинки.

Подразделяют тесто для пиццы на следующие виды: бездрожжевое тесто; вытяжное тесто (для приготовления данного теста используют муку грубого помола); безопарное дрожжевое тесто; сдобное опарное дрожжевое тесто; итальянское тесто; тесто на основе кефира; полезное тесто (тесто делается на основе из цельнозерновой

муке); тесто для пиццы на закваске (без дрожжей); пресное несладкое тесто на соде; из слоеного дрожжевого теста и др.[5]

В качестве начинки для пиццы могут быть использованы различные компоненты и их сочетание. Наиболее распространенными являются:

- сливочно – грибная начинка (шампиньоны; лук репчатый; твердый сыр);
 - с куриным филе (отварная куриная грудка; помидоры; сладкий перец; лук; листья базилика; сыр твердых сортов);
 - с колбасой и сыром (копченая колбаса; сыр пармезан; помидоры; маринованные огурцы (по желанию); красный лук);
 - “Четыре сыра” (сыр Моцарелла; сыр Рокфор; сыр Гауда; козий сыр и листья орегано, можно сухой);
 - овощная начинка (сыр Моцарелла; кабачки; баклажаны; черные маслины (без косточки); салатный перец; лук репчатый; орегано; имбирь по вкусу);
 - деревенская начинка (сыр Моцарелла; жаренные шампиньоны; бекон; жареный лук-полукольцами; жареный картофель-брусочками; орегано)
- и др.

По физико-химическим показателям пицца должна соответствовать следующим значениям:

- Массовая доля сухих веществ, % (не менее) 39%.
- Массовая доля жира, % (не менее) 9 %.

В настоящее время, большое внимание уделяется здоровому питанию.

Пицца – это привычное лакомство для многих людей, на данный момент любителей данного блюда достаточно много по всему миру, однако, она считается очень калорийным продуктом, а также приготовленный краст на основе пшеничной муки может привести к возникновению аллергических реакций у людей, страдающих целиакией.

Как правило, еще одно вещество, которое мы получаем с пшеничной мукой – это глютен (белок клейковины). Исследования показали, что этот белок оказывает влияние на весь организм, в целом. Последствия оказание плохого влияния на организм обусловлено тем, что когда данный белок попадает в организм, и после того, как он проходит всю систему пищеварения, данное вещество нарушает работу всасывающих ворсинок, вследствие чего кишечник не справляется со своими функциями, в свою же очередь, это может вызывать диарею, метеоризм, вздутие и т.д.

В ходе данного исследования, после изучения всех свойств пшеничной муки, как полезных, так и оказывающих последующее негативное влияние на организм, мы решили изменить состав основы для пиццы, путем замены данного вида муки на рисовую и тем самым обогатить ее белком и витаминами группы В. Еще одним преимуществом данного блюда будет то, что его можно будет употреблять и людям, которые придерживаются безглютеновой диеты.

Рисовая мука получается из полированного риса. Этот вид муки содержит большое количество белка и крахмала, именно поэтому изделия из нее отличаются характерным белоснежным цветом. Еще одной отличительной особенностью рисовой муки является отсутствие в ней специфического белка – глютена, способного вызывать сильную аллергическую реакцию. Рисовая мука является источником полноценного по аминокислотному составу растительного белка, содержит натрий, калий, магний, фосфор, цинк, витамины группы В – В₁, В₂, В₃. Этот вид муки является источником широкого спектра природных микроэлементов, витаминов и минеральных веществ, что делает её исключительно полезной для питания людей всех возрастов.

Органолептическим способом устанавливают свойства продуктов с применением органов чувств: зрения, осязания, обоняния и слуха. Таковым способом определяют вкус, цвет, запах, консистенцию и внешний вид продукта.

При производстве и реализации продукции фастфуда, как пищевых продуктов высокой влажности, необходимо строгое соблюдение санитарно - гигиенических норм и правил ее производства и реализации.

Нами была отработана рецептура нового вида пиццы. Перечень компонентов, входящих в рецептуру, представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Рецептура пиццы с основой из рисовой муки

| Наименование сырья и продуктов | Расход сырья и продуктов на 1 порцию, г | |
|--------------------------------|-----------------------------------------|-------|
| | брутто | нетто |
| Творог обезжиренный | 180 | 180 |
| Мука рисовая | 130 | 130 |
| Яйцо | 1/3 шт | 25 |
| Соль | 3 | 3 |
| Разрыхлитель | 2,5 | 2,5 |
| Отварная(грудка) | 150 | 150 |
| Маринованные огурцы | 100 | 100 |
| Помидоры | 40 | 40 |
| Томатная паста | 30 | 30 |
| Сыр | 90 | 90 |
| Выход | | |

Технология приготовления пиццы с основой из рисовой муки включает в себя следующие операции: приготовление основы для пиццы, приготовление начинки, выпекание.

Основа для пиццы: смешать в чаше творог, яйца, рисовую муку, разрыхлитель и соль до однородной консистенции. Выложить тесто на противень, застеленный пергаментной бумагой и распределить тесто по всей форме. Смазать основу пиццы томатной пастой, мелко нарезать отварную грудку, кружками нарезать огурец, а помидоры тонкими дольками. Выложить слоями мясо птицы, маринованный огурец и помидор. Поставить пиццу выпекаться в заранее разогретую до 180-200 °С духовку на 10 минут. Посыпать пиццу натертым сыром и отправить в духовку еще на 5 минут.

Нами был произведен расчет пищевой и энергетической ценности блюда.[6] Результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Расчет пищевой и энергетической ценности пищи

| № п/п | Наименование блюда и порций | Творожный | Мука рясая | Яйцо | Соль | разрыхлитель | Отварная (грудка) | Маринары | Белки, г | | Жиры, г | | Углеводы, г | | | Пищевые волокна, г | Зола, г | Минеральные вещества, мг | | | | | Витамины | | | | | Энергетическая ценность | | | | | | | |
|-------|-----------------------------|-----------|------------|------|------|--------------|-------------------|----------|----------|-----------------|---------|--------|-------------|--------|---------|--------------------|---------|--------------------------|-------|-------|------|-----|----------|-------|---------------|-------|--------|-------------------------|--------|-------|--|--|--|--|--|
| | | | | | | | | | общие | в т.ч. животные | общие | в т.ч. | общие | моно и | крахмал | | | Na | K | Ca | Mg | P | Fe | A мкг | В-каротин мкг | B1 мг | B2, мг | | PP, мг | C, мг | | | | | |
| 100 | Выход блюда или порций | 180 | 130 | 25 | 3 | 2,5 | 150 | 100 | 185 | 11,7 | 129,06 | 39,6 | 5,94 | 5,94 | 0 | 0 | 2 | 81 | 221,4 | 196,2 | 23,4 | 153 | 0,18 | 0 | 0 | 0,054 | 0,234 | 0,18 | 0,288 | 127,8 | | | | | |
| 92 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,8 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,1 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,1 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 1,7 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 1,6 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,1 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,8 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 3,9 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 111 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 141 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 23 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 14 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 24 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,6 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 30 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,02 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,02 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 0,1 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 5 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 13 | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |

| Всего | Сохранность | Итого | 9 | 8 |
|-------|-------------|-------|-------|------|
| | | | 30 | 40 |
| 159,9 | 39 | 410,0 | 21 | 36,8 |
| 7,23 | 7 | 103,3 | 1,44 | 0,44 |
| 0,91 | - | 91,07 | - | - |
| 1,41 | 18 | 7,822 | 0 | 0,08 |
| 0,077 | - | 7,72 | 0 | 0,08 |
| 1,137 | - | 113,7 | 5,7 | 0,38 |
| 2,621 | 17 | 15,42 | 5,4 | 1,4 |
| 5,226 | 5 | 104,5 | 1 | 0,3 |
| 0,085 | 2 | 4,26 | 0,33 | 0,14 |
| | 77 | 8,896 | 0,81 | 0,28 |
| 23,78 | 5 | 475,6 | 4,5 | 1,2 |
| 175,6 | 14 | 1254 | 262,5 | 116 |
| 32,91 | 7 | 470,1 | 6 | 5,6 |
| 24,72 | 10 | 247,2 | 15 | 8 |
| 75,43 | 8 | 942,9 | 20,4 | 10,4 |
| 0,544 | 8 | 6,808 | 0,69 | 0,36 |
| 1,404 | - | 140,4 | 0 | 0 |
| 90,5 | 10 | 905 | 540 | 320 |
| 0,078 | 23 | 0,341 | 0,045 | 0,06 |
| 0,108 | 18 | 0,602 | 0,051 | 0,04 |
| 0,807 | 6 | 13,45 | 0,57 | 0,5 |
| 23,02 | 80 | 28,78 | 13,5 | 10 |
| 119,0 | 12 | 991,9 | 36 | 9,6 |

Таким образом, разработанная новая рецептура пиццы и использованием рисовой муки позволит расширить ассортимент изделий быстрого приготовления, в том числе рекомендовать ее для питания людей, страдающих непереносимостью глютена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богушева В.И. Технология приготовления пищи: учебно-методическое пособие / В.И. Богушева. - 3-е изд. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. - 376 с.
2. Васюкова, А.Т. Технология продукции общественного питания: учебник / А.Т. Васюкова, А.А. Славянский, Д.А. Куликов; под ред. А.Т. Васюковой. – Москва : Дашков и К°, 2018. – 496 с.
3. Васюкова, А.Т. Организация производства и обслуживания на предприятиях общественного питания : учебник / А.Т. Васюкова, Т.Р. Любецкая ; под ред. А.Т. Васюковой. – Москва : Дашков и К°, 2018. – 416 с.
4. Главчева, С.И. Индустриальное производство в общественном питании: учебное пособие: С.И. Главчева, А.Н. Сапожников, Е.В. Махачева; Новосибирский государственный технический университет. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. – 124 с.
5. Еремина, Т.А. Особенности приготовления хлебобулочных, мучных кондитерских изделий народов мира: учебное пособие: [12+] / Т.А. Еремина, О.А. Апалихина ; науч. ред. Е.В. Асмолова. – Воронеж: Воронежский государственный университет инженерных технологий, 2018. – 133 с.
6. Скурихин И.М. Таблицы химического состава и калорийности Российских продуктов питания: Справочник/ И.М. Скурихин, В.А, Тутельян – М.: ДеЛи принт, 2007. – 276 с.

ИННОВАЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Благоразумная О.Н.¹

*¹кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры бизнес и управление, международные экономические отношения,
туризм,
Международный Независимый Университет Молдовы (ULIM) в г.Кишинев,
E-mail: blagorazumnaya@yandex.com*

Традиционные методы обучения в системе высшего образования не *всегда* позволяют раскрыть творческий талант студентов, привить им навыки самостоятельного принятия решений. Одним из направлений совершенствования подготовки будущих специалистов, повышения их уровня развития интеллектуально-коммуникативной деятельности и креативности является применение инновационных технологий и методов обучения.

Ключевые слова: инновация, методы, высшее образование, технологии.

Вводить инновации означает выходить за рамки того, какая и как выполняется работа в настоящее время, а развитие новой идеи помогает выполнять данную работу по-новому. Следовательно, цель любого изобретения – создание новых видов продукции или услуг, отличающихся количественными или качественными, или теми и другими параметрами. Инновации следует рассматривать как инструмент необходимых и позитивных изменений. Чтобы добиться значительного преобразующего эффекта, нововведение должно быть реализовано, что требует быстрого распространения и широкомасштабного внедрения. Инновация требует трех основных шагов: идея, ее реализация и результат, который является результатом реализации идеи и приводит к изменению.

Образование является мощным инструментом социальных изменений и преобразований, а инновационная практика преподавания – один из способов повысить качество образования. Цель высшего образования - не просто сделать студента профессионально подготовленным, но и добавить рациональное мышление, способность быстро усваивать знания, научить применять их на практике.

Традиционные технологии и методы становятся эффективными в повышении качества образования, только если они сочетаются с технологическими и инновационными. Любой метод, использующий компьютеры или модифицирующий существующий традиционный метод (доска и мел), является новаторским, если он в конечном итоге служит достижению основной цели обучения.

Образовательные инновации могут быть направлены на прогресс в одном, нескольких или всех аспектах системы образования: теория и практика, учебная программа, преподавание и обучение, политика, технологии, институты и администрация, институциональная культура и педагогическое образование. Инновации в образовании призваны повысить продуктивность и эффективность обучения и / или улучшить качество обучения студентов.

Технологии также меняют качество обучения в аудитории. Информационные и коммуникационные технологии внесли много новшеств в области обучения, а также радикально изменили старую парадигму преподавания и обучения. Разработка и

применение новых технологий и методов обучения являются одним из направлений интеграции разработки, освоения и инноваций в образовательном процессе. Их реализация приводит к значительным изменениям в преподавании и обучении, а значит к лучшему обучению учащихся.

Применение инноваций касаются всех заинтересованных сторон: учащихся, педагогов, руководителей системы образования, исследователей, будущих работодателей, политиков и требуют их активного участия и поддержки. Инновации приносят пользу как студентам, так и преподавателям. При рассмотрении роли инноваций для учащихся необходимо учитывать когнитивные процессы, происходящих в мозге во время обучения, выявлении и развитии способностей, навыков и компетенций. К ним также можно отнести изменение поведения и активности студентов на занятиях, мотивации к получению знаний, улучшение самооценки, коммуникации, сотрудничества, а также вовлеченности и продуктивности обучения. Применение инноваций в образовании во многом зависят от компетенций и творческого подхода преподавателя, который использует формы, методы и приемы выбранной им технологии.

Технологии всегда служили как движущей силой, так и инструментом инноваций в любой сфере человеческой деятельности. В настоящее время большинство инноваций являются материальными, являясь либо технологическими инструментами (ноутбуки, iPad, смартфоны), либо технологическими системами обучения (англ. Learning Management System, LMS), либо ресурсами (образовательное программное обеспечение, веб-ресурсы и др.).

В зависимости от уровня применения инноваций выделяют пассивные, активные и интерактивные методы обучения. Преподаватели могут использовать различные методы и подходы обучения, которые позволяют студентам быть активными участниками в моделируемых ситуациях, совместно решать ситуативные проблемы, погружаться в реальную атмосферу делового сотрудничества. Предпосылки для использования новых технологий и методов обучения создает также использование информационно-коммуникационных технологий.

Рассмотрим достоинства и недостатки применения некоторых инновационных методов обучения с точки зрения преподавателей и студентов.

1. Система управления обучением (СУО) (англ. Learning Management System, LMS) представляет собой программное приложение или веб-технология, используемую для планирования, реализации и оценки конкретного процесса обучения. Системы управления обучением в основном используются для предоставления учебных программ и популяризации электронного обучения. СУО ориентированы на предоставление онлайн-обучения, но поддерживают множество применений, выступая в качестве платформы для онлайн-контента. Разновидности систем управления обучением: Moodle; Canvas; eCollege; Cornerstone; SumTotal; WebCT (в настоящее время принадлежит Blackboard).

Таблица 1

Достоинства и недостатки системы управления обучением

| Достоинства | Недостатки |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------|
| Для преподавателя | |
| Предоставляет возможность создавать и доставлять контент, отслеживать участие студентов и оценивать успеваемость студентов | Знание особенностей программ и правильный выбор разновидности программы |
| Предоставляет возможность изменять контент | Первоначальные затраты времени для подготовки материала для лекций и семинаров |
| Для студентов | |

| | |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Предоставляет возможность использовать интерактивные функции, такие как многопоточное обсуждение, видеоконференции и дискуссионные форумы | Для выполнения заданий в системе необходимо получить некоторый опыт |
| Доступ к материалам можно получить в любое время и отовсюду | Недостаточно живого общения и отсутствие возможностей для рабочих отношений, которые складываются в учебной группе |

2. Смешанное обучение - это термин, который все чаще используется для описания того, как электронное обучение сочетается с традиционными методами обучения в аудитории и независимым обучением для создания новой гибридной методики обучения. Методология смешанного обучения заключается в сочетании обучения в аудитории с мобильным обучением и онлайн-обучением. У него также есть разные названия, такие как смешанное обучение, гибридное обучение, смешанное электронное обучение, плавное обучение и т. д. В зарубежной практике выделенные шесть моделей смешанного обучения (Face to Face Driver, Rotation, Flex, Online Lab, Self-blend, Online Drive), подразделяются на дополнительные категории и сочетания, как например «Перевернутый класс» (Flipped Classroom) или «Смена опыта» (Lab Rotation) [4, с.280].

Таблица 2

Достоинства и недостатки смешанного обучения

| Достоинства | Недостатки |
|----------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------|
| Для преподавателя | |
| Предоставляет возможность сэкономить время, выставив оценки и оставив отзывы | Не могут многое узнать о моделях обучения учащихся |
| Предоставляет возможность повторно использовать материал каждый раз, когда нужно | Неэффективное использование инструментов обучения может привести к пустой трате ресурсов |
| Для студентов | |
| Позволяет лучше понять учебный материал через общение с коллегами (форум) | Самостоятельное освоение определённого материала или выполнение заданий |
| Обеспечивает персонализированным учебным опытом | Сроки выполнения заданий фиксированные |
| Предоставляет возможность видеть обновленные материалы | Необходимость иметь базовые знания технологий |

3. Игровое социальное имитационное моделирование (ИСИМ) - это метод, основанный на использовании неформального моделирования в практике управления сложными системами [3, с.252]. Основы моделирования реализованы с помощью игр в ряде научных дисциплин (исследование операций, теория игр). ИСИМ является средством для формулировки цели управления, проблематизации, формирования управляющих воздействий. К технологиям ИСИМ можно отнести имитационное упражнение, анализ конкретной ситуации, деловая игра, метод активного социологического тестирования, анализа и контроля (мастак-технология).

Таблица 3

Достоинства и недостатки ИСИМ

| Достоинства | Недостатки |
|-------------------|------------|
| Для преподавателя | |

| | |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Позволяет поддерживать активность и взаимодействие участников процесса обучения | Отсутствие у преподавателя определенной подготовки использования методов ИСИМ |
| Позволяет обучить студентов процедуре проблематизации и принятия оптимального решения | Отсутствие у преподавателя опыта работы в условиях неполной информации |
| Для студентов | |
| Самостоятельно принимать решение участником игры или игровой группой | Отсутствие навыков работы «в команде» и возникновение конфликтных ситуаций |
| Позволяет приобрести навыки принятия управленческих решений и формирование набора оптимальных стратегий поведения в условиях неопределенности | Объективная оценка знаний и умений как преподавателем, так и коллегами может привести к отрицательным эмоциям |

4. Геймификация обучения - это образовательный подход, который мотивирует учащихся к обучению с использованием дизайна видеоигр и игровых элементов в учебной среде. Цель состоит в том, чтобы получить максимальное удовольствие и заинтересованность за счет привлечения интереса учащихся и воодушевления их на продолжение обучения [1, с.277]. Геймификацию можно рассматривать как введение игровых элементов в неигровую ситуацию.

Есть две формы геймификации: структурная без изменения предмета и метод измененного контента, который добавляет предмет. Игры, применяемые в экономическом обучении, можно рассматривать как деловые игры, в которых процесс обучения сосредоточен на определенных бизнес-ситуациях. Деловые игры качественно изменяют содержание, методы и организационные формы обучения [2, с.58]. Они способствуют не только раскрытию и развитию познавательных способностей студентов, но и ориентируют на формирование практических навыков и опыта. Бизнес-ситуации требуют вдумчивого процесса для достижения целей обучения.

В образовательном контексте примеры желаемого поведения учащихся, на которое может потенциально повлиять геймификация, включают посещение занятий, сосредоточение внимания на значимых учебных задачах и проявление инициативы.

Таблица 4

Достоинства и недостатки геймификации

| Достоинства | Недостатки |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Для преподавателя | |
| Обеспечивает немедленную обратную связь | Для разработки и доработки деловой игры необходимы большие затраты времени |
| Практически полное отсутствие ограничений по количеству участников игр и их местоположению | Для эффективного использования готовых игр нужно время на подготовку и проработку возможных вариантов ее проведения |
| Для студентов | |
| Позволяет усваивать учебный материал через игровую ситуацию | Некоторыми студентами воспринимается как элемент развлечения |
| Увеличивает мотивацию, вовлеченность и интерес к предмету | Могут возникать конфликтные ситуации между коллегами при принятии игровых решений |

Сегодня в образовании используются различные инновационные технологии: онлайн-обучение, мобильное обучение, СУО, виртуальная реальность, виртуальные и удаленные лаборатории, 3D- и 4D-печати и многие другие. Различные инструменты,

программы, услуги и политики, такие как системы хранения и поиска информации с помощью Интернета, цифровые ресурсы, игры и моделирование, электронное консультирование и электронное обучение, распределение доходов в Интернете представляют собой исключительно технологические инновации. Они предназначены для интеграции индивидуального опыта обучения, результатов обучения на основе оценки, активизации мышления студентов.

Технологические инновации в конечном итоге будут стимулировать образовательные инновации, но этот путь медленнее, сложнее и ведет к огромной трате финансовых, технических и человеческих ресурсов. Для того, чтобы технологические инновации приносили положительный эффект в обучении, им должны предшествовать педагогическое лидерство, исследования и обоснованная теория. В связи с этим возникает необходимость использования в высшем образовании не только традиционных подходов, но и внедрение инновационных технологий и методов обучения, что является более сложной задачей. Именно преподаватели смогут сформировать среду обучения студентов и помогут им реализовать свой интеллектуальный потенциал. При интеграции новых технологий и методов обучения необходимо сначала рассмотреть их потенциальную применимость, ожидаемые затраты и выгоды, а затем разработать и применять в учебном процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Банных Г.А. Геймификация в университетском образовании: сравнительный анализ практик / Г.А. Банных // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21-22 апреля 2017. — Екатеринбург. — 2017. — № 3. — С. 277-280.
2. Благоразумная О.Н. Методы подготовки будущих менеджеров / О.Н. Благоразумная // EcoSoEn. — 2018. — № 1,2. — С. 58-65.
3. Клименко И.С. Возможности и условия применимости игрового социального имитационного моделирования в проблемно-ориентированном управлении / И.С. Клименко // EcoSoEn. — 2018. — № 3. — С. 251-258.
4. Янченко И.В. Смешанное обучение в вузе: от теории к практике / И.В. Янченко // Современные проблемы науки и образования. — 2016. — № 5. — С. 280-280.

ЭКСТРЕМИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Бондарь В.В.

аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений «Северо-Кавказский федеральный университет»

E-mail: stalker-vin@yandex.ru

Экстремизм является по своей природе политическим явлением. Любая экстремистская деятельность, даже религиозная, в современном мире носит политическое содержание, так или иначе затрагивает сферу правил, установленных государством. Более того, можно говорить о том, что ряд носителей идей политико-экстремистской деятельности используют религиозные идеи для прикрытия своих политических целей, для мобилизации и рекрутирования масс, и лишь прикрывают религиозными догматами попытки реформирования общества и государства. В то же время, экстремизм в большинстве своем разделяется лицами молодого возраста (до 30 лет), это связано с особенностями психики молодежи – внушаемостью,

отсутствием богатого личного опыта, максимализмом. При этом нет единой идеологии молодежного экстремизма. Все идеи направлены на перемены в политической сфере.

Ключевые слова: *экстремизм, левые экстремисты, правые экстремисты, религиозный экстремизм.*

В современной России возникли проблемы правоприменения законодательства о противодействии экстремизму. В основном критика законодательства и правоприменения связана с наличием большого количества уголовных дел в отношении лиц, озвучивших свое мнение в социальных сетях, сделавших «репост» картинки, сохранивших «мемы». Среди представителей гражданского общества, СМИ, представителей некоторых государственных органов возник вопрос: почему противодействие экстремизму используется для наказания лиц, разделяющих оппозиционные взгляды, но не предпринявших действий по претворению своих взглядов в жизнь. Нам следует разобраться в сути такого явления общественной и политической жизни как «экстремизм».

Рассмотрим два понимания экстремизма. Условно назовем 1 группу – «широкие» определения, 2 группу – «узкие» определения. Для начала изучим «широкие» подходы к пониманию сути экстремизма.

Общепринято отводить ведущую роль сформулированной Аристотелем «середины» и ее относимости по отношению к крайностям, подобным безграничности, а также падению нравов. Утверждаемое Аристотелем «истинно среднее» - является личным нравственным решением между излишествами и неподчинением страстям и необдуманном действиям. Философ античности использовал термин «середины» для описания всей политической системы в своем произведении «Этика Никомаха», сформировав 2 идеальные общественно-политические строи. Он решил сравнить «этос» человека с «полисом» всех жителей и пришел к выводу, что «этос» основан на полисе. Отсутствие приверженности к крайностям формирует личность в «полисное животное». Следовательно, «полис», включающий людей, придерживающихся «середины», обладает качественно лучшим общественно-политическими характеристиками.

Тезисы Аристотеля сыграли значительную роль при создании конституционализма. Основным его создателем считается Ш.-Л. Монтескье, изучавший непосредственную демократию и деспотию, и использовавший термин «крайний». Так, деспотический режим применяет безоговорочное подчинение личности своим интересам. Однако в случае, если рабство свержено благодаря народным восстаниям, то мятежники наказывались при помощи крайних мер, в то время как умеренные правители допускали подобные народные возмущения при разумных пределах. Главной угрозой для прямой демократии является распространение идеи «крайнего равенства». Подобное свидетельствует о возможном формировании деспотии одиночек.

Термин «крайний» трансформировался в дефиницию «экстремизм» не сразу, и это связано с описанием общественных и политических сил, существовавших в Национальном собрании Франции в 1789-1799 гг. В процессе создания либеральной и консервативной партий сформировались представления о «левых», «правых» и «центристах». В дальнейшем «левое - правое» разделение связывается с терминами «крайний» и «умеренный»: собственно, левый и антогоничный ему правый экстремизм («*extrémité gauche*», «*extrémité droite*») - от французских слов «крайний левый», «крайний правый»). Научные изыскания говорят о наличии идеологической схожести и различия данных крайностей.

Центризм в политической сфере («середина»), а также как и крайности («левые», «правые») существовали, как во Франции, так и в других странах, где различные силы, действующие в политической сфере, занимались поискам срединного пути между крайностями. Традицию революционных действия следует объяснить, как последствие ухода в одно из крайних направлений.

В дореволюционной Германии (до 1848 г.) либералы не использовали термины «крайний», «экстремистский». Они применяли понятия «ультраправый», «ультралевый». Дефиниция «экстремизм» появилась значительно позднее. Первоначально его использовал философ, член парламента Германии В.Т. Круг в философском словаре: «Экстремистами являются те, которые не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях. Но обычно их называют ультра (ультрареакционеры)». Однако, при таком достаточно раннем применении, термин начал широко использоваться в немецком языке значительно позднее.

Незначительно раньше понятие «экстремизм» употреблялось в Соединенных Штатах Америки, где противоборствующие, по вопросу рабовладения, стороны в Гражданской войне именовались экстремистами. В Европе данное понятие впервые широкое распространилось во время Первой Мировой войны, в то время как в России – не раньше Февральской революции 1917 года как термин, характеризующий большевиков, максималистов.

По итогам Первой Мировой войны политические противники, ранее в XIX в. понимаемые как крайние правые группировки, крайне редко воспринимались в качестве экстремистов. Вектор изучения экстремизма изменяется в 1919 г. после создания Б. Муссолини «Итальянского союза борьбы» («*fasci di combattimento*» - от итальянских слов «театр военных действий»).

Формирование термина «экстремизм» состоялось вместе с распространением понятие «тоталитаризм» (в частности, на начальной стадии формирования итальянского антифашизма). Руководитель «Народной партии» («*Partito Popolare*»), основанной в 1918–1919 гг., Л. Стурцо в 1923 г. утвердил основные направления собственного политического курса. Данная политическая программа была названа умеренной, центристской («*temperato e non estremo*», «*centrismo*»).

В подтверждение своих слов данный политик утверждал о наличии глобальных идеологических разниц между экстремистскими движениями. Так, антагонизмы «левый» и «правый» экстремизм утверждают о наличии диаметрально полярных составных частей одного феномена. Л. Стурцо утверждает, что одной единой идеологической основы экстремизма не существует в природе. По его мнению, абсолютно различные направления экстремизма возводят в «Абсолют» исповедуемый им единственный взгляд на мир вокруг и общества в целом, что говорит о нелегитимности иных мнений и суждений. Они используют политические взгляды в других сферах жизни, заставляют сторонников жить в соответствии с принципами экстремистского течения.

В первой половине XX века дефиниция «экстремизм» применяется как понимание единой характеристики политических деятелей и организаций, придерживающихся крайних позиций относительно право-левого спектра политической жизни. Данное понимание экстремизма приравнивало его к радикализму.

Американские политологи А. Бартоли и П. Коулман утверждают, что экстремизм — это любая деятельность (установки, взгляды, чувства, стратегии, действия), отличающаяся от общепринятой.

Плюсом «широкого» подхода является относительная простота определения являются ли взгляды, идеи экстремистскими. К минусам данного подхода следует отнести приравнивание экстремизма к девиантному поведению. При этом далеко не любое отклонение от общепринятых норм, методов и форм мышления является опасным для государства и общества. Представляется, что в широком контексте Бартоли-Коулмана необходимо сделать уточнение, что это не просто любая деятельность, а деятельность, затрагивающая общепринятые принципы стабильного существования и функционирования общества и государства.

Далее следует рассмотреть «узкие» определения, которые появились в XX веке и были связаны с попытками определить специфику установок идеологий ряда движений

и партий, а также политических действия их сторонников. Именно последняя позиция сближает данный (узкий) подход с нашими замечаниями по поводу некорректности широкого определения.

Так, дефиниция «экстремизма» получила свое развитие в трудах таких немецких авторов, как Х. Арндт, Т. В. Адорно, Ф. Боркенау, К. Лёвенштейн, О. Рюле и др. Ученые в США использовали термин «экстремизм» как антоним плюрализму, в то время как плюрализм, стал ведущей сущностью концепции «либеральной демократии». То есть, можно было сделать вывод о том, что те политические идеи или действия, идущие в разрез с принципами демократии и демократизации, являются экстремистскими.

Ведущей частью мыслей и действий, признающихся политологами экстремистскими, являлось неприятие «рыночных отношений в политической сфере». Так, в 1967 г. немецкие политологи Г.Д. Клингеманн и Э.К. Шойх сформировали концепцию правого радикализма в западном обществе, где экстремизм принимается в качестве синонима радикализма и оценивается как отрицание действующих форм государственной власти, основанных на идеалах и принципах либеральной демократии.

Голландский политолог К. Мюдде определяет радикализм и экстремизм путем выделения общих черт: антилиберальность и антиконституционность. При этом, сам по себе экстремизм несет фундаментальный антидемократичный характер, и, следовательно, служит крайним проявлением радикализма.

Благодаря данным исследованиям к 1973 г. все мнения, идущие в разрез с принципами либеральной демократии, стали называться не радикальными, а экстремистскими.

В конце XX века немецкие исследователи У. Бакес, Э. Йессе предложили учение о «политическом экстремизме», которое характеризовало связь явления с идеологическими установками.

Изучение экстремизма и радикализма с правым уклоном в зарубежной научной среде обладает богатой и давней традицией. Исследования фашизма и национал-социализма Ю. Вебера, Р. Гриффина, Р. Итвелла, У. Лакера, С. М. Липсета, Д. Л. Моссе, С. Пэйна и др., стали классическими. В данных исследованиях было предложено значительное количество теоретических объяснений такого явления как фашизм.

Ю. Вебер, У. Лакер, С. Липсет, С. Пэйн считаются первым поколением ученых, рассмотревших феномен фашизма, в частности, изучавших историю фашизма и его типологию.

Р. Гриффин относится ко второму поколению исследователей, рассмотрев фашизм, сформированному в 1970-е - 1980-е гг. и изучавших исторические аспекты фашизма, а также существовавшие на тот момент разновидности и тенденции их формирования.

Третье поколение исследователей фашизма – А. Умланд, член редакторской коллегии сборника «Фашизм в прошлом и настоящем, на Востоке и на Западе» (наравне с Р. Гриффином и В. Лохом), рассматривал, в частности, правых радикалов в Российской Федерации.

Исследования Р. Гриффина, Р. Итвела, С. Пейна, по мнению А. Умланда, явились основой для создания общего понимания фашизма среди западных историков, политологов и социологов.

Рассмотрев указанные работы, укажем, что большинство правых экстремистских течений в современной России, а также за рубежом в большинстве своем основаны на фашистской или националистической идеологии (Национально-освободительное движение, Боевая террористическая организация, Ку-клукс-клан, Националистический фронт).

Далее рассмотрим не менее объемную область политологического знания,

связанного с изучением воспроизводства идей крайне противоположных – левозэкстремистских. Исследования левого экстремизма также внесли большой вклад в развитие политической науки. Большое количество политологических, философских и социально-экономических научных трудов позиционирует конкретные теории без обоснования мнения их основоположников либо учеников, либо подлежит критике благодаря обоснованиям врагов данных доктрин.

Первоисточниками в изучении анархизма следует указать исследования М. Бакунина, П. Кропоткина, П.-Ж. Прудона, Б. Такера по марксизму, который относится к радикальным течениям - исследования Л. Альтюсер, Т. Гранта, А. Грамши, В. Ленина, Р. Люксембург, Э. Мандела, Мао Цзэдуна, К. Маркса, И. Сталина, Л. Троцкого, Ф. Энгельса и др.

В 60-х гг. XX в. сформировались радикальные организации «новых левых», являющихся оппозиционными по отношению к старым левым (коммунистам, традиционным анархистам). Они стали основой для формирования так называемых «зеленых» партий и движений. Они стали причиной создания «левого терроризма» 1970-х - 1980-х гг. Вместе с левыми экстремистами, которые не относят себя к традиционным левым радикальным движениям (коммунизм, анархизм), в XXI веке развивается либертарный социализм, объединяющий отдельные свойства анархизма, экосоциализма и коммунизма рабочих советов. Либертарные социалисты включают в свои движения автономистов (автономных марксистов), а также экоанархистов и антифашистов. Левые экстремисты наиболее активно участвовали в создании и развитии антиглобалистского движения в 1990-х - 2000-х гг.

Обобщив результаты изучения экстремизма, в которых присутствует «узкий» подход к экстремизму, можно сделать вывод о том, что рассмотрение отдельных аспектов политического экстремизма является недостаточно полным без выявления критериев, общих для всех направлений экстремизма и выделения значимых различий не только в идеологии, но и практических действиях по достижению целей.

К плюсам «узкого» подхода следует отметить гораздо более разумные рамки, в которые вписывается понимание экстремистской деятельности. К минусам следует отнести сосредоточение только на одном единственном критерии, отличающем от других явлений общественной жизни.

По нашему мнению, экстремизм – это комплекс шагов, связанных с формулирование и последовательной реализацией единственно верного с точки зрения актора взгляда на окружающий мир, будь то мир политический, социальный, экономически, социокультурный.

Принципиальная схема (модель) формирования (сути) экстремизма может выглядеть следующим образом:

1. Создание «Идеи» - возведённого в Абсолют своего собственного единственно верного взгляд на мир вокруг.

2. Осознание желания и претворение в жизнь возможности распространить данную «Идею», утверждение в нелегитимности иных мнений.

3. Осуществление насильственных действий в соответствии с «Идей», при чем насилие понимается в широком смысле (и физическое, и психологическое).

Именно на данной стадии формирование и развитие экстремизма как социокультурного, политико-экономического явления следует признать окончанным. При этом существует следующая стадия – переход экстремизма в терроризм.

4. Понимание актором нежелания общества и государства измениться в соответствии с его «Идеей», что приводит к попыткам воздействия или прямому воздействию актора на принимаемые общественными организациями либо государственными органами решения в соответствии с его «Идеей» путем осуществления «взрывов, поджогов, массовых убийств, убийств общественных либо

политических деятелей».

По нашему мнению, именно первые три позиции являются базовыми критериями экстремизма. Подчеркнем, что только при условии наличия всех трех критериев можно говорить об экстремизме как таковом, об экстремизме как социально-политическом явлении. Без «Идеи» любые насильственные действия следует квалифицировать как хулиганство. Без распространения собственных идей следует говорить о психическом отклонении, болезненном расстройстве личности, но не экстремизме. Без осуществления насильственных действий любая деятельность должна считаться законной, оппозиционной деятельностью.

Рассмотрим наиболее популярные в политологии типологии экстремистских движений и организаций. Так, в работе американских политологов Дж. Джорджа и Л. Уилкокса рассматриваются два вида экстремизма в США: левый и правый. Такая классификация основана на «узком» понимании экстремизма, основой которого рассматривается специфичность идеологических парадигм.

Они изучили следующие экстремистские организации (по состоянию на 1992 год):

- левые экстремисты – Коммунистическая партия США (марксистско-ленинская), Революционная коммунистическая партия, Социалистическая рабочая партия, партия «Черные Пантеры», движение «Студенты за демократическое общество» и др.;

- правые экстремисты - разнообразные неонацистские организации: национально-социалистическая партия белых Америки, американская нацистская партия, национально-социалистическая фронт освобождения, «Нация Ислама», Ку Клукс Клан, разнообразные группировки, объединенные именованном «Арийские нации», а также Лига защиты евреев.

Крайние левые экстремистские организации говорят о желании установить социальное равноправие и утверждают, что они являются наиболее последовательными бойцами «за интересы трудящихся масс». В тоже время правые экстремисты поддерживают утверждением о наличии конфликта между расами, нациями, цивилизациями и культурами.

Следующая типология также базируется на «узком» подходе к трактовке экстремизма. Считаем, что в данном случае необходимо говорить об «экстремизме с прилагательным».

Традиционно проявления экстремизма вне зависимости от первопричин (политические и религиозные взгляды) возникновения разделяют на две группы: политический и религиозный экстремизм, каждая из которых в зависимости от ситуации, социального или демографического положения носителей имеет вариации и разновидности.

К основным подвидам политического экстремизма следует отнести правый, левый, ситуационный, программный и эмоциональный экстремизм.

Понимание правого и левого экстремизма современными исследователями мы рассмотрели ранее. Вследствие этого в данном месте мы не будем повторяться, а рассмотрим сущность остальных «экстремизмов с прилагательными».

Религиозный экстремизм - это, по нашему мнению, проявление нетерпимости по отношению к сторонникам иного течения той же или принципиально иной религии, связанная с применением насильственных действий. В XXI веке наиболее остро встал вопрос экстремизма исламистского толка. Данный вид экстремизма религиозно-политического характера возник на основе псевдорелигиозного идейного учения, которое и формирует экстремистские взгляды. Указанный тип экстремизма характерен глубинным иррационализмом идеологии и поступков его сторонников, попытками лидеров религиозных экстремистских организаций и движений разжечь искру сомнения в разумах

огромного количества людей, исповедующих ту или иную религию, зачастую это связано с корыстными умыслами. Типичными представителями указанного типа экстремизма являются деструктивные религиозные секты и культы, среди которых Бостонское движение, Белое братство, Церковь Сатаны и т.д.. Сторонники религиозного экстремизма крайне нетерпимы по отношению к верующим, относящимся к иным конфессиям, а также к атеистам, либо крайне противодействуют распространению иных течений среди представителей одной и той же религиозной ветви (в частности противостояние суннитов и шиитов в исламе).

Также, в XX веке возник антиглобалистский экстремизм, заключающийся в следовании радикальным взглядам и агрессивных действиях, направленных против организаций, значительно влияющих на процесс формирования глобализационных структур в экономической, политической, культурной сфере. Это выражается в непримиримости по отношению к экономическим и политическим монополиям, созданию единого рынка. Антиглобалистские экстремисты причастны к организации массовых волнений, применяли насильственные меры борьбы с глобальными международными экономическими и политическими институтами, транснациональным компаниям и организациям (к примеру, выступления антиглобалистов при проведении саммитов «Большой двадцатки»).

Ситуационный экстремизм является следствием состояния субъекта, не позволяющим применять иные методы борьбы, кроме самых жестоких. Это выражается в восстаниях, бунтах и государственных переворотах. В качестве примера следует рассматривать государственные перевороты и революции, организованные военными в государствах Южной Америки и Азии в XX веке.

Программный экстремизм формируется наличием продуманной идеологии и конкретных целей. Данный подвид экстремизма характерен, для фашистов, способных для достижения поставленных целей воплотить в жизнь идеи физического уничтожению врагов или значительному урезанию их прав.

Эмоциональный экстремизм выражается в стихийной массовой реакции на событие, значительно и одномоментно ухудшающее бытие социальных группы, и принуждающее ее на принятие ответных действий, однако не допускающего необходимого времени для формирования какой-либо внятной программы и оформления руководящей ей организации. Примером такого вида экстремизма следует обозначить – бунт, в качестве единственного и моментально ответа на действия власти. С определенными оговорками так называемый «Евромайдан» 2014 г. в Украине можно отнести к проявлению эмоционального экстремизма.

Следующий подвид политического экстремизма – молодежный экстремизм, формирующий взгляды и типы поведения молодых людей, на основании применения ими угроз, агрессии и силы к окружающим, вплоть до насильственных действий, в том числе, убийства. Следует упомянуть о наличии нескольких подвидов молодежного экстремизма: уголовный, спортивный, оккультный. Для каждого из них характерна своя специфика, однако они все используют жестокий, агрессивный характер проявления.

Кроме того, ученые рассматривают бытовой и социально-экономический экстремизм, характеризующиеся слабовыраженными и спонтанными явлениями. Рассмотрение данных видов экстремизма не входит в цели нашего исследования и требует более детального изучения.

Данная типология недостаточно точно характеризует широчайшее социально-политическое явление – экстремизм, однако, при рассмотрении различных типов экстремистских проявлений, представляется невозможным сформулировать исчерпывающие критерии классификации. Приведенная выше типология разнообразных видов экстремизма содержит ряд проблем, например, некоторые подвиды экстремизма подвержены переходу от одного к другому. Особенно характерно – для политического

экстремизма, данный вид экстремизма характеризуется как стадия формирования национального, этнического или религиозного экстремизма. В случае достижения конкретным неполитическим подвидом экстремизма явных успехов при самоорганизации, а также формирования политических требований, необходимо говорить о трансформации в политический экстремизм. Так, свержение действующей политической элиты, или изменения в существующего конституционного строя, способные могут быть достигнутыми только крайними способами. При этом, религиозная экстремистская организация, способна не трансформироваться в политический экстремизм при отсутствии использования политических идей.

Общим критерием разнообразных видов экстремизма следует отметить готовность к дестабилизационным действиям и уничтожению существующих государственных органов и структур, созданию антидемократического политического режима.

В завершение отметим, что, по нашему мнению, экстремистская деятельность – это комплекс шагов, связанных с формулированием и последовательной реализацией единственно верного, с точки зрения актора, взгляда на окружающий мир, будь то мир политический, социальный, экономически, социокультурный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гусейнов А. А. Никомахова этика // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; М.: Мысль, 2010. с. 15
2. Бондарь В.В. Экстремизм: понятие, типология, современные доктрины // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9 (Т. 2). С. 310-315.
3. Krug W.T. Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften nebst ihrer Literatur und Geschichte. Leipzig: Darnmann, 1838. 400 S.
4. Mussolini: A biography/ Denis Mack Smith. New York: Random House, 1982.
5. Arendt H. Was ist Politik? / Hrsg. von Ursula Ludz. Muenchen. 1993; Adorno T. The Culture Industry. L.- N.Y: Routledge. 2007. S. 15-17; Schöttler P. Das Konzept der politischen Religionen bei Lucie Varga und Franz Borkenau // Der Nationalsozialismus als politische Religion. Bodenheim bei Mainz. 1997. S. 186–205; Loewenstein K. // Erscheinungsformen der Verfassungsänderung. Verfassungsrechtsdogmatische Untersuchungen zu Artikel 76 der Reichsverfassung. Tübingen 1931. S. 94; Stecklin G. // Otto Rühle und die Sozialpädagogik – ein biografisch-sozialwissenschaftlicher Zugang. Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae (Dr. phil.) an der Fakultät für Erziehungswissenschaften der Technischen Universität Dresden. Dresden, 2002. S. 7-10.
6. Бондарь В.В. Экстремизм: понятие, типология, современные доктрины // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9 (Т. 2). С. 310-315.
7. Политическая наука: новые направления / Инт “Открытое общество”; Под ред. Гудина Р. Клингеманна Х.-Д. Науч. ред. рус. изд. Шестопап Е.Б. М.: Вече. 1999; Scheuch E.K. Infrastrukturen fuer die sozialwissenschaftliche Forschung. Bonn: IZ Sozialwiss. 2004. S. 41.
8. Бондарь В.В. Экстремизм: понятие, типология, современные доктрины // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9 (Т. 2). С. 310-315.
9. Backes U., Jesse E. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Propyläen, 1996. S. 215-217.
10. Weber E. History is What Historians Do // The New York Times. 1984. July 22. S. 15; Revolts against the modern world // Literature and History. vol. 11. no. 1. 1985. S. 101–124; Eatwell R. Fascism: A History. New York: Penguin Books. 1997. S. 15-18; Лакер У. Чёрная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст. 1994. С. 134-146; Lipset S.M. Political

Man. Garden City. N.Y.: Doubleday. 1960. S. 141; *Historians in Politics*. Ed. by G.L. Mosse and Walter Laqueur. 1974. S. 157-178; Payne Stanley G. *Fascism: Comparison and Definition*. University of Wisconsin Press. 1983. S. 102-104.

11. Западные публикации по фашизму и неофашизму 2004-2006 годов / А. Умланд // *Новая и новейшая история*. 2008. № 4. С. 201-209.

12. Martin A. Lee. *The Beast Reawakens: Fascism's Resurgence from Hitler's Spymasters to Today's Neo-Nazi Groups and Right-Wing Extremists*. Routledge, 1999.

13. Бакунин М. Бог и государство. / Типография Издательской Комиссии Московского Совета Солдатских Депутатов, 1917.

14. Кропоткин П.А. Анархия: Сборник / Сост. и предисловие Р.К. Баландина М.: Айрис-пресс, 2002. С. 174.

15. Прудон П.-Ж. Политические противоречия: Теория конституционного движения в XIX столетии (во Франции) / Предисл. А. Ю. Федорова. Изд. 2. доп. М.: КРАСАНД, 2011. С. 125.

16. Такер Б. Государственный социализм и анархизм // Анархизм. Сборник. СПб.: Слово. 1906. С. 14.

17. Althusser L. *Pour Marx* (recueil de textes extraits de diverses revues. 1960-1965). P.: Maspero, 1965. Переизд.: P.: La Découverte. 1986.

18. Ted Grant. Internet archive Marxists internet archive. // URL: <https://www.marxists.org/archive/grant/> (дата обращения: 09.04.2017).

19. Грамши А. Избранные произведения: Т. 1-3. М. Изд. иностранной литературы. 1957. С. 59.

20. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. т. 25. С. 164.

21. Люксембург Р. Накопление капитала: Том I и II. 5-е изд. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. XLIV. С. 174.

22. Ernest Mandel. Marxists internet archive. // URL: <https://www.marxists.org/archive/mandel/> (дата обращения: 09.04.2017).

23. Мао, Цзе-Дун. Выдержки из произведений. Изд-во литературы на иностранных языках. Пекин, 1966. С.302-303.

24. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1951. С. 113.

25. Trotsky internet archive/ Marxists internet archive. // URL: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/works/index.htm> (дата обращения: 09.04.2017).

26. Marx Engels archive Marxists internet archive. // URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/sw/index.htm> (дата обращения: 09.04.2017).

27. *Global Resistance Reader*. Ed. by L. Amoore. L., n.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2005.

28. Уголовный кодекс Российской Федерации / "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

29. Бондарь В.В. Экстремизм или гражданский протест: современные молодежные реалии. // Роль молодежи в этнополитических процессах на Южном и Северном Кавказе: общее и особенное Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2019. С. 346-349.

30. George J. *Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America* / J. George, L. Wilcox. Buffalo. (N.Y.): Prometheus Books, 1992. 523 p.

31. Choueiri Youssef. *Islamic Fundamentalism*. Boston, 1990. P. 11.

32. Gordon G., Diaz K. Would Faith-Based Initiative Fund Fringe Groups. Cults? // *Star Tribune*. 2001. August 6.

33. Кокорев В.Г. Понятие и признаки религиозного экстремизма // Социально-экономические процессы и явления. 2014. №5. С.92.

34. Бондарь В.В. Экстремизм: понятие, типология, современные доктрины // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9 (Т. 2). С. 310-315.

35. Галкина Е.В. Демократия и гражданское общество (поиск оптимальных моделей и путей развития) // Власть. 2009. № 4. С. 42-45.

36. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие. Рук. авт. колл. Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. Махачкала, 2009. С. 51

37. Уголовный кодекс Российской Федерации / "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

Валяровский Ф. И.

*Кандидат юридических наук,
докторант СКФУ*

В статье рассматриваются принципы добросовестного исполнения обязательств как концептуальное основу внешней политики государств.

Ключевые слова: внешняя политика, ООН, общественные отношения.

Актуальность темы нашего исследования определяется тем обстоятельством, что на пороге нового тысячелетия мировое сообщество столкнулось с целым рядом проблем и вызовов, которые угрожают самому существованию человеческой цивилизации. К числу этих проблем следует отнести, прежде всего, опасность всемирной ядерной катастрофы, деградацию окружающей среды, депопуляцию, угрозу международного терроризма. Характерная особенность этих проблем состоит в том, что они носят глобальный характер, то есть могут быть решены только совместными усилиями всех государств. Для объединения усилий членов мирового сообщества необходим более высокий уровень управления социальными процессами, как на национальном, так и на международном уровне. Проблема совершенствования системы международного управления становится одной из важнейших глобальных проблем. В результате качественно возрастает роль таких важнейших инструментов социального регулирования, как государство и право. Однако по справедливому на наш взгляд мнению ряда ведущих российских ученых, наука социального управления серьезно отстает от потребностей нового времени. У человечества отсутствует международная система, способная решить жизненно важные проблемы и эффективно противостоять вызовам эпохи глобального мира [1]. Не будет преувеличением сказать, что современное человечество столкнулось с настоятельной необходимостью формирования нового мирового порядка, отвечающего современным условиям.

Как известно, каждое государство обязано соотносить свою деятельность с международными обязательствами. Расширяющиеся связи между государствами, необходимость развития равноправного и сотрудничества между ними обуславливают выработку значительного количества договоров, закрепляющих основные принципы международного сотрудничества [2]. В этой связи особое значение приобретает проблема конституционного закрепления следующего фундаментального принципа современного международного права - принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

Как отмечается в учебной литературе по международному праву, рассматриваемый принцип возник в форме международно-правового обычая *pacta sunt servanda* на ранних стадиях развития государственности, и в настоящее время находит отражение в многочисленных двусторонних и многосторонних международных соглашениях [3].

В качестве общепризнанного указанный принцип закреплен в Уставе ООН, преамбула которого устанавливает правило, в соответствии с которым все члены Организации должны «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права». В соответствии с положениями пункта 2 статьи 2 Устава, «все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации». Согласно статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969, «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». И далее: «Участник не может сослаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора».

Сфера действия рассматриваемого принципа в последние десятилетия существенно расширилась, что нашло свое отражение в положениях авторитетных международно-правовых документов. Так, в соответствии с Декларацией о принципах международного права, каждое государство обязано добросовестно выполнять обязательства, принятые им в соответствии с Уставом ООН, обязательства, вытекающие из общепризнанных норм и принципов международного права, а также обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Аналогичная норма содержится и в Заключительном акте СБСЕ 1975г. Отметим, что приведенные выше положения международно-правовых актов выделяются два вида обязательств: обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права, и обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам. Подобный подход, по нашему мнению, является еще одним наглядным подтверждением того особого положения, которое занимают в системе современного международного права нормы *jus cogens*. Подчеркнем, что эти нормы имеют, по сути, характер конституционных установлений.

Данное утверждение можно проиллюстрировать высказыванием итальянского ученого Д. Анцилотти: «Обязательная сила этих норм проистекает из принципа, согласно которому государства обязаны соблюдать соглашения, заключенные между ними - *pacta sunt servanda*. Этот принцип, именно потому, что он является основой норм, о которых идет речь, не подлежит дальнейшему доказыванию с точки зрения самих этих норм; он должен быть принят в качестве объективной абсолютной ценности, в качестве первоначальной, не подлежащей доказательству гипотезы...», - пишет он. И далее: «Точно так же норма конституционного права, предписывающая повиноваться велениям государя или парламента, не нуждается в доказательстве с точки зрения того правопорядка, который основывается на этой норме...» [4].

Подобные соображения заставляют нас принять концепцию верховенства международного права по отношению к национальному.

При этом современное международное право частично теряет свой координационный характер и приобретает свойства субординационного, надгосударственного регулятора общественных отношений. Говоря о субординационном характере современного международного права, мы ни в коем случае не имеем в виду ничего связанного с так называемым «мировым государством», хотя бы по той причине, что появление такого государства означало бы конец самого международного права, на что справедливо указывал еще А. Фердросс [5].

Современное международное право приобретает отдельные черты субординационного регулятора межгосударственных отношений потому, что его основной задачей становится обеспечение свободного, безопасного и демократического развития народов и государств. Речь идет, прежде всего, о защите суверенного права народов самостоятельно, без какого-либо вмешательства извне строить свои политические и экономические системы, а также об обеспечении и соблюдении прав, свобод и законных интересов индивидов, составляющих эти народы. «...только лишь запрет насилия сам по себе не в состоянии обеспечить длительный мир. Для этого еще необходимо, чтобы порядок объединения признавал и обеспечивал основные человеческие права всех членов сообщества, ибо в противном случае последние вынуждены будут оказывать сопротивление против тирании», - писал А. Фердросс [5].

Вопрос о признании за современным международным правом субординационного характера имеет и огромное политическое значение. Только в таком качестве международное право сможет эффективно противостоять попыткам некоторых членов мирового сообщества государств построить однополярный мир. В ряде случаев международным правом откровенно пренебрегают (Югославия, Ирак, Афганистан). Еще в своем выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. И (это) ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть – никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной» [6].

Таким образом, в современных условиях принцип добросовестного исполнения международных обязательств следует рассматривать в качестве генеральной нормы, неукоснительное следование которой позволит обеспечить мирное устойчивое развитие мирового сообщества государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000. – С. VIII.
2. Пшеничнов М. А. Конституция России и международное право: проблемы гармонизации. – Нижний Новгород, 2002. – С. 49.
3. Международное право: Учебник / Под ред. Ю. М. Колосова, В. И. Кузнецова. – М., 2006. – С. 52-53.
4. Анцилотти Д. Курс Международного права. Том первый. Введение – общая теория. – М., 1961. – С. 57-58.
5. Фердросс А. Международное право. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – С. 28-35.
6. Аргументы и Факты. - № 7, 2007. – С.4.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ванян К. Д.

*кандидат юридических наук,
доцент, зав кафедрой уголовного права
и криминалистики Пятигорского Института
Северо-Кавказского Федерального Университета*

В данной статье анализируются положения Конституции РФ, объявляющие нормы международного права частью правовой системы нашей страны, функциональное назначение конституционной нормы, действия международно-правовых норм в сфере внутригосударственной деятельности и внутригосударственной юрисдикции, в предписании непосредственного применения этих норм судами, другими органами государства, хозяйствующими субъектами, должностными лицами и индивидами.

Ключевые слова: *международно-правовые нормы, нормы внутригосударственного права, Конституция РФ.*

Эффективным разрешением важнейших проблем предотвращения и пресечения преступности является взаимодействие международно-правовых норм и норм внутригосударственного права, что реально воплощается в применении национальным уголовным законодательством норм международного права. Согласно утвердившемуся в научной литературе мнению, под имплементацией следует понимать комплекс юридических мероприятий, направленных на признание юридической силы и организационное обеспечение реализации международных правовых норм в рамках национальной правовой системы государства. В результате имплементации нормы международного права приобретают способность действовать в своем собственном качестве в правовой системе соответствующего государства.

При этом одним из основных аспектов взаимодействия международного и внутригосударственного права практически в любой национально-правовой системе являются вопросы соотношения юридической силы нормы международного права и национального законодательства. Для Российской Федерации решение данного вопроса приобретает особое концептуальное, политическое и практическое значение в свете поправок, внесенных в текст действующей Конституции.

В обновленной редакции статьи 79 указывается, что «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Данная формулировка по-новому расставляет акценты в вопросе соотношения международного права и национального права РФ, что, несомненно, требует детального научного анализа.

Нельзя оставить без внимания и новую статью 79¹ которая устанавливает, что «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства». Приведенная конституционная формула закрепляет на политическом уровне приверженность Российской Федерации политике мира и сотрудничества, ее уважение к общепризнанным принципам и нормам международного права.

При этом нельзя не отметить, что внесенные в Конституцию поправки не коснулись положений ч. 4 статьи 15. Таким образом, общий принцип о примате международного права, вопреки расхожему мнению, остался неизменным. Данная статья содержит генеральную

санкцию, которая устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы России. Таким образом, Конституция включает нормы международного права в систему источников национального права нашей страны.

Анализируя положения Конституции РФ, объявляющие нормы международного права частью правовой системы нашей страны, следует учитывать, прежде всего, функциональное назначение конституционной нормы, которое проявляется в признании непосредственного действия международно-правовых норм в сфере внутригосударственной деятельности и внутригосударственной юрисдикции, в предписании непосредственного применения этих норм судами, другими органами государства, хозяйствующими субъектами, должностными лицами и индивидами. Такой вывод обусловлен пониманием текста ч. 4 ст. 15 Конституции в контексте других конституционных норм (ч. 3 ст. 46, ст. 62-63, 67, 69) и многочисленных законодательных актов РФ, предусматривающих их совместное с международными договорами применение. В Комментарий к Конституции РФ указывается на то, что «ч. 4 ст. 15 открывает возможность прямого действия и применения норм международного права органами власти, включая суды. Заинтересованные физические и юридические лица могут ссылаться прямо на нормы международного права при разрешении споров между собой и с государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями».

Аналогичные статьи встречаются и в конституциях других стран, в частности, ст.25 Конституции Федеративной Республики Германии, ст.55 Конституции Франции, разд. 2 ст. 6 Конституции США. Международно-правовые акты, вступившие в силу для этих государств, включаются в национальную правовую систему и имеют приоритетное значение.

В том случае, если норма, содержащаяся в международно-правовом акте, либо отсутствует в национальном законе, либо не соответствует ему, юридическое регулирование по поводу совершения преступления, предусмотренного международно-правовым актом, должно происходить в соответствии с установлениями национального закона. Такая ситуация подразумевается нормой, предусмотренной пунктом «а» ст. 17 Римского Статута Международного уголовного суда, который указывает, что Суд считает дело приемлемым и применяет нормы международного права, если государство «не желает или не способно» вести преследование или возбудить уголовное преследование должным образом. Понятие «должным образом» означает соответствие нормы национального уголовного закона норме международного права. Если в национальном законодательстве подобная норма отсутствует либо не соответствует норме международного права, то юридический факт совершения преступления по международному праву становится основанием для непосредственного применения международного права.

Непосредственное применение международно-правовых норм означает, что определенная международно-правовая норма применяется национальным судом самостоятельно, без каких-либо оговорок и ограничений. Однако особенностью международно-правовых норм в области уголовного правосудия является сравнительно небольшая возможность применения их положений непосредственно, при этом возможность непосредственного применения нормы международного права национальным судом должна прямо указываться в уголовном законе государства.

Так, например, УК РФ предусматривает возможность непосредственного действия на территории России международных норм уголовно-правового характера в случае наличия иммунитета от уголовной ответственности, предусмотренного в международном договоре РФ (ч.4 ст. 11 УК РФ). Известно, что в Российской Федерации применяется территориальный принцип действия уголовного закона, означающий распространение его обязательной силы на территорию Российской Федерации, независимо от государственной принадлежности лица, совершившего преступление на этой территории. Данный принцип

основан на суверенитете государства в отношении уголовного преследования любых лиц, совершивших преступление на его территории. Исключением из территориального принципа действия уголовно-правовой нормы в пространстве является иммунитет определенных лиц.

Следует отметить, что включение принципов и норм международного права во внутригосударственную правовую систему является правилом для большинства развитых стран. Тем не менее, Конституция Российской Федерации, указывая на общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как на часть правовой системы России, прямо допускает возможность коллизии между ними и федеральным законом, причем, коллизия разрешается только в соответствии с международным договором РФ. Так, ч. 2 ст.4 Конституции РФ устанавливает, что Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Принятие и изменение уголовного законодательства, в соответствии с п. «о» ст.71 Конституции РФ, относятся исключительно к ведению Российской Федерации. В то же время общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы, а в случае, если «международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч.4 ст. 15 Конституции РФ). Эти положения Конституции РФ воплощаются в отраслевом законодательстве. Согласно ч.2 ст.1 УК РФ Уголовный Кодекс «основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах, и нормах международного права». Ч.3 ст.1 УПК РФ закрепляет, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора».

Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 года разъясняет, что «...согласие на обязательность международного договора для Российской Федерации должно быть выражено в форме федерального закона, если указанным договором установлены иные правила, чем федеральным законом».

В отношении уголовно-процессуального законодательства следует сказать, что практика внесения в него изменений во исполнение международных обязательств Российской Федерации достаточно разнообразна, и в Российской Федерации выработаны следующие способы:

1. Определение порядка применения международного договора. Например, Федеральный закон РФ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» 1999 г. определяет круг органов, в компетенцию которых входит осуществление взаимодействия с зарубежными учреждениями юстиции в рамках указанной Конвенции, и порядок взаимодействия с ними.

2. Принятие во исполнение договора новых нормативных актов в том случае, когда российское право не регулирует вообще или регулирует иначе соответствующие отношения. Например, ст.4 Федерального закона РФ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче и Второго Дополнительного протокола к ней» 1999 г. вводит в российское законодательство новую норму: «Решение компетентных органов Российской Федерации о выдаче может быть обжаловано лицом, в отношении которого принято решение о выдаче, в судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации».

3. Включение в законодательство отсылок к международным договорам Российской Федерации.

В отношении российского уголовного законодательства следует сказать, что в ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ закреплено, что он основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах, и нормах международного права. Однако, как справедливо указывает Г. В. Игнатенко, это положение «не дополняется широко распространенным ныне в российском законодательстве, включая ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ, предписанием о непосредственном применении международных договоров РФ к отношениям, регулируемым Уголовным кодексом». Уголовное законодательство РФ само исключает прямую ссылку на нормы международного договора РФ при квалификации преступления, поскольку ч. 1 ст. 3 УК РФ устанавливает, что преступность деяния, а также его наказуемость определяются только Уголовным кодексом. Эту норму ч.1 ст. 3 УК РФ Г.В. Игнатенко называет главным пробелом УК, поскольку в тексте самого Кодекса есть отходы от данного императива – это содержащиеся отсылки к международным договорам РФ нормы ст. 11,12,13 Общей части и ст.355 и 356 Особенной, и в обозримом будущем придется включить в УК статьи с идентичными отсылками к международным договорам по поводу международного терроризма или торговли людьми, поэтому потребуются привести УК в соответствие с принципом непосредственного действия международных договоров РФ. Пока же нормы международного уголовного права в большинстве своем могут служить типичным примером несовершенных международно-правовых норм, и осуществление международных конвенций и соглашений в этой области должно происходить либо путем трансформации во внутригосударственное уголовное законодательство, либо путем частной отсылки к конкретному составу, предусмотренному международным договором РФ.

В названном постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 6) подчеркивается, что «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договоров обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом...».

Во всех уголовно-процессуальных документах при квалификации преступления ссылка на международные источники исключается, применяется только УК РФ. Ссылаться на положения международного договора РФ допустимо только при характеристике преступления, предусмотренного статьей с бланкетной диспозицией, отсылающей к нормам данного договора (например, ст.355 и 356 УК РФ).

Многие нормы в УК РФ были включены именно в результате заключения Россией международных конвенций, касающихся сотрудничества в борьбе против тех или иных преступлений.

Международные уголовно-правовые нормы, имея существенное значение для формирования уголовно-правовой системы Российской Федерации, реализуются через национальную уголовную юрисдикцию. Однако некоторые нормы отечественного уголовного законодательства еще требуют приведения в соответствие нормам тех международных конвенций, участницей которых является Российская Федерация. В частности, в российском законодательстве понятие организованной преступной группы отличается от понятия, предложенного Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., например, по минимальному числу участников группы. Если эта Конвенция называет организованной преступной группой группу в составе трех или более лиц, то в соответствии со ст. 32 и 35 УК РФ для организованной группы достаточно наличия двух соучастников. Согласно ст. 210 УК РФ преступная организация (сообщество) создается в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, согласно Конвенции ООН против транснациональной организованной

преступности 2000 г. организованная преступная группа – в целях совершения серьезного преступления, преследующего прямо или косвенно получение финансовой или иной материальной выгоды. Как уже указывалось, под «серьезными преступлениями» в Конвенции понимаются преступления, наказываемые лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания, тогда как за тяжкое преступление в соответствии со ст. 15 УК РФ предусмотрено лишение свободы на срок не менее пяти лет. Таким образом, данная конвенционная норма организованной преступной группы является более жесткой, чем аналогичная норма российского законодательства. Конвенция вводит понятие «ответственность юридических лиц» за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа. В юридической литературе высказывается справедливое мнение, что, поскольку такая ответственность предусмотрена в гражданском праве России, было бы уместно определить механизм использования институтов гражданского права в борьбе с организованной преступностью.

Значительной работы по внесению изменений и дополнений в уголовное и иное законодательство потребует ратификация Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., т.к. стороны-участники обязуются внести соответствующие изменения в нормы внутреннего права, регламентирующие соучастие в коррупции, уголовную юрисдикцию по таким делам, ответственность юридических лиц, санкции и иные меры воздействия, защиту сотрудничающих с правосудием лиц и свидетелей, меры по содействию сбору доказательств и конфискации доходов, специализацию органов и должностных лиц по борьбе с коррупцией, обеспечение сотрудничества правоохранительных органов внутри страны. Дополнительные обязанности по приведению внутригосударственного законодательства в соответствие с международными договорами возложило на Россию и принятие в 2003 г. Конвенции ООН против коррупции, ратифицированной 17 февраля 2006 г.

Как указал Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, ратификация названных конвенций «заставит Россию усовершенствовать уголовное, уголовно-процессуальное, административное, оперативно-розыскное, гражданское, банковское и иные отрасли законодательства».

Кроме того, в юридической литературе высказывается обоснованное мнение, что поскольку имеющихся в российском УК норм для борьбы с транснациональной преступностью недостаточно, то назрела необходимость принятия Федерального закона «О борьбе с преступлениями международного характера», регламентирующего все аспекты деятельности правоохранительных органов в этой сфере.

Таким образом, анализ вопросов применения международных уголовно-правовых норм в российском уголовном праве в целом позволяет сделать вывод, что совершенствование в этом плане отечественного уголовного законодательства продолжается, подтверждая приверженность Российской Федерации принципу добросовестного выполнения своих международных обязательств, содействующего решению важнейшей задачи современности - противодействию международной преступности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Валяровский Ф. И. Конституционное право России и международное право. Актуальные проблемы взаимодействия. Монография. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (LAP). – С. 55.
2. Валяровский Ф. И. Конституция Российской Федерации и международное право: политико-правовые аспекты взаимодействия. // Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации: Материалы: III Всероссийской научно-практической конференции (г. Грозный, 11 декабря 2020 г.). –

Грозный: Издательство ФГБОУВО «Чеченский государственный университет», 2020. – С. 9–10.

3. Валяровский Ф. И. Конституционное право России и международное право. Актуальные проблемы взаимодействия. Монография. – Saarbruken: Lambert Academic Publishing (LAP). – С. 48–49.

4. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. – М., 1994. – С. 116.

5. Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. – М.: Волтерс-Клювер, 1991. – С. 34.

6. Французская Республика. Конституция и законодательные акты. – М.: Волтерс-Клювер, 1998. – С. 43.

7. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. – М.: Волтерс-Клювер, 1993. – С. 88.

8. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. - № 12. – С. 5.

9. Игнатенко Г. В. Международно-правовые проблемы противодействия транснациональной преступности и коррупции // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация: Социально-правовой альманах. Вып.1. – М.: РАПС, 2010. – С. 103.

10. Игнатенко Г. В. Международно-правовые проблемы взаимодействия материальных и процессуальных норм // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 23.

11. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Юнити-Дана, 2011. – С. 40.

12. Цепелев В. Ф. Ратификация Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию потребует существенных коррективов норм УК РФ // Российская юстиция. – 2013. - № 1. – С. 43–44.

13. Зорькин В. Д. Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства. // Российская газета от 2 марта 2014 года.

14. Ковалев А.А. Проблемы международного сотрудничества в области борьбы с международной преступностью // Актуальные вопросы противодействия международной преступности на современном этапе: Материалы международной конференции 19 апреля 2015 г. – М.: РАПС, 2015. – С. 44.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСПАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Вартумян А.А.

доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе и инновационной деятельности Пятигорского института (филиал) Северо-Кавказского федерального университета

Внешняя политики Испании приобрела устойчивый многовекторный характер. Испания активно пытается, с учетом имеющихся ресурсов и амбиций, занять подобающее место в Европе, Латинской Америке и мире, в целом. В статье раскрываются цели внешней

политики Испании: обосновать векторы внешней политики; показать территориальное измерение внешней политики; измерение внешней политики; раскрыть Стратегию внешних действий; обосновать многоуровневую линию взаимодействия между Испанией и США. В статье большое внимание уделено ибероамериканским отношениям. Выписывается внешнеполитическая триада Испании: европейская, североамериканская и латиноамериканская.

Ключевые слова: *внешняя политика Испании, европейский вектор, Европейский совет, североамериканский вектор, «Атлантическая ось», латиноамериканский вектор, Барселонская декларация.*

В XXI веке Испания активизировала свою внешнюю политику, которая приобрела устойчивый многовекторный характер, что закономерно нашло отражение в документах испанского внешнеполитического ведомства. Первый Стратегический план внешнеполитической деятельности Испании был представлен министерством иностранных дел еще в 2000 г. и зафиксировал окончание переходного периода, занявшего последнюю четверть XX в. и связанного с преодолением Испанией ее внешнеполитической изоляции, и начало нового этапа, характеризующегося поиском Испании своего места в мире с учетом имеющихся у нее ресурсов и внешнеполитических амбиций. К 2008 г. сложилась ситуация, когда абсолютное большинство аналитиков из испанского научного сообщества, т.н. «фабрик мысли» и представителей государственных структур стали выступать за доктринальное оформление основ внешней политики Испании с выделением ее приоритетов, векторов, целей и средств. Работа на данном направлении продолжалась в течение шести лет и завершилась принятием двух базовых документов:

– Закон «О деятельности и международной службе государства» (подписан королем Испании Х. Карлосом II 25 марта 2014 г.);

– Стратегия внешних действий (утверждена на заседании Совета министров Испании 26 декабря 2014 г., включает в себя собственно Стратегию внешнеполитической деятельности и План действий во внешней политике на 2015-2018 гг.).

В этих документах отражены основные векторы внешней политики Испании, обоснована их значимость для нее. В частности, в Стратегии внешних действий седьмой раздел посвящен именно территориальному измерению испанской политики, в нем выделяются подразделы «Европа», «Средиземноморье и Ближний Восток», «Латинская Америка и Карибский бассейн», «Трансатлантические отношения», «Страны Африки к югу от Сахары» и «Азиатско-Тихоокеанский регион». Рассмотрим, какие именно внешнеполитические векторы выделяются в испанской политике в настоящее время и как соотносятся они по степени значимости между собой.

Европейский вектор в испанской политике является ключевым, что подтверждается данными Королевского института Элькано, согласно которым на европейские страны приходится 61,1% всего испанского экономического, военно-политического и социокультурного присутствия в мире (для сравнения доля стран Латинской Америки – 13,6%, Северной Америки – 8,4%, Ближнего Востока и стран Магриба – 7,2%, Азиатско-Тихоокеанского региона – 7%, Африки южнее Сахары – 2,7%). В данном рейтинге учитываются суммарные показатели экспорта и импорта энергоресурсов, всех видов товаров и услуг, инвестиций, присутствия вооруженных сил и военной техники Испании на территории других стран, данные о миграции, масштабах сотрудничества в сферах культуры, туризма, спорта, информационного, технологического, научного и образовательного обмена, об участии Испании в программах регионального развития. Европейский вектор реализуется через участие Испании в работе учреждений в составе Европейского союза, нацеленного на консолидацию стабильной и единой демократической Европы, наделенной собственным голосом на международной арене.

Для Испании европейская интеграция имеет исключительное значение, выступает краеугольным камнем ее внешней политики и гарантией обеспечения безопасности ее граждан. Испания отдает явное предпочтение Евросоюзу как платформе для интеграции в глобальный мир. В 2015 г. в Испании отмечалось тридцатилетие с момента подписания Договора о присоединении Испании к Европейскому союзу, которого добился председатель испанского правительства А. Суарес. В июне 1991 г. Испания присоединилась к Шенгенскому соглашению, в декабре 1995 г., председательствуя в Евросоюзе, добилась утверждения единой европейской валюты «евро», став одним из ее учредителей.

Испания неоднократно председательствовала в Европейском совете: дважды во время работы Ф. Гонсалеса (1989 и 1995 гг.), третий – в 2002 г. при Х.М. Аснаре и четвертый – в 2010 г. при Х.Л.Р. Сапатеро, используя этот пост для усиления политической и экономической интеграции внутри Евросоюза и использования его механизмов для продвижения испанских интересов в мире. Европейским парламентом трижды руководили испанцы: Э. Барон (1989-1992 гг.), Х.М. Гил-Роблес (1997-1999 гг.) и Ж. Боррель (2004-2007 гг.); с 1999 г. на протяжении десятилетия Верховным представителем по Общей внешней политике и политике безопасности ЕС (CFSP) был представитель Испании Х. Солана; в составе Европейской комиссии работали испанцы М. Ореха, П. Солбес, Л. де Паласио, А. Матутес, М. Марин, Х. Альмуния и – с 1 ноября 2014 г. – М. Ариас Каньете. О важности европейского вектора для испанской политики свидетельствует и тот факт, что ранее руководивший Европейским парламентом Ж. Боррель в июне 2018 г. был назначен испанским министром иностранных дел.

Испания исторически играла и продолжает играть активную роль в строительстве европейского проекта, участвуя в переговорах по договорам Амстердама (1997), Ниццы (2001), несостоявшегося Конституционного договора (2004 год) и Лиссабона (2009 год), регулярно вносит на рассмотрение и поддерживает региональные программы в таких областях, как политика гражданства, политика сплоченности, поддержка культурного и языкового разнообразия в европейских странах, сотрудничество по линии правоохранительных и судебных органов, борьба с терроризмом, а также выступает в роли посредника и представителя Евросоюза в вопросах, связанных с реализацией европейской политики, ориентированной на Латинскую Америку и южный берег Средиземного моря.

Европейский вектор был и остается ведущим во внешней политике Испании ввиду того, что Европейский союз воспринимается её правительством как естественная основа ее политического и экономического развития. Тем не менее, XXI в. ознаменовался выделением и/или интенсификацией внешних связей Испании в рамках еще нескольких внешнеполитических векторов, среди которых несколько менее значимыми, чем европейский, и имеющими равное значение в сопоставлении друг с другом являются североамериканский и латиноамериканский векторы.

Под североамериканским вектором в данном контексте подразумевается, в первую очередь, укрепление всестороннего многоуровневого стратегического партнерства между Испанией и США, поскольку ее сотрудничество с Канадой, хотя и осуществляется и положительно оценивается обеими сторонами, тем не менее, не имеет настолько всеобъемлющего характера и гораздо менее масштабно (оно охватывает взаимодействие в таких секторах, как авиакосмическая промышленность, сельское хозяйство, торговля морепродуктами, фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии и финансовые услуги; Испания выступает посредником при заключении торговых договоров между Канадой и Евросоюзом; Испания и Канада сотрудничают в области инноваций через Национальный исследовательский Совет Канады (NRC) и Национальный исследовательский Совет Испании (CSIC); между этими двумя странами подписано более 100 соглашений, стимулирующих академическую мобильность и способствующих образовательным обменам).

Соединенные Штаты рассматриваются Испанией как дружественная страна, военно-политический союзник и стратегический партнер во внешней политике, вопросах укрепления обороны, безопасности, экономического и технологического развития, с которым имеются крепкие исторические, культурные и языковые связи, общие демократические ценности и геостратегические интересы. Испаноязычное сообщество в Соединенных Штатах уже достигло численности 57,5 млн. человек и в настоящее время составляет 17,4% населения (к 2060 г. США станут лидером в мире по числу говорящих на испанском языке). Испанская община, проживающая в этой стране, также растет и превосходит 100000 человек, которые занимают видные позиции в деловой, научной, технологической, образовательной, культурной и спортивной сферах американского общества. Испания имеет девять генеральных консульств в городах Нью-Йорк, Бостон, Майами, Чикаго, Хьюстон, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Хуан в Пуэрто-Рико и в Вашингтоне, округ Колумбия.

Испано-американские двусторонние связи интенсивно развиваются с момента подписания в 1976 г. в Вашингтоне Договора о дружбе и сотрудничестве между Соединенными Штатами и Испанией, их укреплению в значительной степени способствовало вступление Испании в НАТО в 1982 г. и в Европейский союз в 1985 г., подписание в 1988 г. первой версии Соглашения о сотрудничестве в области обороны между США и Испанией, которое впоследствии было изменено три раза (последний – 17 июня 2015 г.). Этот новый внешнеполитический вектор привел к тому, что в 1995 г. в год своего председательства в Европейском совете Испания положила начало новой трансатлантической повестки дня для стимулирования отношений между Европейским союзом и Соединенными Штатами.

Теракты в США 11 сентября 2001 г. придали новый импульс двусторонним отношениям между заинтересованной в борьбе с терроризмом Испанией и Соединенными Штатами, в результате чего в декабре 2001 г. руководители внешнеполитических ведомств двух стран Х. Пике и М. Олбрайт подписали историческую Совместную декларацию (т.н. «Мадридская декларация»), предусматривающую углубление двусторонних связей не только на политическом уровне, но также и в области обороны и безопасности, поддержку экономического, финансового, научного, промышленного, технологического и культурного сотрудничества. В последующие годы были достигнуты важные соглашения, касающиеся сотрудничества в области юстиции, проведены многочисленные обмены визитами на высшем и высоком уровне. «Атлантическая ось» официально стала вторым из основных векторов внешней политики Испании в 2012 г., что на практике проявилось в виде интенсификации двусторонних политических связей с США: встреча двух лидеров состоялась в Вашингтоне в январе 2014 г., министры иностранных дел и торговли двух стран обменялись многократными визитами и провели переговоры по всем направлениям сотрудничества, а кульминацией стал исторический визит короля Испании в США в сентябре 2015 г.

Смена власти в США в 2017 г., вступление в должность президента Д. Трампа положительно отразилось на динамике двусторонних отношений между Испанией и США: по приглашению Д. Трампа премьер-министр Испании М. Рахой совершил официальный визит в США в сентябре 2017 г., министр иностранных дел А. Дастис трижды посещал эту страну в 2017 г. и председательствовал на XXII Испанско-Американском форуме в Уильямсбурге, штат Вирджиния. Эти визиты подтвердили приверженность сторон к развитию взаимодействия по линии правоохранительных органов, совместной борьбе с терроризмом и радикальным исламом, укрепления торговых связей. Таким образом, значимость североамериканского вектора в политике Испании обусловлена, прежде всего, интересами обороны и безопасности: Испания видит в США надежного союзника в борьбе с терроризмом, от проявлений которого регулярно страдают испанские граждане.

Латиноамериканский вектор во внешней политике Испании обладает сопоставимой значимостью с североамериканским и определяет ее отношения с т.н. Иберо-Америкой. Ценность Иберо-Америки для испанского правительства базируется на следующих положениях:

– Иберо-Америка исторически была и остается приоритетом для внешней политики Испании в силу исторических, социальных, культурных, политических, экономических и языковых связей;

– отношения Испании с ибероамериканскими странами уникальны по богатству и разнообразию и поддерживаются правительствами во всех сферах, при этом Испания ведет политический диалог со всеми странами региона вне зависимости от степени политической близости;

– Испания является одним из основных инвесторов в Латинской Америке, обеспечивая свое заметное присутствие в таких секторах, как банковское дело, энергетика, связь, строительство и управление инфраструктурой, туризм и сфера услуг;

– испаноязычная культура в Латинской Америке достигла высокого уровня качества во всех ее проявлениях и пользуется заслуженной популярностью во всем мире;

– Испания нацелена на постоянное обновление исторически сложившихся отношений с латиноамериканскими странами с учетом новых вызовов и возможностей, она выступает за развитие политического и экономического диалога и видит этот регион одним из двигателей восстановления мировой экономики.

– роль Испании в Иберо-Америке также подкрепляется ее участием в различных латиноамериканских многосторонних организациях в качестве наблюдателя и в Ибероамериканском сообществе наций в качестве одного из основателей и участника.

Европейский, североамериканский и латиноамериканский векторы испанской внешней политики образуют триаду, в которой европейский вектор составляет первый уровень значимости, североамериканский и латиноамериканский векторы можно разместить на втором. Вместе с тем, этими тремя векторами в XXI веке внешняя политика Испании не исчерпывается, в ней усиливается влияние еще четырех внешнеполитических векторов: средиземноморского, африканского, азиатско-тихоокеанского и ближневосточного, каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Средиземноморский вектор сохраняет свою значимость для Испании ввиду того, что стабильность и процветание данного региона оказывают прямое влияние на стабильность и процветание самой Испании, являющейся частью Средиземноморья, и на стабильность и процветание Европейского союза, в чем, как было отмечено ранее, она также заинтересована. Отношения между Испанией и средиземноморскими странами характеризуются не просто как добрососедские, но еще и как взаимозависимые, что не в последнюю очередь связано с обострившейся в последние годы проблемой миграции. Средиземноморский вектор внешней политики Испании реализуется на двух уровнях и подразумевает:

а) развитие двусторонних связей с каждым государством по отдельности;

б) взаимодействие с ними через многосторонние форматы – как через структуры Европейского союза, так и за счет участия Испании в инициативах регионального сотрудничества (Союз для Средиземноморья, «Диалог 5+5», ОБСЕ, ОЭСР и пр.).

Наиболее значим для Испании Союз для Средиземноморья – созданная 13 июля 2008 г. ассоциация, объединяющая 42 страны с общей численностью 750 млн. человек. Она была предложена президентом Франции Н. Саркози для имеющих выход к Средиземному морю стран, однако именно Испания настояла на том, чтобы одним из участников ассоциации стал весь Европейский союз. В Испании же в Барселоне была подписана Барселонская декларация с основной заявленной целью превратить Средиземноморье в мирный, стабильный и безопасный регион путем активизации политического диалога и создания новых возможностей в области экономического и культурного сотрудничества. В

Барселоне регулярно проходят совещания министров иностранных дел стран-участниц союза, на последней из которых (в январе 2017 г.) участники утвердили «Дорожную карту» на ближайшие годы, выделив в качестве приоритетов содействие инклюзивному росту, программы для молодежи и женщин, поддержание региональной стабильности и стимулирование региональной интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Chislett W. Global Spain: the country's economic, military and soft presence. July 2017 // Fundación Real Instituto Elcano, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/57d01e71-349f-413d-8c6e-cd0f3863d534/WP8-2017-Chislett-Global-Spain-economic-military-soft-power.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=57d01e71-349f-413d-8c6e-cd0f3863d534>
2. Canada – Spain Relations: Fact Sheet // Embassy of Canada to Spain, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.canadainternational.gc.ca/spain-espagne/bilateral_relations_
3. Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/en/PoliticaExteriorCooperacion/Iberoamerica/Paginas/Inicio.aspx>
4. Estatal Boletín Oficial del Estado, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3248>
5. El Gobierno aprueba la Estrategia de Acción Exterior // España Exterior, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.espanaexterior.com/noticias/el-gobierno-aprueba-la-estrategia-de-accion-exterior/>
6. Estrategia de Acción Exterior // Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20castellano.pdf>
7. España y Estados Unidos // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Espa%C3%B1ayEEUU/Paginas/inicio.aspx>
8. España y Estados Unidos // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Espa%C3%B1ayEEUU/Paginas/inicio.aspx>
9. ExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/inicio.aspx; Otras Iniciativas// Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/OtrasIniciativas.aspx>
10. Foreign Affairs and Cooperation: Ibero-America // Ministerio de Asuntos Exteriores
11. Mediterráneo // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, [Электронный
12. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaAsociaciónEuro->
13. Mediterránea: del proceso de Barcelona a la Unión por el Mediterráneo // Ministerio de Asuntos
14. Exteriores, Unión Europea y Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/>
15. Ley 2/2014, de 25 de marzo, de la Acción y del Servicio Exterior del Estado // Agencia Olivé I., Gracia M., Gomariz M. Spain in the world: an analysis of the Elcano Global Presence Index 2016 // Fundación Real Instituto Elcano, [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/spanishforeignpolicy/ari103-2017-olivie-gracia-gomariz-spain-in-the-world-analysis-elcano-global-presence-index-2016

16. La Unión Europea // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/UnionEuropea/Paginas/Inicio.aspx>

17. Mediterraneo/Paginas/PartenariadoEuroMediterraneo.aspx

18. Molina M. Estrategia de Acción Exterior: logro, ‘ma non troppo’ // Estudios de Política Exterior, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politicaexterior.com/articulos/politica-exterior/estrategia-de-accion-exterior-logro-ma-non-troppo/>

ТЕРРОРИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Васильев О.А.

*Соискатель кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Гуманитарного института СКФУ*

В данной статье рассматривается вопрос внутренней безопасности (политической безопасности), а также концепция национальной безопасности стран Европы и Российской Федерации

Ключевые слова: национальная безопасность, внутренняя безопасность, политическая безопасность.

Во многих западных странах обеспечение внутренней безопасности (политической безопасности) признано приоритетом государственной политики. Так, в современной Германии главная роль в стратегии внутренней безопасности отведена политике обеспечения безопасности и обороны. Достаточное представление о существующих в немецком экспертно-аналитическом сообществе взглядах на обеспечение национальной безопасности даёт фундаментальный труд «Политика безопасности в новых измерениях: краткое руководство к широкому пониманию безопасности» (2001 г.). Анализ существующих и возможных угроз, рисков и вызовов безопасности ФРГ привела экспертов к выводу, что для нейтрализации потенциальных опасностей необходимы нестандартные подходы. Ответные меры должны иметь коллективный характер, что предусматривается вести, прежде всего, посредством усиления интеграции ФРГ в НАТО и Европейский союз. Безопасность Германии не может достигаться мерами исключительно военного характера, ее обеспечение требует более широкого и комплексного подхода.

Современная доктрина впервые излагает не только концепцию обороны страны от международных угроз, но и концепцию обеспечения внутренней национальной безопасности, т.е. противостояния рискам и угрозам, способным нанести ущерб обществу (таким как терроризм, нелегальная иммиграция и др.) военными и гражданскими средствами.

С образованием Российской Федерации как независимого государства разрабатывается Закон РФ «О безопасности», введённый в действие Постановлением

Верховного Совета страны 5 марта 1992 г. Его ст. 1 определила безопасность как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Как справедливо оценивает эту формулировку один из тогдашних российских депутатов В.Л. Шейнис, она соответствовала демократическому правосознанию и конституционному принципу – высшей ценности человека, его прав и свобод. Основными принципами обеспечения безопасности впервые были выбраны: законность; соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; их взаимная ответственность по обеспечению безопасности; интеграцию национальной системы безопасности с международными. Указанный закон впервые сформулировал и легитимировал правовую систему обеспечения национальной безопасности РФ, установил её функции, субъектов, силы и средства обеспечения. Был определен порядок организации и ресурсов сил обеспечения безопасности, контроля и надзора над законностью их действий.

Вместе с тем, становление российской концепции национальной безопасности шло при острых конфликтах ценностей и интересов. Так, в условиях децентрализованного и этнизированного федерализма 1990-х гг. ряд политиков критиковали сам термин «национальная» безопасность. Разработчики закона вынуждены были пояснять, что речь идёт о синонимах «национально-государственной» и «общей» безопасности России. В.Л. Шейнис признает: закон 1992 г. был «возможно, несколько декларативным, оперировавшим не вполне раскрытыми понятиями и недостаточно детализованным», хотя и прогрессивным. Не удалось и намерение в 1992–1993 гг. принять первую Концепцию национальной безопасности РФ. Она не была утверждена Президентом страны (по сообщению С.В. Кортунова). До середины 1990-х гг. шли острые дискуссии о применимости самих категорий «национальные интересы» и «национальная безопасность».

Следующий шаг в институционализации концепции национальной безопасности России был совершён только через три года, в Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 1996 г. Смысл категории «национальная безопасность» был концептуально расширен: «Обеспечение безопасности должно быть направлено не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по развитию и укреплению прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства».

Другой ключевой концепт – национальные интересы России стали трактоваться в двойственном (государственном и общественном) смысле: как «основа формирования стратегических задач внутренней и внешней политики страны» и «интегрированное выражение жизненно важных интересов личности, общества, государства». В Послании 1996 г. впервые предпринята попытка определить основные долгосрочные интересы страны: «Их суть сводится к тем содержательным блокам: процветание народа, защита и обустройство территории его проживания и развитие национальной культуры».

В 1997 г. принимается Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Она более отчётливо, чем предшествующие акты, определила систему национальных интересов РФ в области экономики, во внутривнутриполитической, международной, оборонной и информационной сферах, социальной сфере, духовной жизни и культуре. Концепция добавила к перечислению интересов личности, общества и государства их сбалансированность (в отличие от акцента в начале 1990-х гг. на интересах личности).

Основные задачи обеспечения национальной безопасности РФ таковы:

- своевременное прогнозирование и выявление угроз национальной безопасности;
- осуществление тактических и стратегических мер по предупреждению и нейтрализации данных угроз;
- обеспечение суверенитета и территориальной целостности России, безопасности её пограничного пространства;

- обеспечение личной безопасности человека и гражданина, его конституционных прав и свобод в пространственном аспекте (равенства прав на всей территории страны, свобода выбора места жительства и пребывания);

- совершенствование системы государственной власти РФ, федеративных отношений, местного самоуправления и законодательства РФ;

- сохранение социально-политической стабильности общества;

- формирование гармоничных межэтнических отношений;

- подъем и поддержание на необходимом уровне обороноспособности военного потенциала государства.

Концепция национальной безопасности РФ (2000 г.) определяла специализированные направления обеспечения безопасности. В конституционно-правовой сфере направлениями, имеющими политический характер, указывались:

- обеспечение приоритета федерального законодательства;

- разработка организационных и правовых механизмов защиты государственной целостности, обеспечение единства правового пространства;

- выработка и реализация политики, обеспечивающей оптимальный баланс федеральных и региональных интересов;

- пресечение деятельности партий и общественных объединений, имеющих сепаратистские цели;

- правовая защита культурного наследия, исторических традиций и духовных норм жизни всех народов РФ; сохранение роли русского языка как фактора духовной интеграции народов РФ;

- применение военной силы внутри территории страны в строгом соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами в случаях возникновения угрозы жизни граждан, территориальной целостности страны, угрозы насильственного изменения конституционного строя.

Основные приоритеты обеспечения национальной безопасности России в сфере её внутренней политики не формулируются в упомянутой Концепции концентрированно. По работам Ю.В. Морозова, К.В. Сивкова, М.Н. Казаковой можно выделить приоритетные направления:

- защиту территориальной целостности, противодействие сепаратизму;

- создание и поддержание устойчивых эффективных отношений между центром и регионами на основе комплекса экономических, правовых и политических мер;

- предупреждение насильственных форм межэтнических и межконфессиональных конфликтов, управление существующими конфликтами в целях их урегулирования;

- проведение информационной и, шире, символической политики, направленной на укрепление общероссийской идентичности и толерантности;

- восстановление ресурсов Вооруженных сил и правоохранительных органов, необходимых для реализации задач национальной безопасности;

- курс «территориальной справедливости» в политике, призванный обеспечить равенство возможностей граждан РФ независимо от места их жительства, этничности, конфессии и иных социально значимых различий;

- пограничное взаимовыгодное сотрудничество на равноправной основе с зарубежными странами и транснациональными организациями.

В политической науке разработан ряд важных терминов, которые недостаточно отражены в федеральных правовых актах. К ним относится категория «источник опасности». А.А. Сергунин определяет источники в качестве условий и факторов, которые обнаруживают свои вредоносные свойства. Опасность – «осознаваемая, но не фатальная вероятность причинения вреда..., определяемая наличием неких объективных и субъективных факторов». По степени вероятности опасность подразделяется на реальную и потенциальную. Меньшими по масштабам негативного воздействия на страну являются

риски и вызовы. Риск безопасности трактуется международниками А.А. Сергуниным и А.С. Макарычевым узко – как возможность неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности именно субъекта безопасности (государства либо отдельного органа власти). Напротив, специалисты по внутриполитическим аспектам расширяют понятие «риск безопасности». С.А. Красиков определяет его как коллективный риск, связанный со столкновением множества групповых политических интересов, с рядом затронутых последствиями субъектов, имеющий системный характер, затрагивающий все сферы общества. Это вынужденный, некалькулируемый риск с неопределенным временем последствий.

Вызов безопасности обычно трактуется в качестве совокупности обстоятельств, воздействующих на государство извне, не обязательно угрожающего характера, но требующих ответной реакции субъекта безопасности.

В 2000 г. впервые была концептуально выделена сфера информационной безопасности, которая стала пониматься отныне не в узком смысле защиты личности, общества и государства от информационных угроз, а в широком: политико-идеологическом. Характерно упоминание в тексте «Доктрины информационной безопасности РФ» 2000 г. таких угроз, как «монополизация информационного рынка России, его отдельных секторов отечественными и зарубежными информационными структурами». Справедливо подчеркнута опасность «девальвации духовных ценностей, пропаганды образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в российском обществе».

Субъекты политики России и их функции, согласно Концепции национальной безопасности 2000 г., выполняют следующие законные функции.

Президент РФ руководит в пределах конституционных полномочий государственными органами обеспечения национальной безопасности, возглавляет Совет безопасности РФ и руководит его повседневной деятельностью, определяет стратегию обеспечения безопасности, санкционирует действия по её реализации. Он формирует, реорганизует и упраздняет подчиненные органы и силы обеспечения безопасности. В ежегодных посланиях Федеральному Собранию Президент страны уточняет положения Концепции (с 2009 г. – Стратегии) национальной безопасности РФ, определяет направления текущей внутренней и внешней политики в данной сфере.

Федеральное собрание РФ по представлению Президента РФ Правительства страны формирует законодательную базу в области обеспечения национальной безопасности.

Правительство РФ в пределах своих полномочий и с учетом приоритетов обеспечения национальной безопасности координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ. Оно формирует статьи федерального бюджета для реализации целевых программ в данной сфере.

Совет Безопасности РФ проводит упреждающее выявление и оценивает угрозы национальной безопасности, готовит проекты решений по их предотвращению и предложения в области обеспечения национальной безопасности. Координирует реализацию федеральными и региональными органами исполнительной власти данных решений.

Федеральные органы исполнительной власти исполняют законодательство РФ, решения Президента РФ и Правительства РФ в области национальной безопасности, разрабатывают законопроекты и представляют их на голосование законодательным органам.

Органы исполнительной власти субъектов РФ взаимодействуют по вопросам исполнения законодательства РФ, решений Президента РФ и Правительства страны, федеральных программ и планов, директив Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами РФ с федеральными органами исполнительной власти. Совместно с органами местного самоуправления привлекают граждан, общественные объединения и

организации к содействию в решении задач национальной безопасности. Они вносят в федеральные органы исполнительной власти предложения по совершенствованию системы обеспечения национальной безопасности РФ.

Таким образом, национальная безопасность РФ является многоуровневой по субъектам реализации. В этой связи важно учитывать разграничение предметов ведения и полномочий в сфере национальной безопасности между федеральными и региональными органами власти РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Livre Blanc Defense et Securite Nationale 2013. Режим доступа: <http://www.elysee.fr/assets/pdf/Livre-blanc-sur-la-Defense-et-la-Securite-nationale.pdf>;
Загарских К. В соответствии с военной доктриной // Красная звезда. 2011. 10 июня.
2. Грищенко Д.Ю. Политическая безопасность современного российского государства: состояние и механизм обеспечения. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Владимир, 2008. С. 15-16;
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. №Пр-1895) // Российская газета. 2000. 28 сент.
4. Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. №2446-1 // Российская газета. 1992. 9 марта.
5. Казакова М.Н. Политико-территориальные аспекты национальной безопасности России в условиях политической трансформации в постсоветский период. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004. С. 19.
6. Казакова М.Н. Эволюция политико-правовых основ национальной безопасности Российской Федерации // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011. М., 2011. С. 411.
7. Капустин Б.Г. Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика (материалы кругл. стола) // Мир. экономика и междунар. отнош. 1996. №7. С. 59-69; №8. С. 78-84; №9. С. 69-82.
8. Капустин Б.Г. «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. №3. С. 13-38;
9. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ 17 декабря 1997 г., №1300) // Российская газета. 1997. 18 дек.
10. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000, 18 янв.
11. Красиков С.А. Управление социально-политическими рисками в условиях глобализации. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2009. С. 25-27.
12. Макарычев А.С. «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе: Аналитический доклад. Н.Новгород, 2001. С. 15-24.
13. Морозов Ю.В., Сивков К.В. Стратегические подходы к реализации геополитических интересов России в XXI веке // Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России. М., 1999. С. 41-42, 49-50;
14. Плотичкина Н.В. Экстремизм vs демократия в научных исследованиях германских политологов // Политэкс. СПб., 2008. Т.4. №4. С. 193-202.
15. ¹Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию 13.06.1996 // Независимая газета 1996. 14 июня.
16. Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. 2005. №6. С. 127.
17. Сергунин А.А. Правовое регулирование международной деятельности субъектов Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. №1. С. 183-190.

18. Сорокин К.Э. Государственные интересы как обобщение национальных // Полис. 1995. №1. С. 114-120;
19. Стенограмма «круглого стола» «Национальная безопасность России: доктрина и реальность» // Политическая экспертиза. Альманах. СПб., 2005. Вып. 2. С. 277.
20. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность // Полис. 2009. №5. С. 143.
21. Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 142.

УДК 32

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Васильева И.А.

*доцент кафедры истории и философии права
Пятигорский институт (филиал) СКФУ в г. Пятигорске
E-mail: inna.vasilieva7@mail.ru*

Одним из основных источников угроз национальной, безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране.

Ключевые слова: *экстремизм, национализм, ваххабизм, исламский фундаментализм.*

В наше время современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизни. Процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население стран в миграционные потоки разного характера и уровня приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и всего сообщества в целом. Эти факторы в определенной степени стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, сопровождающуюся межэтническими конфликтами, и на этой почве начинают появляться различные оппозиционные группы, пытающиеся добиться желаемого для них результата через экстремизм и терроризм [1].

Общегосударственная система противодействия экстремизму и терроризму представляет собой совокупность субъектов противодействия экстремизму и терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию экстремистской и террористической деятельности, минимизации и ликвидации последствий проявлений экстремизма и терроризма.

Меры профилактики и предупреждения экстремизма направлены в основном на устранение условий, способствующих преступной деятельности, и их реализовать значительно легче, чем меры противодействия. Они должны опираться на широкую общественную поддержку, консолидацию общества. Для многонациональной России особую актуальность имеет формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия.

Направления профилактической работы должны продолжать и развивать складывавшиеся веками гуманистические традиции российского общества по следующим линиям: образование, семья, общество, государство [2].

Противодействие экстремистской деятельности — это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в пределах своей компетенции по осуществлению профилактических, воспитательных и пропагандистских мер, направленных на противодействие экстремистской деятельности (ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

Нетерпимое отношение к людям иной национальности, иной веры, иной социальной группы, иного поведения или образа жизни – распространенное явление в современном мире.

Несмотря на позитивные и демократические преобразования российского общества в условиях модернизации активизировалась деятельность асоциальных молодежных организаций экстремистского характера, спекулирующих на идеях национального возрождения и провоцирующих рост преступных акций на антирелигиозной, политической почве.

Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, наиболее подверженных разрушительному влиянию, легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Таким образом, молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно используют российскую молодежь в своих интересах.

При реализации негативного протестного потенциала, происходит развитие безнравственных взглядов и принципов, влекущие вред интересам лиц или целого общества, заключающиеся в разрушении общепризнанных норм морали и права. Совершению преступлений, препятствующих становлению и развитию институтов демократии и гражданского общества и, как правило, это происходит на бессознательном уровне, то есть сознание индивида находится под контролем идеологии экстремистской деятельности, манипулированию организацией экстремистской направленности.

Исходя из опасности распространения в России экстремизма, обусловленного, в том числе, существующими межнациональными и межконфессиональными противоречиями, органы государственной власти Российской Федерации, и прежде всего правоохранительные органы должны вести целенаправленную борьбу с антиконституционной деятельностью экстремистских организаций. В том числе, связанных с нетрадиционным исламом, особенно на территории Северо-Кавказского, Южного федеральных округов.

В ходе антигосударственной деятельности идеологи и эмиссары ваххабизма особое внимание уделяют привлечению на свою сторону молодежи. Основная роль в этом процессе отводится религиозным учебным заведениям, финансирование которых осуществляется за счет частных пожертвований верующих и средств, выделяемых зарубежными исламскими организациями. При этом не редко вроде бы общественные исламские организации, в действительности находятся под полным государственным контролем своих стран, а их деятельность определяется заданиями, полученными от специальных, в том числе разведывательных, служб.

По уровню приобретаемых знаний все учебные заведения необходимо разделить на две категории - это медресе, воскресные школы при мечетях, различные центры по изучению Корана и арабского языка, где слушатели получают начальные знания. И университеты, исламские институты, где дают более углубленные знания ислама.

Выпускникам этих учебных заведений предоставляется право заниматься преподавательской деятельностью[3].

Во многих исламских школах обучение ведется по канонам, отличным от тех, которые проповедают в республиках Северного Кавказа. В учебном процессе используются религиозная литература, аудио- и видеоматериалы фундаменталистского толка. В процессе обучения происходит отбор одаренной молодежи, которая направляется для дальнейшего получения образования в страны Ближнего и Среднего Востока, где попадает под влияние экстремистских исламских организаций. Официальное руководство мусульманского духовенства России утратило контроль над воспитанием и обучением молодежи, отдав инициативу иностранным исламским миссионерам.

В силу изложенных обстоятельств возрастает роль органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных органов в обеспечении контроля над соответствием требованиям законодательства программ обучения, порядка организации учебного процесса в исламских религиозных образовательных учреждениях, а также иных образовательных учреждениях, созданных при участии иностранных организаций[4].

Активная деятельность миссионеров, проповедующих исламский фундаментализм через обучение молодежи, представляющих коренное население национальных республик региона и направленных в заграничные исламские центры ваххабитской направленности (Саудовская Аравия, Малайзия, Пакистан, Египет и др.) в настоящее время начинает приносить свои горькие плоды. Пройдя усиленную теологическую, а параллельно и боевую подготовку, будучи подвергнутыми, мощному идеологическому воздействию, молодые проповедники, вернувшись на родину, становятся ярыми пропагандистами идей ваххабизма среди верующих мусульман. Одной из главных задач при этом также считается проникновение в местные исламские учебные заведения с целью постепенного полного подчинения верующих мусульман своему влиянию. Кроме того, по замыслам лидеров ваххабитов предполагается, что обучающаяся в указанных учебных заведениях молодежь в перспективе должна занять ключевые посты не только в религиозных, но и во властных структурах национальных республик Северного Кавказа.

Перед государством и обществом по противодействию религиозному экстремизму стоят следующие задачи, во-первых, стабилизация политической обстановки в стране, формирование духа социального мира, спокойствия, недопущение политических, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, социальных разногласий в обществе, во-вторых, выявление и постепенное устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению религиозного экстремизма. В-третьих, повышение культурно-образовательного уровня населения, добровольное углубленное изучение религии, истории, культуры, традиций населения конкретного региона, повышение межрелигиозного взаимопонимания, формирование толерантности между этноконфессиональными образованиями. В-четвертых, противодействие вовлечению граждан в религиозно - экстремистские группы, сообщества, организации. В-пятых, противодействие распространению информации и литературы экстремистского характера, направленных на разжигание межконфессиональных конфликтов[5].

Важнейшим звеном в системе субъектов противодействия экстремизма, как вытекает из вышеизложенного, является система воспитания и образования. Необходимо разработать систему профилактики молодежного экстремизма в школе и в высших учебных заведениях, предусматривающую проведение мероприятий против насилия, ксенофобии, нетерпимости и формирование установок толерантности к представителям различных этнических, социальных и религиозных групп. Молодежи свойственна психология максимализма, что в условиях острого социального кризиса является почвой для развития агрессии и экстремизма[5].

Важная роль в противодействии осуществлению экстремистской деятельности отводится органам внутренних дел. В отделах внутренних дел имеются списки мест

массового досуга молодежи, включая дискотеки, компьютерные клубы, мест проживания иностранцев, выходцев из кавказского региона, мест, где обычно происходит концентрации групп молодежи, имеются списки несовершеннолетних, в отношении которых поступила информация о принадлежности к неформальным, в том числе экстремистским молодежным объединениям.

Большое значение в этой связи имеет наведение порядка в миграционной сфере. Большое количество лиц из стран, составляющих ранее единое государство Советский Союз, приехавших на заработки в Россию, привело к резкому изменению национального состава в некоторых регионах страны, и местное население стало ощущать себя не большинством, а меньшинством на исконной исторической родине. При этом новые жители пытаются насаждать собственные правила поведения, чем в еще большей степени осложняют и без того не простую ситуацию, провоцируя особенно представителей местной молодежи на совершение экстремистских действий. Чтобы снизить уровень экстремизма, связанный с мигрантами, следует тщательно планировать расселение трудовых мигрантов, разработать программы адаптации трудовых мигрантов к новым условиям жизни, ужесточение мер наказаний за содействие незаконной миграции и т.д.[6].

Одним из субъектов профилактики, предупреждения и противодействия осуществлению экстремистской деятельности являются, средства массовой информации. Оперативно и масштабно воздействуя на массовую аудиторию, они способны донести любые сведения до миллиардов людей за считанные часы, выполнить гражданскую, социализирующую функцию, что по сравнению с публичными лекциями, книгами и другими способами обмена информацией ставит их вне конкуренции.

Для эффективной борьбы с экстремизмом необходима разработка точных, понятных, текущих и перспективных целей, а также понимание используемых средств по достижению этих целей. Совершенствования законотворческого процесса, практики применения законов, широкого обсуждения возникающих проблем в средствах массовой информации, что должно оказать позитивное просветительское влияние на общество и послужить одним их факторов, реально оказывающим противодействие экстремистской деятельности [6].

Таким образом, складывающаяся в Российской Федерации обстановка по распространению экстремистских идей и взглядов требует принятия и незамедлительной реализации со стороны федеральных и региональных органов государственной власти комплекса согласованных мер правового, экономического и организационного характера, направленных на противодействие экстремизму в любой его форме, но, прежде всего, исламскому экстремизму на территории России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПОСОК

1. [Электронный ресурс] <https://svr.pnzgu.ru/step/> (дата обращения:11.12.2020)
2. [Электронный ресурс] <https://csgped.ru/> (дата обращения:03.07.2020)
3. [Электронный ресурс] <https://studme.org/156890/> (дата обращения:19.03.2020)
4. Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним: мат. конф. М., 1998.
5. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи. Ростов-н/Д., 2003.
6. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. М., 2005.

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Воротынцев И.Н.

Соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ

Политика формирования российской гражданской идентичности делает первоочередной задачу обеспечения этнокультурной лояльности. Этнокультурная лояльность как политический ресурс функционирует во взаимодействиях граждан, этнических групп и государства в системе идентичности. Этнокультурная лояльность охватывает многие причины, реалии и следствия жизни этнических сообществ и граждан.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, идентичность, национальная безопасность РФ, этнокультурная лояльность.

Ведущий этнополитолог России В.А. Тишков предложил использовать категорию «многонародная нация»[1] вместо привычного по преамбуле Конституции РФ термина «многонациональный народ», отражавшего сложный политический компромисс и состояние государственоведения в 1993 г. Это принципиально важно: нация – одна (россияне всех вероисповеданий, языков, этничности), но она интегрирует в себе, не растворяя, свыше 190 народов. Полиэтничность России является важным аргументом в пользу мнения В.А. Тишкова. У. Альтерматт отмечает, что чем более поликультурно общество, тем быстрее концепция нации-государства превращается в категорический императив[2].

По существу, данная концепция последовательно признана на официальном уровне в предвыборных статьях В.В. Путина (январь 2012 г.). В статье «Россия: национальный вопрос» было предложено: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства»[3]. В той же статье аргументируется надэтнический уровень формируемой идентичности: «Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности...» Российскую нацию объединяет не религия, не этничность, а общие ценности.

Важнейшим новшеством Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г., стала легитимация категории «российская нация», которую упорно отвергали участники обсуждения предыдущих проектов 2002 и 2007 гг. Стратегия государственной национальной политики РФ в п.8 указывает более привычный по Конституции России термин «многонациональный народ Российской Федерации» и российскую нацию синонимами. Российская нация признана состоящей из всех народов (этнических общностей) страны[4]. П. 9 Стратегии подчеркивает, что национальности – учётные категории граждан при переписях выделяются на основе самоопределения граждан. Признано в п. 11: «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций

населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру».

Политика формирования российской гражданской идентичности делает первоочередной задачей обеспечения этнокультурной лояльности. Этнокультурная лояльность как политический ресурс функционирует во взаимодействиях граждан, этнических групп и государства в системе идентичности. Этнокультурная лояльность охватывает многие причины, реалии и следствия жизни этнических сообществ и граждан. Высокая этнокультурная лояльность детерминирована благополучными экономическим, социальным и политическим статусами, но не гарантируется ими. Прочной основой лояльности становится благополучное самочувствие и компромиссные установки реализации этнических, конфессиональных, социально-статусных интересов групп[5]. Этнокультурная лояльность базируется на этнической самоидентификации и самоопределении и содержит ряд компонент.

Уровень этнокультурной лояльности связан с ассимиляцией либо взаимной адаптацией, изменениями этнической дистанции. Уровень этнокультурной лояльности важен для оценки противоречий и конфликтов, профилактики конфликтов политической идентичности. Параметрами этнокультурной лояльности выступают: степень влияния патриотизма, способность к критическому и самостоятельному восприятию информации вопреки националистическому внушению; бытование позитивных этнических стереотипов; готовность к миротворчеству; стремление к принятию культуры межэтнического общения; практики толерантности; готовность к противодействию ксенофобии и экстремизму.

Этнокультурная лояльность является основой позитивного межэтнического общения. Этнокультурная лояльность реализуется в русле взаимовыгодного компромисса, обмена ресурсами влияния между этническими сообществами и индивидами. Политика формирования российской идентичности предполагает деполитизацию этничности[6].

Этнокультурная лояльность позволяет развивать институты гражданского общества, которые могут противостоять политическим рискам. Необходима работа миротворческих программ, институтов миротворчества, системы миротворческого образования, просвещения, школ толерантности. Для упрочения идентичности этнокультурная лояльность выступает, таким образом, как существенный антиконфликтогенный ресурс.

На уровне СКФО и отдельных субъектов федерации необходимы системные меры. Прежде всего, это принятие целевых программ реализации государственной национальной политики. Такие программы приняты во всех субъектах, но они требуют обновления в связи с меняющейся этнополитической и этноконфессиональной ситуацией. Эти программы должны включать формы и методы, соответствующие современным реалиям модернизации. Также в некоторых регионах приняты программы муниципальных образований – городов, районов, в которых отражена идентификационная специфика местных сообществ.

Перспективным направлением таких программ, по предложению М.А. Аствацатуровой, может стать разработка паспортов привлекательности – имиджевых паспортов городов, районов, населённых пунктов[7]. В рамках целевых программ Президиума РАН и Южного центра РАН реализуется проект разработки принципов, направлений и форм этнокультурного брендинга СКФО с использованием привлекательных ресурсов макрорегиона. Делается акцент на историко-культурном наследии и природно-рекреационном комплексе для развития туризма и привлечения инвестиций. Этому могут служить фестивали, конкурсы и концерты танцевальных и певческих коллективов, спортивные соревнования, казачьи игры, народные праздники, организация заповедников и музеев и др. Приносят пользу молодёжные форумы, соревнования, флеш-мобы (г Нальчик, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грозный и др.).

Полпредство Президента РФ по СКФО, органы власти субъектов федерации на Северном Кавказе реализуют такие направления упрочения российской гражданской идентичности[8]:

- популяризацию привлекательных событий российской истории и структур государственности;
- акцентирование объединяющих символов российского поликонфессионального и полиэтнического духовного единства;
- реализация идеи кочующей культурной столицы СКФО (фестивали, праздники, «Кавказские игры», казачьи игры, национальные подворья);
- развитие туристического и санаторно-курортного кластера, в т.ч. федеральных курортов Кавказских Минеральных Вод, Домбая и Приэльбрусья;
- разработка привлекательных северокавказских брендов «Сделано на Северном Кавказе».

Стоит выделить такие институты политической и культурной реинтеграции Северного Кавказа, как Общественный совет СКФО, Совет старейшин, Экспертный совет СКФО, Всекавказский молодёжный альянс, Всекавказский молодёжный лагерь «Машук».

В политической и культурной реинтеграции выделяются три основные компоненты: политическая, социально-экономическая и культурно-религиозная. Их реализация – общая задача органов государственной власти и институтов гражданского общества.

В условиях межконфессиональной и этнополитической напряженности политика формирования гражданской идентичности неразрывно связана с противодействием сепаратизму и экстремизму. Формирование гражданской нации существенно ускорится при государственном обеспечении приоритета федеральных законов на всей территории страны.

Важную роль в формировании установок общественного сознания играют информационные ресурсы. Исследования показывают, что сегодня на Северном Кавказе ведущую роль в политико-информационном воздействии играют федеральные электронные СМИ и интернет-ресурсы (сайты, блоги, социальные сети и т.д.). На материалах Дагестана и Чечни установлено, что сохраняется весомая роль сетей прямого личного общения. Это объясняется повышенной «плотностью» межличностных и групповых взаимодействий, традиционных институтов (патронимического родства, тейпов, вирдов, тарикатов и др.).

Изменения значимости различных секторов СМИ определяют необходимость внедрения установок гражданской идентичности, в первую очередь, через телевидение и Интернет, что обеспечит широкий охват аудитории и воздействие на такие целевые социально-демографические группы, как молодежь (в т.ч., не получающая высшего образования) и этнические меньшинства. Разумеется, политика формирования гражданской идентичности не даст немедленный результат.

Для формирования патриотических настроений в молодёжной среде необходимо усилить пропаганду культурных ценностей, обеспечить преемственность традиционных российских и дагестанских ценностей. Важно иметь в виду обновление и актуализацию имеющихся средств и методов работы, развитие эффективных, интересных для молодёжи форматов общения, площадок неформального образования, подобных молодёжным форумам («Селигер», «Машук», «Каспий»), дискуссионных площадок и клубов; качественное развитие детского и молодёжного общественного движения, как начальной ступени демократии, исток гражданственности, творческого самостоятельного потенциала общества.

Видный этносоциолог Л.М. Дробижина в своём экспертном интервью предлагает кардинально изменить направленность телепередач, кино- и телефильмов в духе осуждения терроризма и поддержки российского единства; перестраивать систему обучения в школе, делать ее включающей учеников в мирную, толерантную практику[9]. Необходимо прорецензировать учебники истории, обществознания, литературы, географии и переиздавать на государственные средства, рекомендовать к использованию в учебном процессе только те из них, которые бесконфликтно включают учащихся в жизнь российского социума и мира, формируют российский патриотизм.

Необходимо включить в проект модернизации Северо-Кавказского макрорегиона аспект формирования российской гражданской идентичности. Для решения проблем С.Ю. Иванова предлагает комплекс мер [10]:

- разработка, принятие и реализация Федеральной целевой программы «Формирование российской гражданской и цивилизационной идентичности» и ее информационное сопровождение;
- секуляризация образовательной, информационной и политико-управленческой сфер;
- выработка цивилизованных форм и способов общественного контроля за формированием в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны, воспитание патриотизма и гражданской ответственности за ее судьбу;
- установление ответственности должностных лиц, органов государственной власти, юридических лиц и граждан за соблюдение требований информационной безопасности;
- разработка методов повышения эффективности участия государства в формировании информационной политики государственных телерадиовещательных организаций, других государственных СМИ;
- противодействие попыткам дискредитации, девальвации гражданских ценностей со стороны государственных и общественных деятелей в СМИ, литературе и искусстве, оказывающих интеллектуальное и эмоциональное воздействие на сознание;
- реальная политическая конкуренция;
- создание дискуссионной площадки для ученых, «лидеров общественного мнения», творческих работников – представителей разных народов, объединенных ценностями российского патриотизма и государственного единства;
- организация выступлений представителей органов власти, ученых, деятелей культуры и искусства, ветеранов об основных позитивных событиях истории российского Кавказа, традициях сотрудничества народов и конфессий, об его модернизации по каналам радио и телевидения;
- продвижение брендов, формирующих положительный имидж макрорегиона («российский Кавказ», «Кавказ – жемчужина России» и др.).

Необходимым ресурсом обеспечения безопасности России в СКФО является создание целостной системы СМИ, обеспечивающей не только объективное и полное информирование поликультурного сообщества, но и формирование позитивной российской идентичности. Важными функциями СМИ являются и посредничество между социумом и властью, закрепление интегрирующих ценностей в общественном мнении, дискредитация идей сепаратизма, этнического и конфессионального экстремизма. Анализ нынешнего состояния информационного пространства СКФО доказывает его фрагментированность, недостаточность ресурсов обеспечения национальной безопасности в поликультурном сообществе макрорегиона.

Позитивным примером стал ежегодный форум средств массовой коммуникации Юга России в Республике Адыгея (организован в 2007 г.), деятельность которого позволяет поднять планку эффективности работы, создать универсальный информационный ресурс для нейтрализации информационных угроз. По мнению форума, не имея авторитетных СМИ, способных влиять на идентичность, а не только информировать, власть будет вынуждена чаще использовать административные методы управления [11].

Подведем итоги исследования политики идентичности. Политика идентичности применяется для нациестроительства, т.е. закрепления в общественном сознании, политических институтах и практиках, законодательстве единого сообщества – гражданской нации на надэтнической, надрелигиозной основе. Российская гражданская идентичность формируется в качестве системы ценностей, ориентаций, установок, порождаемых самоотождествлением индивидов и сообществ мезоуровня (территориальных, социально-стратификационных, этнических, религиозных и др.) с Россией и россиянами. Гражданская национальная идентичность не исключает этнические

и религиозные идентичности, а согласуется с ними в русле толерантности и демократических политических практик модернизации.

В настоящее время политика идентичности на уровне макрорегионов – федеральных округов и различных субъектов федерации концептуально еще не оформлена. Прогнозируем, что это совершится в ближайшие месяцы в форме программ реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. Важной задачей органов государственной власти становится последовательное концептуальное и нормативное согласование отраслевых политик: информационной, образовательной, культурной, символической. Необходимы также реформы системы субъектов политики идентичности, повышение их ресурсов влияния и политического статуса.

Реализация политики идентичности на макрорегиональном и региональном уровнях должна осуществляться на основе конфликтологических технологий предотвращения идентификационных угроз безопасности, т.е. совокупности операций или процедур, направленных на предотвращение цивилизационных, этнических и конфессиональных конфликтов.

Обобщим выводы по третьей главе. Контртеррористическая политика Российской Федерации определена как система принципов, направлений, методов деятельности и мероприятий органов государственной власти по устранению угроз терроризма, пресечению террористической деятельности.

Институциональная структура контртеррористической политики РФ, в том числе – в СКФО, оформилась в современном состоянии к 2009 г. Она включает в себя такие институты, как Президент Российской Федерации, Совет безопасности РФ, Национальный антитеррористический комитет, региональные антитеррористические комиссии, оперативные штабы. Важным принципом ее деятельности выступает оперативная межведомственная координация.

Среди направлений контртеррористической политики Российской Федерации применительно к СКФО доминирует реактивная группа стратегий борьбы с терроризмом – выявление, пресечение и расследование террористических актов, а также минимизация последствий терактов. Менее эффективно и системно проводятся превентивные стратегии предупреждения и профилактики терроризма – выявление и устранение его причин и условий.

В противодействии терроризму сохраняется нацеленность государства в основном на силовые методы подавления. Ликвидация идеологов терроризма и его исполнителей на короткое время улучшает ситуацию, но не может в корне устранить причины и факторы, порождающие терроризм. Тенденция снижения террористической активности в 2005–2007 гг. позже закономерно сменилась обратной.

Пока не ликвидированы причины и условия, способствующие возникновению террористических проявлений, рост насилия неизбежен. Чтобы улучшить положение, следует существенно повысить эффективность политических технологий противодействия терроризму, которые должны реализовываться органами государственной власти и местного самоуправления, депутатами всех уровней, СМИ, руководством предприятий и учреждений, поскольку факторы, детерминирующие экстремизм и терроризм, в основном формируются в их сфере деятельности. Решение социально-политических проблем является определяющим и способно сузить социальную базу терроризма. Следует разработать и реализовать комплекс мер по противодействию вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность.

Эффективность реализации контртеррористической политики РФ на Северном Кавказе во многом зависит от политической воли руководителей государства и субъектов федерации; от соблюдения принципов данной политики и процедур принятия политико-властных решений; от повышения квалификации состава правоохранительных органов; умения гибко реагировать на изменение террористических угроз; налаживания экспертно-

аналитической системы мониторинга и прогнозирования динамики терроризма и отпора ему.

Законодательство Российской Федерации по противодействию экстремизму содержит систему уголовно-правовых и административно-правовых мер, направленных на выявление и пресечение экстремистской деятельности, систему запретительно-ограничительных мер, направленных на предупреждение проникновения экстремистов на территорию страны, на их вхождение в органы власти, в общественные и религиозные объединения. Основной акцент в правовых мерах антиэкстремистской политики делается на безопасность государства, его институтов и должностных лиц. Сравнительно небольшая доля положений и нормативных предписаний посвящена защите личности, а безопасности общества, его единству и национальной идентичности уделяется мало внимания.

Эффективная политика государства в области антиэкстремистского законодательства должна опираться, помимо репрессивно-запретительного аспекта, на систему профилактических мер и политических антиэкстремистских технологий, предполагающих наличие институционально оформленных каналов взаимодействия государства, гражданского общества и личности.

В законодательстве и политической практике должны быть чётко отражены права и статус институтов гражданского общества (прежде всего, политических партий, общественных объединений и организаций, СМИ, органов местного самоуправления), технологии и процедуры их взаимодействий с органами государственной власти в сфере противодействия радикализму в информационной и политической среде.

Силовой вариант решения проблемы способен дать кратковременные позитивные результаты. Для кардинального исправления ситуации нужно устранять либо минимизировать действие факторов, детерминирующих экстремизм. Нарастает роль взаимодействий органов государственной власти, партий, общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации, законопослушных граждан. Главное условие эффективной борьбы с экстремизмом – результативная профилактика насилия предполагает значительное сокращение факторов социального протеста, работающих как «эскалаторы насилия» в республиках Северного Кавказа.

В данной связи принципиально важно интегрировать в систему мер антиэкстремистской политики оперативный информационный менеджмент конфликтов, экстремистских акций либо высказываний. Этим призваны заниматься профессионально обученные конфликтологи и этнополитологи, религиоведы, а не только юристы.

Целесообразно осуществлять следующие меры антиэкстремистской политики обеспечения безопасности в СКФО:

- мониторинг и прогнозирование этнополитических процессов, экстремистских и террористических проявлений на региональном уровне;
- разработку на его основе комплекса мер по профилактике этнических конфликтов, формированию толерантного поведения;
- принятие мер по устранению причин, вызывающих политическую напряженность;
- постоянное проведение просветительской и пропагандистской работы с населением на основе целевых программ;
- закрепление в региональном законодательстве необходимости проведения общественной экспертизы проектов нормативных актов, которые могут вызвать этническую напряженность в регионе (например, в сфере земельных правоотношений, вопросов религиозного образования, административно-территориального деления и т.д.), а также затрагивающих межэтнические отношения.

Реализация политики идентичности на макрорегиональном и региональном уровнях должна осуществляться на основе конфликтологических технологий предотвращения идентификационных угроз безопасности, т.е. совокупности операций или процедур,

направленных на предотвращение цивилизационных, этнических и конфессиональных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 142.
2. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 120.
3. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
4. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 29.12.2012).
5. Аствацатурова М.А. Этнокультурный фактор в комплексе общественных отношений полиэтничных субъектов ЮФО // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. М., 2007. Вып. XVI. Ч. 2. С. 24-27.
6. Зорин В.Ю. Этничность и власть // Свободная мысль. 2003. №6. С. 4-15.
7. Аствацатурова М.А. Северо-Кавказский федеральный округ: новые риски и новые ресурсы противостояния экстремизму // Регулирование социально-этнических процессов ... С. 165.
8. Аствацатурова М.А. Идея российской идентичности как идея реинтеграции северокавказского этнополитического и этнокультурного пространства // Кавказ: проблемы реинтеграции ... С. 22-23.
9. Дмитриев А.В. Юг России: конфликтологическая экспертиза. М., 2010. С. 131.
10. Иванова С.Ю. Разрыв между этнической и общероссийской идентичностью на Северном Кавказе (способы преодоления) // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2010. С. 250-269.
11. Межрегиональное сотрудничество в противодействии терроризму. Режим доступа: <http://osinform.ru/23108-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo-v-protivodejstvii.html>

УДК 336.717

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-БАНКИНГА В ОБСЛУЖИВАНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Голубова М.И.¹, Золотарева А.В.²

*¹кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
E-mail: golubovami@mail.ru*

*²студентка 3 курса факультета экономики и управления
П-ЭКМ-б-о-181,
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
E-mail: alinarainbow99@gmail.com*

В данной статье обозначены основные проблемы и перспективы развития интернет-банкинга. В условиях масштабной цифровизации после пандемии дистанционное

обслуживание стало наиболее востребованным, поэтому важно обеспечение финансовой безопасности данной сфере.

Ключевые слова: *интернет-банкинг, развитие банковского обслуживания, безопасность дистанционного банковского обслуживания*

В настоящее время пандемия внесла значительные изменения в социально-экономическое развитие. В частности банковская сфера была подвержена трансформации в сфере дистанционного обслуживания и оказания услуг через сеть Интернет. В период ограничений посещения общественных мест интернет-банкинг играл главную роль для коммерческих банков, позволяя продолжать оказание услуг, нивелировать риски стагнации банковской системы. Кроме того, такие услуги стали привычными для клиентов благодаря удобству.

Во-первых, нет необходимости посещать банк для осуществления каждой операции. Цикличные платежи можно настроить автоматически, реквизиты есть возможность сохранить для дальнейших платежей. С помощью онлайн-банка можно отслеживать состояние счетов, вкладов, а также сроки аннуитетных платежей. В условиях пандемии это позволяло сократить количество мест массового пребывания людей. Сейчас дистанционное обслуживание дает возможность получить банковскую услугу из любой точки мира в любое время суток.

Во-вторых, интернет-банкинг позволяет решить проблему срочности, так как одна и та же операция онлайн занимает меньше времени. В настоящей действительности проблема дефицита времени стоит остро, поэтому оптимизация процессов банковского обслуживания актуальна как для физических, так и для юридических лиц. Для бизнеса важны экономичные идеи и бизнес-процессы, в том числе и при расчетах с покупателями, кредиторами и контрагентами.

В-третьих, дистанционные технологии позволяют оказывать более качественные услуги для различных групп населения. Молодежь имеет возможность не только получать банковские услуги в чистом виде, но и общаться через интернет-банк, учиться инвестировать и откладывать денежные средства. Дистанционное обслуживание может быть полезным для людей не имеющих возможности выходить из дома (люди с ограниченными возможностями, пенсионеры), что повышает доступность и повсеместность банковских услуг. Есть и другая сторона данного вопроса: не все пенсионеры смогут использовать онлайн-банк, даже при интуитивном управлении. Зачастую даже консультации сотрудников банка и инструкции в самом приложении не позволяют в полной мере создать доступную онлайн-среду для пожилых людей.

Поэтому развитие дистанционных технологий происходит смежно с работой офисов банка. На данный момент спросом пользуются как дистанционный формат обслуживания, так и обслуживание клиентов в банке. Так как часть клиентов активно использует интернет-банкинг, возможно сокращение времени ожидания в офисах банка. Зачастую необходимо таким образом дифференцировать клиентскую базу, чтобы сократить расходы на аренду помещения и уменьшить количество сотрудников. Снижение количества сотрудников значительно экономит финансовые ресурсы коммерческого банка, поэтому развитие интернет-банкинга представляет интерес как для крупных игроков, так и для сравнительно небольших банков. Вместе с тем, интернет-банкинг развивается зачастую через старые инструменты как банковские карты, что с одной стороны стагнирует развитие данной сферы, а с другой стороны позволяет плавно перейти банковской системе на более современные модели банковского обслуживания.

В онлайн сервисах банковского обслуживания есть, несомненно, плюсы, однако развитию интернет-банкинга в нашей стране препятствует ряд факторов: проблемы в сфере интернет-безопасности и риски при онлайн операциях, изменения фокуса продвижения продуктов в интернет-среде на социальные сети, разная целевая аудитория усложняет

работу по генерации продуктов. Развитие дистанционных технологий на базе пластиковых карт подвергает опасности всю систему интернет-банкинга, так как обеспечить сохранность данных на карте может только клиент. В связи с этим банкам остается только предупреждать последствия утечки информации с банковской карты. Во время использования онлайн-банка существуют определенные механизмы защиты: двухфакторная аутентификация, ограничение времени сессии в приложении, подтверждение операций через сообщения или ввод пароля. Такие инструменты защиты не всегда практичны для пользователей, вызывают определенные трудности. Однако даже эти алгоритмы подвергаются взломам, перехватам, что приводит к хищениям денежных средств.

Решить проблему безопасности дистанционного банковского обслуживания сложно, потому что необходимо решить проблемы интернет-безопасности в целом. Иными словами, безопасность банковской услуги зависит не только от приложения онлайн обслуживания, но и от устройства, с которого осуществляются операции. Если само устройство не защищено, вредоносный вирус выступает основной угрозой безопасности интернет-операций.

Неосведомленность клиентов также может привести к нарушению механизмов безопасности дистанционного банковского обслуживания. Часто встречается схема хищения денежных средств во время приобретения товаров в интернет-магазинах. Злоумышленники могут перехватить сайт оплаты и перевести пользователя на фальшивый, который ведет к списанию денежных средств с банковской карты. Даже при успешной оплате заказа есть вероятность, что данные банковской карты считаны и могут быть использованы третьими лицами. Протоколы безопасной оплаты частично позволяют решить проблему взломов сайта, однако мошенничество также развивается и появляются новые более совершенные механизмы хищения.

Если устройство уязвимо к вирусам, сообщения безопасности могут быть перехвачены, как и пароли при вводе. Несмотря на то, что интернет-банкинг совершенствуется, в настоящее время сложно говорить об высокой эффективности механизмов безопасности. Это вызвано тем, что программы онлайн-банков не имеют единого стандарта и имеют совершенно разный уровень защиты клиентов. Естественно, имеются различия в технологических возможностях коммерческих банков, что усложняет задачу унификации интернет-банкинга. Поскольку безопасность дистанционной банковской услуги зависит также от поведения клиента, необходимо информировать пользователей о возможных угрозах, предупреждать об опасности оплаты в сети на непроверенных сайтах. Также важно отслеживать действия злоумышленников со стороны соответствующего отдела банка. Встречались случаи создания фальшивой смс рассылки якобы от банка с похожим номером. Звонки с номеров-клонов от имени сотрудников банка также могут ввести в заблуждение неосведомленного клиента. Такие виды мошенничества возможно пресечь только с помощью предупреждения клиентов, информировании, введении дополнительных кодовых слов и т.д.

В последнее время платежные системы сделали очень много для повышения безопасности операций, совершаемых с картами через Интернет. В частности, были разработаны технологии Dynamic Passcode Authentication (VISA) и Card Authentication Programme (MasterCard), которые позволяют не только надежно идентифицировать клиента, но и подтвердить важнейшие атрибуты транзакции.[1]

Также был разработан новый стандарт безопасности хранения персональных данных PCI-DSS и утвержден стандарт Банка России, что может изменить регулирование интернет-банкинга и сделает данную систему более прозрачной и безопасной для пользователей.

В целом информационная безопасность является не единственной проблемой в сфере дистанционного банковского обслуживания. Крупные банки могут столкнуться с охлаждением клиентской базы, так как интернет-банкинг активно внедряется среди

пользователей, следовательно удивить клиентов становится сложнее. Изменения сводятся к исправлению программных продуктов, устранению ошибок системы и усилению системы безопасности. Привлечение внимание клиентов к новому продукту на сегодняшний день осложнено изменением фокуса продвижения на социальные сети. Чтобы успешно реализовать коммерческий проект, необходимо иметь каналы продвижения в социальных сетях. Для банковской сферы более проблематично продвигать услуги из-за их специфики. Целевая аудитория совершенно разная, что усложняет настройку рекламы, рассылок и т.д. Рынок насыщен коммерческими предложениями, поэтому выделиться становится сложнее.

Тем более, трудности в обеспечении безопасности дистанционного обслуживания снижает доверие пользователей. Создание сложной системы безопасности снижает риски, однако доставляет неудобства для клиентов. Не всегда удобно подтверждать каждую операцию, сообщения не приходят сразу, и это влияет на отношение к банковским услугам.

Качество дистанционного обслуживания зависит от множества факторов. Эти факторы определяют возможности коммерческого банка обеспечить конкурентоспособность на рынке, лояльность клиентов. Проблемы безопасности, доступности, технической оснащённости системы дистанционного обслуживания являются главными для каждого банка. От решения этих вопросов зависит не только развитие банка, но и развитие интернет-банкинга в целом. Продвижение, продажи, формирование лояльности к продукту онлайн имеет специфику, поэтому для банков важна обратная связь пользователей, ведение и продвижение в социальных сетях. Простой и понятный онлайн банк будет привлекать внимание клиентов, увеличит количество пользователей и может выступать также инструментом продвижения новых банковских продуктов в виде справочных сообщений или инструкций.

Таким образом, интернет-банкинг является перспективным направлением развития. Дистанционные банковские услуги удобны как для коммерческих банков, так и для пользователей. Однако доверие клиентов может снижаться из-за небезопасности таких услуг. Поэтому для банка важно обеспечивать интернет-безопасность программных продуктов и операций пользователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитический банковский журнал. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.abajour.ru/pr-expert/pr_08.php
2. Прохорова, А. Н. Интернет-банкинг: проблемы и перспективы развития в России / А. Н. Прохорова, Т. В. Шестакова // Известия Института систем управления СГЭУ. – 2019. – № 1(19). – С. 142-145.

УДК 336.6

АВТОМАТИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА

Голушко Е.В.¹, Саубарова Д.Б.²

*¹кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры финансов и бухгалтерского учёта,
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
E-mail: yesna2_81@mail.ru.*

*²студент 3 курса факультета экономики и управления
группы П-ЭКМ-б-о-182,
Пятигорский институт (филиал) СКФУ*

В современных условиях в обеспечении эффективного функционирования системы внутреннего контроля и аудита исключительно важное значение имеет внедрение процессного подхода с использованием автоматизированных систем и информационных технологий.

Ключевые слова: автоматизация, автоматизированная система, бизнес-процесс, внутренний аудит, программное обеспечение, система внутреннего контроля.

Внутренний аудит — это форма контроля деятельности организации изнутри. Процедура помогает руководству проверять финансовое состояние бизнеса и достоверность отчётности.

Проведение внутреннего аудита на предприятии регламентирует действующее законодательство. Но даже без предписаний результаты такого контроля представляют интерес для собственников бизнеса, помогают оценить будущие риски и направления развития компании. Аудит выполняет сразу несколько задач:

- контроль за различными сферами деятельности, которые, так или иначе, влияют на эффективность компании;
- выявление злоупотреблений и недочетов;
- предупреждение вероятных рисков.

Аналізу подвергаются и внутренние рабочие процессы такие, как, например, кадровая политика, и внешние процессы, как маркетинговая политика, имиджевые моменты, маржинальность бизнеса.

Порядок проведения внутреннего аудита на предприятии законодательно не определен. Процедуру регламентирует каждая компания на свое усмотрение локальными актами. Обязанность проведения внутреннего аудита закреплена в Федеральном законе «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 №402-ФЗ.»

Поскольку технологии автоматизации быстро развиваются, а ранние приверженцы демонстрируют свою эффективность, настало время понять и определить приоритеты возможностей роботизированной автоматизации процессов внутреннего аудита. И предпринять важные шаги по подготовке к продуманному, прогрессивному развертыванию. В этом и заключается актуальность данной статьи.

Спектр автоматизации, как мы его определяем, включает в себя широкий спектр цифровых технологий. Как показано ниже, на одном конце находятся прогностические модели и инструменты для интеграции и визуализации данных. На другом конце-передовые технологии с когнитивными элементами, имитирующими человеческое поведение.



Рис. 1 – Спектр автоматизации внутреннего контроля и аудита

Многие организации знакомы с первой частью спектра автоматизации, уже создав фундаментальные программы интеграции данных и аналитики для улучшения процессов оценки рисков, аудита. По мере того как эти организации прокладывают себе путь, некоторые из них начали применять RPA (форма технологии автоматизации бизнес-процессов) внутреннего аудита в сочетании с определенными инструментами CI (непрерывная интеграция), коллективно известными как RPA&CI, чтобы помочь повысить эффективность и результативность, расширить потенциал, повысить качество и обеспечить больший охват аудитом. Машинное обучение и искусственный интеллект (ИИ) находятся на дальнем конце этого диапазона, и все меньше организаций достигли такого уровня цифровой зрелости. Но эта ситуация быстро меняется.

Ожидается, что когнитивные технологии станут более распространенными в ближайшем будущем по мере того, как первые пользователи продемонстрируют свою способность повысить ценность функции внутреннего аудита.

Есть множество способов использования возможностей автоматизации, включая оценку рисков, планирование аудита и многое другое. Они представлены ниже:

- Оценка рисков;
- Планирование аудита;
- Оценка эффективности прогнозирования;
- Отчетность;
- Постоянный мониторинг.

На пути к автоматизации процессов аудита организациям необходимо предпринять три ключевых шага.

Сперва нужно четко определить стратегию автоматизации. В качестве первого шага руководители должны проанализировать текущее состояние организации, чтобы понять, где и как могут быть внедрены технологии автоматизации внутреннего аудита, и определить причины этого. Видение и стратегия автоматизации организации могут охватывать одно направление или же всю сферу деятельности.

Дальше нужно создать базовую инфраструктуру для расширения возможностей автоматизации. Это необходимо для эффективного внедрения, постоянному техническому обслуживанию и снижению рисков. Важно, чтобы операционная и управленческая структура не создавалась в вакууме и соответствовали стандартам и учетной политики организации.

И третий шаг – это разработка целевой операционной модели для поддержания автоматизации в дальнейшем.

Таким образом, можно сказать, что на протяжении долгого времени обремененные ручными процессами и утомительными задачами, сотрудники аудиторских организаций теперь могут передать большую часть "тяжелой работы" цифровым сотрудникам, которые не возражают против долгих часов работы, которые редко совершают ошибки при правильном управлении. Это потенциально может повысить эффективность, результативность и качество на протяжении всей деятельности организации, тем самым создавая большую ценность для бизнеса и лучше используя самый ценный ресурс из всех – интеллектуальный, высококвалифицированный человеческий талант.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон "О бухгалтерском учете" от 06.12.2011 N 402-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/
2. Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 30.12.2020) "Об организации страхового дела в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/fe94f3775b9625f080b5d9c4a12009a55af9c006/

3. Резниченко, С. М. Современные системы внутреннего контроля : учеб. пособие / С. М. Резниченко, М. Ф. Сафонова, О. И. Швырёва. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 439 с

4. Внедрение роботизированной автоматизации процессов во внутреннем аудите [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/risk/articles/internal-audit-robotic-process-automation-adoption.html>

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РЕГУЛИРУЮЩИЕ СФЕРУ ИНСТИТУТА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

Дусенко М.Е.

*магистр 2 курса
Пятигорский институт (филиал) СКФУ*

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования отношений в сфере института опеки и попечительства, а также проведён правовой анализ теории и практики проблем установления опеки и попечительства.

Ключевые слова: *нормативно-правовые акты, институт опеки и попечительства, приёмные дети, приёмные родители.*

Согласно пунктов «е», «ж», «к» части 1 статьи 72 Конституции РФ опека и попечительство являются вопросами совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и регулируются, в соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ [1].

На сегодняшний день правовую основу деятельности по опеке и попечительству составляет ряд федеральных законодательных и подзаконных актов, регламентирующих данную сферу общественных отношений, такие как: Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Федеральный закон от 24.06.1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 21.12.1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 16.04.2001 года № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», Постановление Правительства РФ от 17.11.2010 года № 927 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан» и так далее.

В целях повышения социальной защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также недееспособных или не полностью дееспособных граждан 24 апреля 2008 года Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», в силу вступил с 1 сентября 2008 года.

В литературе высказываются две точки зрения, одна из которых заключается в том, что «закрепление норм об опеке и попечительстве в отдельном Федеральном законе не вполне целесообразно на фоне работы по кодификации федерального законодательства и перспективы создания свода законов». В подтверждении данной точки зрения необходимо

отметить, что имеющиеся в данном Федеральном законе нормы семейного права фактически «вытащены» из предмета ведения Семейного кодекса РФ, что делает законодательство об опеке и попечительстве неоправданно расчлененным на автономные источники права и по этой причине менее обозримым. Законодателю, с целью сохранения теоретически обоснованной правовой наукой тенденции к сокращению количества нормативных правовых актов в системе законодательства и обеспечению кодифицированного правового материала было необходимо, не принимать отдельный Федеральный закон об опеке и попечительстве, а включить соответствующие нормы права в гл. 20 Семейного кодекса РФ «Опека и попечительство над детьми» и в гл. 3 части 1 Гражданского кодекса РФ «Граждане (физические лица)». Закрепление же норм об опеке и попечительстве в отдельном Федеральном законе привело к необоснованному увеличению нормативного материала за счет дублирования текстов федеральных законов в Федеральном законе «Об опеке и попечительстве» [8].

Выделение нормативного регулирования института опеки и попечительства в отдельный Федеральный закон имеет и другие недостатки, одним из которых является неполнота нового специального Федерального закона, который, закрепляя правовой статус опекуна и попечителя, ничего не говорит о комплексе прав опекаемых и подопечных лиц. Наличие подобного правового пробела красноречиво свидетельствует о том, что законодателю не было необходимости принимать самостоятельный нормативный правовой акт по вопросам опеки и попечительства, если он считает достаточным закрепление правового статуса основных субъектов регламентируемых таким законом правоотношений в другом нормативном правовом акте [7].

Согласно Письма Минобрнауки России от 25 июня 2007 г. № АФ-226/06 «Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних» законы субъекта Российской Федерации, нормативные правовые акты органов государственной власти субъекта Российской Федерации, регулирующие вопросы организации и осуществления деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних, должны предусматривать:

- определение круга вопросов, относящихся к компетенции органов опеки и попечительства;
- установление категорий несовершеннолетних, в отношении которых органы опеки и попечительства правомочны осуществлять профилактическую работу, принимать решения по защите их прав и законных интересов;
- нормативы организации структуры органа опеки и попечительства, включая установление норматива численности работников органа опеки и попечительства, непосредственно осуществляющих деятельность по защите прав детей;
- порядок организации деятельности органов опеки и попечительства на региональном и муниципальном уровнях;
- порядок взаимодействия органов и учреждений различной ведомственной принадлежности в организации работы по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних.

Многие регионы развивают, на основе федерального законодательства, свою нормативно-правовую базу организации деятельности по опеке и попечительству. В частности, в соответствии с нормой п.1 ст. 123 Семейного кодекса РФ, предоставлявшей субъектам РФ право предусматривать, помимо усыновления (удочерения), опеки (попечительства) и приёмной семьи, иные формы устройства (эта норма утратила силу с 1 сентября 2008 года). В субъектах РФ действуют также нормативные акты, регулирующие вопросы организации и деятельности органов опеки и попечительства. Регионы определяют на своем уровне различные меры поддержки приемных семей. Вместе с тем, в настоящее время нормативно-правовая база деятельности по семейному устройству детей-сирот и

детей, оставшихся без попечения родителей, находится в процессе активного реформирования [6,7].

Помещения подопечного ребенка (приёмного ребенка, обучающегося) на полное государственное обеспечение в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или аналогичные организации и организации для детей, а также в учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы [5].

В пользу принятого Федерального закона «Об опеке и попечительстве» могут быть приведены следующие аргументы. Во-первых, Федеральный закон сосредоточил в себе принципы правового регулирования отношений в области опеки и попечительства, которые в настоящий период нигде четко не закреплены и даже скорее находятся между строк законодательного материала. Во-вторых, на уровне закона закреплены положения о распоряжении имуществом подопечных, о той роли, которую в этом играют органы опеки и попечительства, а также ответственность опекунов и попечителей за вред, причиненный личности или имуществу подопечного, также наиболее полным образом урегулирован порядок деятельности органов опеки и попечительства в данной сфере, что не удалось бы в настоящее время осуществить при помощи только норм ГК РФ. В соответствии с ФЗ «Об опеке и попечительстве» принято Постановление Правительства РФ от 17.11.2010 года № 927 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан», в котором наиболее подробно урегулированы обязанности органов опеки и попечительства по выявлению и устройству под опеку или попечительство (если это необходимо и возможно) нуждающихся в попечении совершеннолетних лиц. В-третьих, обозначена эффективность опеки и попечительства за счет внедрения различных –моделей, видов опеки – от абсолютно безвозмездной до опеки, осуществляемой на возмездных условиях [8].

Практика применения положений Гражданского и Семейного кодексов РФ показывает, что в правоприменительной деятельности возникает целый ряд проблем и затруднений (по вопросам назначения опекунов и попечителей, выдачи разрешений на отчуждение жилых помещений, привлечения опекунов и попечителей к ответственности и многим другим вопросам). Их разрешение связано с осуществлением субъективных гражданских прав подопечных (права собственности, права на выбор места жительства и пр.). Из признаков опеки или попечительства как форм устройства со всей очевидностью вытекает необходимость всеобъемлющего правового регулирования отношений, возникающих в связи с установлением опеки или попечительства. В этом институте присутствуют не только нормы о правах и обязанностях опекунов, но и нормы о правах, обязанностях и ответственности органа опеки и попечительства. Рассредоточение этих норм в разных актах не исключено, однако потребность института опеки и попечительства состояла в том, чтобы охватить их содержание общими для всего института принципами. С этой целью фиксация норм в специальном Федеральном законе «Об опеке и попечительстве» отражена. Действующий Федеральный закон «Об опеке и попечительстве», помимо принципов, содержит и основные нормы, непосредственно регулирующие отношения, входящие в предмет институт [4].

Иными словами, институту опеки и попечительства требовалась общая часть, отвечающая требованиям времени и задачам охраны интересов недееспособных или не полностью дееспособных лиц. Аргументом в пользу принятого федерального закона служит и состояние практики действия регионального законодательства. Субъекты РФ, как уже отмечалось, устраняют пробелы в федеральном правовом поле с помощью своих актов. Часть таких законов не вызывает возражений – они носят название «Об организации работы (деятельности) органов опеки и попечительства» и регулируют именно организацию деятельности таких органов. Однако встречаются и акты, устанавливающие те или иные субъективные гражданские права и обязанности опекунов и попечителей, подопечных лиц

или определяющие порядок их осуществления, что категорически недопустимо по обозначенной причине: данные отношения подлежат регулированию только с помощью норм гражданского законодательства, а следовательно, только с помощью федеральных актов [8].

Таким образом, за последнее время институт опеки и попечительства претерпел значительные изменения благодаря принятию Федерального закона «Об опеке и попечительстве», в котором сформулированы принципы государственного регулирования в этой области, определены права и обязанности органов опеки и попечительства, правовой статус опекунов и попечителей, упорядочены процедуры установления и прекращения опеки и попечительства. Основные вопросы опеки и попечительства заслуживают именно законодательного, а не подзаконного урегулирования. Это утверждение следует из особой роли института опеки и попечительства в обеспечении субъективных гражданских прав личности. Подзаконный акт, исходящий от органов исполнительной власти, может регулировать лишь некоторые отдельные отношения. В этой связи правовые нормы, регулирующие такие отношения, в соответствии со ст. 71 Конституции РФ не могут быть закреплены в законодательстве субъектов РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета 21.01.2009 г. №7.
2. Федерального закона «Об опеке и попечительстве»: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». – 28.04. 2008, № 17. - Ст. 1755.
3. Козлов С.С., Митчина Л.А. Формы и методы устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Семейное и жилищное право. 2011..
4. Алексеева С.С. Гражданское право России. – М.: 2011. — 536 с
5. Нечаева А.М. Семейно-правовой статус опекуна (попечителя) над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013.
6. Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: Теория и практика. / под ред. д. ю. н. проф. Мананковой Р. П. – М.: Волтерс Клувер, 2004
7. Дусенко М.Е., Мещерякова А.В., Бондаренко С.И. Концепции и модели устойчивого инновационного развития общества сборник статей Международной научно-практической конференции. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС» (Уфа), 2020
8. Дусенко М.Е., Харина Л.В., Перепёлкина Н.А. Исторические особенности сиротства в России: сиротство как социальный феномен Живая психология. 2018. Т. 5. № 1 (17). С. 55-62.
9. Информационно-правовой портал «Гарант» <http://www.garant.ru/>
10. Юридическая Энциклопедия <http://www.bibliotekar.ru/>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Карапетян Э.В.

*Аспирант кафедры истории России
Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: elina020688@mail.ru*

В данной статье рассматривается уровень жизни населения Ставрополя и Кубани накануне Великой Отечественной войны, характеристики процессов превращения Ставрополя и Краснодарского края в годы предвоенных пятилеток с развитой народнохозяйственной инфраструктурой, разветвленной сетью транспортно-энергетических коммуникаций и комплексов промышленных предприятий.

Ключевые слова: *налогообложение, колхоз, Великая Отечественная война, Ставропольский край, Краснодарский край, экономика Ставропольского края, экономика Краснодарского края.*

Рассмотрение проблемы обеспечения жизнедеятельности населения в контексте реальных исторических событий и в условиях конкретных территорий само собой исключает возможность опоры на политическую конъюнктуру, оно способствует представлению жизни людей в годы Великой Отечественной войны такой, какой она была на самом деле, без преувеличения трудностей и без умаления их стойкости и выдержки. Задача исследователей видится также в том, чтобы уйти от стандартов, клише и устойчивых схем и традиций в рассмотрении событий войны. При этом, однако, практически невозможно избежать соединения военной повседневности с теми сферами жизни страны и регионов, от которых завесило ее качество и содержание. В первую очередь, имеется в виду социально-экономическая основа жизнедеятельности людей, которая была заложена в предвоенный период и создала определенные условия для адаптации населения отдельных территорий к лишениям и невзгодам войны. Поэтому считаем необходимым дать краткую характеристику процессу превращения Ставрополя и Краснодарского края в годы предвоенных пятилеток в регионы с развитой народнохозяйственной инфраструктурой, разветвленной сетью транспортно-энергетических коммуникаций.

Если брать во внимание современные Ставропольский и Краснодарский края как неотъемлемую часть Северо-Кавказского экономического района, то они представляют собой высокоразвитые аграрно-индустриальные регионы с достаточно устойчивым уровнем социального самочувствия населения. В народно-хозяйственном комплексе Ставрополя и Кубани традиционно доминировало сельское хозяйство, сегодня на их территории несколько тысяч хозяйств с различными формами собственности занимаются производством товарной аграрной продукции: зерна, овощей, фруктов, мяса, молока, птицы и т.д. За последние десять лет совокупный объем производства динамично возрос, причем, одновременно во всех отраслях аграрного сектора. Три года подряд на полях Ставрополя и Кубани собираются рекордные урожаи зерновых культур, среди которых более 80% составляет продовольственное зерно, поступающее не только на внутренние, но и на зарубежные рынки. Значительные успехи достигнуты в области животноводства,

особенно в разведении тонкорунных овец и крупного рогатого скота. Сегодня уровень рентабельности ставропольских и краснодарских хозяйств на 10-15% выше соответствующего среднестатистического показателя по России.

Кроме того, на Ставрополье и в Краснодарском крае успешно функционирует целый комплекс промышленных предприятий. Многие из них традиционно связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции. Наряду с ними, в городах обоих краев работают машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, электротехнические и химические комбинаты, предприятия по добыче и переработки нефти и газа, производству строительных материалов. На территории Ставрополья и Краснодарского края создана разветвленная сеть нефте- и газопроводов, в том числе потребительского и промышленного типа, высокотехнологичная энергетическая и транспортная инфраструктура. Планами социально-экономического развития регионов до 2020 года предусмотрена реализация нескольких крупных инвестиционных проектов, таких как «IRRICO» в Ипатовском районе, многофункциональный комплекс «Минводы ЭКСПО» в Минераловодском районе. В регионе Кавказских Минеральных Вод в соответствии с Федеральной программой «Юг России» создается многопрофильный медицинский кластер. Кроме основной части, эта программа предусматривает строительство объектов социального назначения (школ, детских садов, больниц), капитальную реконструкцию транспортных коммуникаций и систем жизнеобеспечения населения. Высокую инвестиционную привлекательность основных видов экономического развития Краснодарского края также обеспечивает его мультиресурсный потенциал. Нет сомнений в том, что все планируемые мероприятия повысят жизненный уровень местного населения, создадут комфортные условия для работы, досуга и быта в городах и сельской местности.

Однако Ставрополье и Краснодарский край не всегда являлись благополучными регионами как в области решения социальных задач, так и с точки зрения благополучного жизнеобеспечения населения. До конца 1936 года они входили в состав Северо-Кавказского края на правах округов. После выхода из его состава автономий горских народов край сохранил свое название, а его столица была переведена из Пятигорска в Ворошиловск (ныне Ставрополь), однако, уже в марте 1937 года, в связи со смертью С. Орджоникидзе, Северо-Кавказский край был назван его именем. В составе края остались Карачаевская и Черкесская автономные области. Других административно-территориальных изменений вплоть до начала Великой Отечественной войны на его территории не проводилось. Забегая вперед, отметим сразу, что Ставропольским край стал называться с января 1943 года, сразу же после освобождения от фашистской оккупации. Краснодарский край также появился в 1937 году в результате разделения Азово-Черноморского края.

В течение 1930-х годов на Ставрополье и Кубани был создан достаточно мощный аграрно-промышленный потенциал, в результате чего регионы заняли достойное место среди субъектов Российской Федерации. До этого времени они существенно уступали в своем развитии соседним территориям в основном по причине слабого развития индустриального сектора. Что касается сельского хозяйства, то эта отрасль обеспечивала работой свыше 80% населения. Краевые аграрные секторы были представлены полеводством, животноводством, овощеводством, садоводством, т.е. основными отраслями аграрного производства. Кроме того, в отдельных хозяйствах культивировался хлопок и другие технические культуры, получило распространение шелководство. После начала войны эти направления приобрели стратегическое значение.

Социально-экономические перемены, которые происходили на Ставрополье и Кубани накануне Великой Отечественной войны, лишь ускорили ломку стандартов, смену традиций, норм социального и бытового поведения. Возьмем, к примеру, упомянутую выше станицу Невинномысскую, преобразованную в город по указу властей, но по оценкам внутреннего мира его жителей оставшуюся в плоскости сельских стереотипов. Еще во время коллективизации в этой станице было создано сразу несколько коллективных хозяйств,

которые в начале 1930-х годов были объединены в один большой колхоз с соответствующим названием – «Гигант». Он просуществовал недолго и вновь был разукрупнен на пять мелких колхозов. Для их обслуживания была организована МТС, располагавшая достаточно солидным парком сельскохозяйственной техники.

По мнению ряда исследователей, во второй половине 1930-х годов в советском государстве произошла не просто трансформация самого понятия «крестьянин», оно лишилось социальной и генетической основы, а на его место пришло понятие «колхозник». Разница между ними в том, что крестьянин, по своей исторической сущности, является одновременно и собственником, и организатором производства в кругу своей семьи, и производителем. Его социальный статус позволял ему вступать в отношения с другими производителями в рамках общины, государством и властью, брать на себя ответственность и определенные обязательства в пределах своих возможностей и компетенции.

Для Ставрополья эта трансформация крестьянского мира имела масштабные последствия, поскольку социальная структура региона и в более ранние периоды российской истории существенно отличалась от соседних казачьих территорий Кубани, Дона и Терека преобладанием крестьянского компонента. Кроме того, местное сельское население традиционно считалось зажиточным, что, естественно, наложило свой отпечаток на его ментальность и психологию. Возможно, в этой связи ставропольское крестьянство нельзя назвать бунтарским. Внутренний мир деревни постоянно отличался, если не гармоничной атмосферой, то достаточно терпимым отношением сельчан друг к другу и реформаторским новациям властей. В этом смысле вполне логично предположить, что организация сельского общежития на Ставрополье не всегда и не во всем следовала примеру города, она опиралась чаще всего на свой собственный опыт. Из этого следует, что влияние сельской повседневности на городскую жизнь в крае было более сильным и ощутимым, чем влияние города на село.

К началу 1940-х годов колхоз стал не просто структурной единицей народнохозяйственного комплекса, он воплощал в себе и общественного производителя аграрной продукции, и гаранта социального и материального обеспечения своих работников. К этому времени не все сельские жители являлись колхозниками, а только те, кто работал непосредственно на общественных предприятиях и в колхозных коллективах: звеньях, бригадах, фермах. Даже в одном крестьянском дворе были колхозники и не колхозники. Начиная с 1936 года, количество колхозных дворов динамично сокращалось и не только по причине миграции сельского населения. Некоторые колхозники переходили на работу в совхозы или МТС, не меняя места жительства. К началу 1940-х годов удельный вес колхозников в структуре сельского населения составлял примерно 60%.

Положение дел в данном вопросе усугублялось тем обстоятельством, что членство в колхозе было индивидуальным, а государственные поставки продовольствия планировались с учетом численности крестьянских дворов. К тому же во многих районах сельской местности по традиции, оставшейся в наследство от общинного хозяйствования, правом голоса обладал глава семьи, независимо от того, являлся он членом колхоза или нет]. Так получалось потому, что Устав сельхозартели официально закрепил за крестьянским двором статус хозяйственной единицы, но только в том случае, если в нем имелся хотя бы один работник колхоза. В реальности это положение было достаточно сложно выполнять, поэтому правления колхозов трактовали его по-своему для облегчения выполнения плановых заданий государства. Сельское население такая постановка вопроса не смущала, так как за участие в государственных поставках всему крестьянскому двору полагались налоговые послабления.

На первый взгляд, установившийся к началу 1940-х годов порядок членства в колхозах и связанные с ним нормы жизнедеятельности сельских жителей, имеют экономическое значение. В то же время они показывают, что внутренний мир крестьян остался верен вековым традициям хозяйствования, что непременно отразилось на

обустройстве повседневной жизни, нормах общения с окружением, взглядах на политические и иные события. Прежде всего, речь идет о подтверждении наличия у российских крестьян прагматического отношения ко всему, что они делают, с чем соглашаются и чего не приемлют. Кроме того, эти же примеры наглядно демонстрируют сохранение целостности крестьянского мира независимо от статуса его представителей, рода их занятий и т.п. В силу этого в сельской среде особенно отчетливо чувствовались самые гуманные общинные традиции, готовность к поддержке и оказанию помощи нуждающимся, склонность к реальной оценке своего предназначения, к поиску компромиссов в отношениях со всеми членами сельского сообщества и властью.

Создается такое впечатление, что власти, зная о сложностях сельской жизни, преднамеренно разработали для колхозников противоречивое законодательство, которое позволяло им находить выходы из различных ситуаций. Правда, с этой точкой зрения практически не стыкуются многочисленные повинности, наложенные на сельских жителей, в том числе и на колхозников, жесткие условия выполнения государственных поставок и многие другие обязанности сельчан. Не согласуются с этим мнением и примеры работы в довоенных колхозах людей пенсионного возраста, которые тем самым самообеспечивали себя, зарабатывая трудодни.

Как бы там ни было, но в рассматриваемые годы членство в колхозе приобрело социальную значимость и даже многие индивидуальные производители решались на вступление в коллективные хозяйства, добровольно отказываясь от самостоятельности. Проблема не в выгоде и не в поисках легкой жизни, а в отсутствии государственной поддержки, потере конкурентоспособности с возраставшей мощностью колхозов. Это означало, что к началу 1940-х годов в советском государстве окончательно решился вопрос о частном производстве аграрной продукции, фактически оно прекратило существование. По крайней мере, со стороны государства это было честно, перед войной частники не подвергались политическим репрессиям, они были изжиты с помощью экономических средств и механизмов, заложенных в нормативно-правовые акты.

Одновременно повысилась дисциплина труда колхозников, для которых потеря работы означала лишение средств на существование. Правда, эта мера практически не использовалась, но не по причине лояльности к нарушителям и прогульщикам, а из-за сложностей правовой процедуры исключения из членов колхоза. Общее собрание колхозников, наделенное таким правом, могло принять соответствующее решение, но ни коллектив, ни правление не имели прав на лишение провинившегося колхозника доли в колхозной собственности. К тому же опять-таки действовали неписанные законы крестьянской солидарности, поддержки и взаимопомощи. Единственным исключением еще со времен крестьянской общины являлось нетерпимое отношение к тем членам сельского сообщества, которые игнорировали обязательные для всех общественные мероприятия, в том числе участие в работах по благоустройству населенных пунктов, ликвидации аварийных ситуаций и последствий стихийных бедствий, в формировании фондов взаимопомощи и т.п. Это лишний раз свидетельствует о том, что сельская среда в своей повседневной жизнедеятельности не только чтит традиции предков, но и бережно их сохраняла в качестве одного из своих идентифицирующих признаков.

Сельская жизнь на Ставрополье и в Краснодарском крае в рассматриваемый период могла быть более привлекательной, если бы не установленные государством нормы налогообложения, которые применялись ко всем сельским жителям независимо от членства в колхозе. Во второй половине 1930-х годов практически ежегодно появлялись новые виды налогов, которые даже при хороших заработках заставляли экономить на повседневном благополучии. Как и раньше сельское сообщество на свои средства решало социальные проблемы, создавало культурно-просветительскую и образовательную инфраструктуру, при этом обязывалось содержать в исправности сельские и окрестные транспортные и коммунальные коммуникации. Известный советский экономист, член-корреспондент

Академии наук СССР В.П. Дьяченко подсчитал, что в 1930-е годы налогообложение крестьян увеличилось почти в пять раз по сравнению с началом десятилетия.

На Ставрополье, также как и на Кубани, в этот период проблемной областью являлось животноводство, продуктивность которого находилась на уровне начала коллективизации. Да и в целом ряде зерновых хозяйств отсутствие экономической самостоятельности фактически лишало сельских тружеников заслуженного благополучия, поскольку оплата их труда осуществлялась по остаточному принципу. Выплаты колхозникам производились в последнюю очередь, после того как выполнялись планы государственных поставок, производился расчет с машинно-тракторными и техническими станциями и другими аграрными структурами.

Не секрет, что повседневное благополучие населения во многом зависит от уровня доходов. В исследуемый период этот показатель не был постоянным, он регулярно корректировался в связи с изменениями стоимости сельскохозяйственных работ. Главным образом это относилось к полеводческим бригадам, которые занимались неквалифицированным трудом, и в которых числилось большинство колхозников. Более или менее стабильные заработки получали специалисты узкого профиля, для которых были установлены твердые ставки. Это механизаторы, агрономы, мелиораторы, ветеринары и т.д. Их численность в каждом хозяйстве была ограниченной, поэтому особых сложностей с выплатами зарплат не возникало. Практически не было и задержек, поскольку, в противном случае, руководство колхозов рисковало потерять ценные технические кадры, которые в то время были востребованы не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. В этой связи механизаторам, кроме основной платы, иногда устанавливались дополнительные оклады, которые выплачивались из общественных фондов. С помощью этих мер удавалось сдерживать отток специалистов из сельской местности, но при этом снижался уровень материального обеспечения других колхозников. В межсезонье они вынуждены были подрабатывать ремеслом или по найму. Это запрещалось Уставом сельхозартели, но допускалось руководством хозяйств, чтобы не усугублять и без того сложную финансовую ситуацию. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что продекларированная властью забота о материальном благополучии рабочих и колхозников легла на их же плечи, а само благополучие отчасти было поставлено в зависимость от случайных заработков.

Сложившиеся в советском государстве аграрные отношения, не учитывали накопленного веками опыта организации жизнедеятельности сельского сообщества, но в то же время оставляли нишу для его проявления в быту и повседневной жизни. Адаптации в новых условиях способствовала коллективная форма труда и сохранившиеся в социальной памяти крестьян традиции взаимопомощи и взаимовыручки на бытовом уровне. Благодаря этому, на Ставрополье и Кубани существенно изменился облик сельского мира, его внутреннее состояние и внешние характеристики. Они выразились в изменении образа жизни и поведения сельских жителей, в трансформации их повседневной жизнедеятельности. В результате интеграционных процессов этнокультурного характера, усиления тенденций взаимодействия и взаимовлияния между городом и селом в рассматриваемых регионах выработался специфический тип межличностных отношений, восприятия окружения, своеобразный сельско-городской менталитет местного населения, который до сих пор позволяет поддерживать высокий уровень взаимопонимания между людьми. Этот фактор во многом определял состояние и перспективы развития системы жизнеобеспечения на их территориях, поддерживал ее содержание, не допуская резкий падений и непредсказуемых перемен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев, Е.М., Дарский, Л.Е., Харькова, Т.Л. История населения СССР. 1920-1959 гг. [Текст]: экспресс-информация / Е.М. Андреев [и др.]. – М.: Госкомстат СССР, 1990. – 200 с.
2. Андреевский, Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху: 30-40-е гг. [Текст] / Г.В. Андреевский. – М.: Молодая гвардия, 2003 – 463 с.
3. Андриенко, М.В. К вопросу о характере поведенческих мотивов населения Ставрополя в годы Великой Отечественной войны [Текст] / М.В. Андриенко // Российская история: актуальные вопросы: общенациональные и региональные аспекты: ученые записки / редкол.: А.П. Горбунов и др. Вып. 2. – Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – С. 242-247. – 270 с.
4. Анিকেев, А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны [Текст] / А.А. Анিকেев. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1999. – 208 с.
5. Анিকেев, А.А. Мир и структура повседневности [Текст] / А.А. Анিকেев // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения: сб. материалов межрегион. науч. семинара. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. — С. 5-9.
6. Анисков, В.Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне [Текст]: историографический очерк / В.Т. Анисков. – М.: Мель, 1979. – 151 с.
7. Анисков, В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945.: история и психология подвига [Текст] / В.Т. Анисков. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с.
8. Беликов, Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943 [Текст] / Г.А. Беликов. – Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. – 151 с.
9. Бочкарева, З.В. Попытки создания социальной опоры оккупационными властями нацистской Германии на Северном Кавказе [Текст] / З.В. Бочкарева // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Часть 2. – Ставрополь: СГУ, 1998. – С. 110-117.
10. Бондарев, В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) [Текст] / В.А. Бондарев – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с.
11. Бочкарева, З.В. Проблемы вынужденной и добровольной эмиграции в годы Великой Отечественной войны [Текст] / З.В. Бочкарева // Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев на Северном Кавказе: материалы международной научно-практической конференции. Ставрополь, 5 декабря 2003 г. – Ставрополь: СГУ, 2003. – С. 77-86.
12. Бутенко, И.Б. Социальное познание и мир повседневности: горизонты и тупики феноменологической социологии [Текст] / И.Б. Бутенко. – М.: Наука, 1987.
13. Бутов, А.С. Трудовой подвиг сельской молодежи Ставрополя в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А.С. Бутов // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: материала науч. конф. – Ставрополь: СГУ, 1995. – 342 с.
14. В суровые годы войны: воины-ставропольцы, трудящиеся края на защите Родины в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. [Текст] / ред. кол.: Д.В. Кочура [и др.]. – Ставрополь: СГПИ, 1978. – 352 с.
15. Великая Отечественная Война 1941-1945: события, люди, документы [Текст]: краткий исторический справочник / В.И. Андрианов [и др.]. – М.: Политиздат, 1990. – 463 с.
16. Вербицкая, О.М. Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы 1946-1950 [Текст] / О.М. Вербицкая // История СССР. – 1980. - № 5. – С. 115-130.
17. Во имя жизни: о подвигах ставропольцев на фронте и в тылу Великой Отечественной войны [Текст]: сборник. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1987. – 319 с.

18. Волков, И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы [Текст] / И.М. Волков. – М.: Мысль, 1972. – 293 с.
19. Волков, И.М. Засуха, голод 1946-1947 годов [Текст] / И.М. Волков // История СССР. – 1991. - № 4. – С. 3-9.
20. Все для фронта, все для победы [Текст] // Ставропольское село в людях, цифрах и фактах / сост. А.В. Горбачев, В.Г. Хворостьянов; под общ. ред. И.М. Зубенко. – Ставрополь: Книжное изд-во, 2003. – С. 86-106. – 245 с.
21. Вылцан, М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны [Текст]: 1938-1941 гг. / М.А. Вылцан. – М.: Политиздат, 1970. – 200 с.
22. Вылцан, М.А. Трудный хлеб Победы. Советская деревня в годы Великой Отечественной войны [Текст] / М.А. Вылцан // Сельская новь. – 1988. – № 5. – С. 6-8.
23. Галкин, Н.П. Окрыленные подвигом [Текст] / Н.П. Галкин. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1992. – 128 с.
24. Гнеушев, В.Г., Попутько, А.Л. Партизанский заслон [Текст] / В.Г. Гнеушев, А.Л. Попутько. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1985. – 254 с.
25. Деборин, Г.А., Тельпуховский, Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны [Текст] / Г.А. Деборин, Б.С. Тельпуховский; 2-е изд., дораб. – М.: Мысль, 1975. – 439 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА ИСПАНИИ ЧЕРЕЗ ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ РЕГИОНА

Карданова М.Л.

*старший преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела
Пятигорского института (филиал) СКФУ (Пятигорск)
E-mail: mkardanova@yahoo.com*

В статье автор рассматривает двустороннее сотрудничество Испании со странами региона как реализацию латиноамериканского внешнеполитического вектора.

Ключевые слова: *Латинская Америка, внешняя политика, государства региона.*

В Латинской Америке политика Испании реализуется через двусторонние контакты на высшем и высоком уровне, инициативы политической, экономической, социально-культурной направленности. Для усиления своего влияния Испания применяет все существующие в современном мире формы дипломатии, действуя через развитую систему учреждений, и добивается значимых результатов.

На политико-дипломатическом уровне Испания развивает отношения с латиноамериканскими странами через деятельность своих дипломатических миссий в них (к 2018 г. было открыто в общей сложности 21 испанское посольство и 15 консульств в регионе), а также при помощи регулярных визитов высших должностных лиц, консультаций на уровне министерств и ведомств, проведение конференций, саммитов, двусторонних переговоров по всем вопросам сотрудничества. Традиционно политика Испании в Латинской Америке напрямую зависит от того, кто стоит во главе правительства страны. В рассматриваемый период с начала XXI в. по 2018 г. премьер-министрами Испании были три политика: лидер Народной партии Хосе Мария Аснар (5 мая 1996 г. – 17 апреля 2004 г.), представитель Испанской социалистической рабочей партии Хосе Луис Родриго Сапатеро (14 марта 2004 г. – 21 декабря 2011 г.) и сменивший Х.М. Аснара на посту лидера Народной партии Испании Мариано Рахой (с 21 декабря 2011 г. – 1 июня 2018 г.).

Латиноамериканский вектор при Х.М. Аснаре не был ведущим внешнеполитическим направлением Испании, поскольку его правительство делало основную ставку на отношения с США и принимало активное участие в деятельности Североатлантического альянса. С приходом к власти Х.М. Аснара был провозглашен курс на персонализацию испанской внешней политики – Х.М. Аснар взял на себя ее руководство и каждые несколько месяцев лично совершал поездки в регион для установления прямых контактов. Тем не менее, при нем количество упоминаний Латинской Америки в публичном дискурсе стало резко сокращаться, а двусторонние политические отношения с государствами региона постепенно отошли на второй план, уступив место торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству с ними¹. В целом, для латиноамериканской политики Испании периода Х.М. Аснара в наибольшей степени были характерны следующие черты:

–качественный и заметный рост объема испанских инвестиций, сопровождающий продвижение испанских транснациональных корпораций и одновременно провоцирующий ухудшение испанского имиджа (в связи с подозрениями и обвинениями Испании в т.н. «новом империализме»);

–попытки Х.М. Аснара вписать Иберо-Америку в общую концепцию атлантизма, который, по его убеждению, не должен был ограничиваться лишь партнерством с Соединенными Штатами. На этой основе сформировалась идея «триангуляции с США», т.е. признания необходимости улучшения отношений между США и странами Латинской Америки с тем, чтобы и политика Испании в регионе стала более эффективной, а также необходимости регулярного согласования позиций Испании и США по внутривнутриполитической повестке региона;

–выдвижение антитеррористической борьбы в качестве одного из внешнеполитических приоритетов – диалог со всеми странами Латинской Америки по поводу выдачи террористов, виновных в совершении преступлений на территории Испании и поддерживающих испанскую группировку ЭТА;

–улучшение за счет координации с США двусторонних отношений с Колумбией (Испания поддержала американский план силового решения внутреннего конфликта, приняла решение о поставках военной техники Колумбии и открыто поддержала действующего президента Альваро Урибе), с Сальвадором, Гондурасом и Доминиканской Республикой (при участии военных из этих трех стран, США и Испании была создана объединенная военная бригада «Плюс Ультра» в Ираке) и при одновременном их ухудшении с Аргентиной, Чили, Кубой, Мексикой и Венесуэлой вследствие политико-идеологических разногласий и начавшегося в них «левого поворота», а также подозрений руководства этих стран в чрезмерном вмешательстве Испании в их внутренние дела и поддержке оппозиционных групп;

–кризис в отношениях с Кубой, регулярные обвинения лидера Кубы Фиделя Кастро в нарушении прав человека и арестах политических деятелей, которые в итоге привели к принятию Европейским союзом пакета санкций в отношении Кубы, в чём существенную роль сыграла именно Испания;

–улучшение делового климата и увеличение торгового оборота между Испанией и Бразилией вплоть до подписания в октябре 2003 г. договора о стратегическом партнерстве между двумя странами;

–проведение по инициативе Х.М. Аснара саммитов ЕС – Латинская Америка в Бразилии и Испании, что позволило подписать торговое соглашение между ЕС и Чили,

¹ Arenal C. Política Exterior de España y Relaciones con América Latina. Iberoamericanidad, Europeización y Atlantismo en la Política Exterior Española / C. Arenal. – Madrid: Fundación Carolina, 2011. – 590 p.

запустить переговоры по созданию зоны свободной торговли ЕС со странами Центральной Америки и Андским сообществом наций.

целом, что создает возможности для кооперации между китайскими и испанскими компаниями государственного и частного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мосейкин Ю.Н. Международный финансовый капитал и экономическая политика государств Латинской Америки в условиях глобализации: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.14. – М., 2011. – 423 с.

2. Голев Н.Б. Нефтяной фактор во внешней политике стран Латинской Америки на рубеже XX – XXI вв.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – М., 2006. – 174 с.

3. Атаев М.Р. Латинская Америка в фокусе интересов ведущих мировых держав // Власть. – 2012. – №4. – С. 180-182.

4. Анিকেева Н.Е. Основные направления внешней политики Испании: дисс. ... д-ра истор. наук: 07.00.03. – М., 2009. – 403 с.

5. Foreign Policy // La Moncloa. Spain/Spain Today 2015, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lamoncloa.gob.es/lang/en/espana/spaintoday2015/foreignpolicy/Paginas/index.aspx>

6. Wang S. A Familial Relation? Spain and Latin America in the 21st Century // Council on Hemispheric Affairs, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coha.org/a-familial-relation-spain-and-latin-america-in-the-21st-century/> (Дата обращения: 25.04.2018)

7. Chavez Llega a España Para «hablar Desde Posiciones Alejadas Del Colonialismo» // El mundo.es | España, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elmundo.es/elmundo/2009/09/11/espana/1252639306.html>

8. Venezuela Acusa a Repsol Y España De Actuar Como Una Potencia Imperial Del Colonialismo. Noticias De Economía // El Confidencial, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.elconfidencial.com/economia/2012-08-07/venezuela-acusa-a-repsol-y-espana-de-actuar-como-una-potencia-imperial-del-colonialismo_293118/

9. Evo: Viaje De Felipe González a Venezuela Es Nuevo Colonialismo // El Comercio, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elcomercio.pe/mundo/actualidad/evo-viaje-felipe-gonzalez-venezuela-nuevo-colonialismo-noticia-1817387>.

10. Миронов В.В. Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования в современности // Вестник Омского университета. – 2012. – №1(63). – С. 79-86.

11. Букова И.А. Тенденция регионализации и «левый поворот» в странах Латинской Америки: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2011. – 183 с.

12. Атаев М.Р. Интеграционные процессы на Североамериканском континенте в условиях мировой глобализации: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – М., 2013. – 199 с.

13. Гольцов А.Г. Неоимперская геополитика в Латино-Карибской Америке: современные проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – №3. – С. 113-126.

14. Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в.: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. – СПб., 2012. – 475 с.; Лексина Е.А. Кубинский вектор латиноамериканской стратегии КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – №9. – С. 38-45.

15. Резников И.В. Основные подходы к деятельности КНР в Латинской Америке // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – №2, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/2059/232>

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА ЁНЭДЗИ МАСУДЫ

Кириленко Е.М.¹, Карапкова О. Г.²

¹*Исторический факультет, группа ВИ-ИГ 4-1
Армавирский государственный педагогический университет*

²*Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей и отечественной истории
г. Армавир*

В статье рассматривается зарождение теории информационного общества, раскрывается одна из первых концепций информационного общества – концепция Ёнэдзи Масуды, выделены основные составляющие информационного общества и сделан вывод о данной концепции.

Ключевые слова: *глобализационные процессы, информация, информационное общество, информационные технологии, информационная революция, концепция, цивилизация, человеческие ценности, экономика.*

Начиная с 60-70-х годов XX века, в развитых странах мира информационные технологии и процессы стали оказывать влияние на развитие общества. В последней четверти XX века произошла «информационная революция». Это период перехода к электронным средствам преобразования информации. Компьютерные технологии внедрились во многие сферы жизни человека. Информационная революция повлияла на способ производства, образ жизни людей, систему ценностей. Само общество стало видоизменяться. В связи с этим происходит зарождение концепции информационного общества. Под информационным обществом подразумевается общество, главной целью и структурообразующей основой которого является информация. В нём все процессы тесно связаны с информацией и информационными технологиями (преимущественно, с электронными). Данное общество обычно рассматривают как новую ступень эволюции человеческой цивилизации, как новую фазу общественного развития, при которой информационный сектор экономики занимает решающее место в развитии отдельных государств и всего мирового сообщества.

Концепция информационного общества начала зарождаться в глубине постиндустриализма. Она определяла новое состояние цивилизации через анализ его отдельных признаков, то есть информационных процессов. Практически одновременно в Японии и США, ещё в начале 1960-х годов был введён термин «информационное общество», который положил начало концепции, начавшей разрабатываться в трудах М. Порат, Ё. Масуда Р. Катц, Т. Стоуньер и др.

Первые исследования информационного общества были направлены на поиск и обобщение его признаков. Позднее учёные сосредоточили внимание на прогнозах перспектив этого общества, что привело к появлению футурологических работ. Один из представителей этого направления является Ё. Масуда. В 1981 году вышла его книга «Информационное общество как постиндустриальное общество», в которой он изложил суть своей концепции.

Японский исследователь Ёнэдзи Масуда называет информационным обществом «компьютеризированное общество, в котором движущей силой общественного развития является производство нематериального, информационного продукта» [2, с. 29]. Столетиями считалось, что движущей силой развития истории и общества является

производство материальных благ. Человечество совершенствовало способы производства, и развивалась цивилизация, благодаря чему появлялись новые технологии и материальные ценности. Теперь же, по мнению автора, в условиях, при формировании информационного общества, основа самого производства изменится, при этом продукт производства станет информационно ёмким. Поэтому «производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества» [2, с. 29]. Основой данного общества учёный считает компьютерные технологии. Ё. Масуда говорит о том, что массовое производство когнитивной информации, а также новых технологий и знания станет возможным благодаря информационной революции. Информационное общество, в рамках данной концепции, рассматривается, в основном, в экономическом аспекте [5, с. 348]. Главнейшей отраслью экономики, по мнению Ё. Масуды, будет интеллектуальное производство, у которого продукция создаётся и распространяется при помощи информационных и телекоммуникационных технологий.

Также Ё. Масуда обращает внимание на социальные последствия перехода к информационному обществу. Он говорит об изменении человеческих ценностей в этом обществе. По словам японского социолога, «...это будет общество согласия, с небольшим правительством и государственным аппаратом» [2, с.46]. Исследователь полагал, что в обществе, где главенствуют материальные ценности, существует неравноправие, приводящее к классовой борьбе. Но если основным продуктом производства станут не материальные блага, а информация, доступная каждому, то в мире воцарится мир и взаимопонимание. Это предположение – одно из доказательств утопичности данной теории.

Таким образом, Ёндзи Масуда в своей книге «Информационное общество как общество постиндустриальное» отмечает, что в информационном обществе главную роль играет производство знания и информации, в отличие от материального производства, которое характерно для индустриального. При большом количестве производства информации устанавливаются социальные связи, которые необходимы для общественного развития. При этом увеличивается ценность коммуникативной деятельности и социального управления. Тотальное производство вещей в индустриальном обществе сменяется тотальным производством знаний. Любой человек, который использует компьютерные и телекоммуникационные технологии может реализовать свои способности, при этом он производит новое знание и информацию. Японский социолог отождествляет понятия «постиндустриальное общество» и «информационное общество» [1, с. 202]. Также Ё. Масуда выделяет глобализационные процессы как неотъемлемую составляющую перехода к информационному обществу [3]. Это объясняется тем, что информация не имеет национальных границ.

Социально-философская рефлексия, по мнению Т. Стоуньера, в данном труде утопична, поскольку Ё. Масуда выразил мечту об «обществе, в котором будет процветать человеческое интеллектуальное творчество, а не обильное материальное потребление» [4].

Необходимо выделить основные критерии будущего общества, которые сформулировал исследователь Ё. Масуда:

- основа нового общества - компьютерная технология, призванная замещать или же усиливать умственный труд человека;
- информационная революция приведёт к появлению новой производительной силы общества;
- в новом обществе начнётся бурное развитие массового производства когнитивной, систематизированной информации, технологии и знания;
- точкой насыщения рынка станет «граница познанного»;
- большое значение приобретёт сотрудничество, совместное решение проблем;
- главнейшая отрасль экономики - интеллектуальное (наукоемкое) производство;
- основной субъект социальной активности в новом обществе - «свободное сообщество»;

- основная цель информационного общества - реализация «ценности времени» [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что Ё. Масуда, акцентируя внимание на изменение человеческих ценностей в глобальном информационном обществе, считает, что оно будет бесклассовым и бесконфликтным. Автор пишет, что характерной ценностью информационного общества является время. Понятие «информационного общества» Ё. Масуды, можно считать соединением двух идеологий - информационной и постиндустриальной. Важность информации как экономического продукта является намного выше, чем продукция материального производства, энергии, услуг. Информационный сектор экономики разделён на четыре отраслевые группы: информация, отрасли знаний, искусство, этика.

В заключении хотелось бы отметить то, что информационное общество – это открытое общество, постоянно развивающееся, находящееся в бесконечном поиске выявления соответствия между расширением и усложнением, с одной стороны, и одновременно стремящееся к порядку, устойчивости и безопасности. Благодаря единству двух сторон конструируется новая структура и упорядоченность современного общества [5, с.350].

Заслуга Ё. Масуды в том, что он смог предвидеть огромную значимость информационного продукта для человечества и его влияние на личность и общество. Информационные технологии достигли высочайшего уровня, и предоставляют людям колоссальные возможности. Мир стал более открытым, укрепились взаимосвязи между странами и народами. Обмен информацией стал намного проще и доступнее. Но, к сожалению, развитие информационных технологий не привело к образованию «общества согласия». В мире по-прежнему существует социальное неравенство, голод, войны, национальные конфликты.

В современном обществе происходит усиление роли науки, которая создаёт нанотехнологии. Производство информационного продукта постепенно опережает производство материальных благ. В настоящее время термин «информационное общество» широко используется не только специалистами в области информационных технологий, но и политиками, экономистами, преподавателями и учёными. Десятки лет ведутся споры представителей различных концепций информационного общества. Но лишь один фундаментальный тезис от классических концепций информационного общества сохранился до наших дней. Он гласит, что произошедшие технологические изменения в области создания, передачи и хранения информации обязательно влекут за собой изменения в социальных характеристиках общества, порождают определенные социальные процессы и впоследствии получают выражение на уровне социальной структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дубров А.П. Теория информационного общества и информационного обеспечения. // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. - №3. – С. 201-208.
2. Масуда Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество. – Вашингтон: World Future Society, 1981. – 178 с.
3. Масуда Ё. На пути к новому этапу становления общества. – М: ЭПИ, 1983.
4. Стоуньер Т. Богатство информации: профиль постиндустриальной экономики. - Лондон, 1983 год.
5. Удовик В.Е. Проблематика информационного общества в процессе преподавания социально - гуманитарных дисциплин. // Развитие образовательного процесса на основе современной системы интерактивного обучения в условиях модернизации образования. - 2012. - № 14. – С. 346-351.

6. Чернова Е.Н. концепция информационного общества в современном социальном познании. // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. - №6 – С. 112-121.

ПЕРСПЕКТИВЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА ПРИХРАМОВОЙ ТЕРРИТОРИИ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ СЛОВУЩЕГО В Г. БУДЁНОВСК В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПОДВОРЬЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО МАМАЙ-МАДЖАРСКОГО МОНАСТЫРЯ.

Китева И.В.

*Доцент кафедры дизайна
Пятигорский институт (филиал) СКФУ*

Никогда не утрачивается актуальность задач сохранения исторических и культурных ценностей для будущих поколений нашей страны, и в данной статье актуальность выражена именно этими задачами. Время стирает любые следы, и человек бессилён перед ним. Оно уничтожает то, что человек создает. Ярким примером этому служит Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь в г. Будёновск, который был построен на месте, имеющем большое историческое и культурное значение для России. Во времена Советского Союза данный монастырь был разобран, а принадлежащая ему территория была застроена под городскую инфраструктуру. На сегодняшний день о Мамай-Маджарском монастыре напоминает лишь церковь Воскресения Словущего, имеющая небольшую прицерковную территорию. Данная церковь располагается на месте бывшего монастыря. В данной статье представлен анализ перспектив благоустройства прихрамовой территории церкви Воскресения Словущего в ограниченных территориальных условиях и таким образом, чтобы разрушенный Мамай-Маджарский монастырь и данная церковь были связаны памятной нитью единой истории и культуры.

Ключевые слова: *Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь, церковь Воскресения Словущего, монастырское подворье, реконструкция, возрождение.*

Существует известное выражение: «Храм – это дом Божий». Православные верующие приходят в храмы, чтобы в «доме Божьем», почувствовать свою сопричастность к религиозным традициям, а также умиротворить страдания и страсти внутри себя, волнующие и терзающие их умы и сердца. С точки зрения психологии, являющейся научной дисциплиной, изучающей психическую деятельность людей, посещение верующими храмов сравнимо с терапией, направленной на улучшение психофизического состояния прихожан. Есть даже целое ответвление в психологии, занимающееся православной психотерапией, которое по своей сути является «совокупностью форм и подходов к врачеванию души, имеющих в основе мировосприятие, покоящееся на православной вере, духовном, аскетическом и литургическом опыте Единой, Соборной и Апостольской Церкви (конфессионально определяемой как Православная)» [1]. Разумеется, независимо от того является ли человек прихожанином, или же он далек от веры в Бога, посещение церкви или иного храмового сооружения в эмоционально-чувственном плане в первую очередь сталкивает человека с потоком информации, завязанным на внешнем и внутреннем облике храмов, составляющими которого являются как форма, так и цвет религиозного здания, а также запахи и звуки, источниками которых является сам храм и примыкающая к нему территория. Первые впечатления от увиденного, услышанного и прочувственного пробуждают в человеческом разуме те или иные ассоциации, которые создают первоначальный образ храма, надолго закрепляющийся в памяти человека. Этот образ может как помочь посетителю храма всецело окунуться в религиозный мир, оставить

в нём искрящиеся в памяти, подобно уголькам в камине, приятные воспоминания, так и поставить перед человеком, пришедшим в храм, заслон, не позволяющий духовным эманациям проникнуть в его сердце.

Количество религиозных сооружений в России, в число которых входят как храмы, так и духовно-образовательные организации, с каждым годом неуклонно возрастает. На конец 2017 г., согласно аналитическому годовому обзору Росстату (Федеральной службы государственной статистики) за 2018 г., в Российской Федерации было зарегистрировано 30193 религиозных организаций: из этого числа 18191 организаций (из них 484 монастыря) принадлежат Русской православной церкви [2]; на конец 2018 г. (по годовому обзору Росстата за 2019 г.) в Российской Федерации было зарегистрировано 30896 религиозных организаций: из этого числа 18550 организаций (из них 500 монастырей) принадлежат Русской православной церкви. [3] В 2020 гг. годовой аналитический обзор Росстата включал в себя информацию лишь по общему количеству религиозных организации в России, но не предлагал информацию для ознакомления с количеством подобных организаций Российской Православной Церкви: таким образом, на конец 2019 г. число религиозных организаций составляло 31374 (из них за год зарегистрировано 701 новая организация). [4] Стоит отметить тот факт, что прирост новых религиозных организаций в России, под которыми понимаются сооружения, выполняющие те или иные религиозные задачи, происходит не только за счёт постройки новых храмов или духовно-образовательных центров, но и благодаря проводимым реставрационным работам, в ходе которых многие религиозные здания и сооружения, подвергшиеся разрушению в ходе проводимой в 20 веке антирелигиозной политики СССР, были восстановлены или воссозданы. В настоящее время данные храмовые сооружения принимают прихожан также, как и новые, сооруженные сравнительно недавно религиозные здания, к которым относятся церкви, монастыри, подворья, часовни и т.д.

Несмотря на то, что количество религиозных сооружений растёт не только за счёт строительства новых храмов, но и проведения реставрационных работ в разрушенных и полуразрушенных церквях и монастырях, тем не менее многие храмовые сооружения на сегодняшний день невозможно восстановить в силу объективных причин. Например, Воскресенский Мамай-Маджарский общежительный мужской монастырь, располагавшийся на территории современного г. Будённовск (во времена строительства монастыря город назывался Святой Крест) Ставропольского края, и, учреждённый по решению Священного Синода Русской православной церкви 20 декабря 1884 г. В советское время, в начале 1930-х гг., монастырь был разрушен, его стены были разобраны на кирпичи, из которых был построен первый корпус районной больницы г. Будённовск. [5] Монастырь занимал обширную территорию, на которой располагался каменный храм с двумя престолами. Главным престол был назначен «во имя благоверного князя Михаила Тверского», который был убит, согласно летописи, «за рекою Тереком, под городом Деяковым, недалеко от города Дербента», где кочевала армия золотоордынского хана Узбека. [6] Тело Михаила Тверского было решено отправить в г. Тверь: убитого князя везли через г. Маджары, на месте которого располагается современный г. Будёновск. В Маджаре очевидцы, согласно преданию, увидели, как ночью над местом, где лежало тело князя, в ночное небо поднимался высокий огненный столб. Благодаря этому чуду, место, где несколько ночей находилось тело благоверного князя стало считаться святым, и, поэтому храм (в котором находилась частичка мощей Михаила Тверского) Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря, располагавшегося недалеко от святого места, был связан с именем этого князя.

Кроме двухпрестольного храма во имя благоверного князя Михаила Тверского, в Воскресенском Мамай-Маджарском монастыре был трёхпрестольный каменный храм Преображения Господня, который был построен за 12 лет и начал функционировать на территории монастыря в 1900 г. Храм был возведён в стиле эклектика, которой представлял

из себя смешение византийского стиля и готики. На возведение храма было потрачено 200 тыс. рублей серебром. Строительство храма велось под руководством ставропольского архитектора Н. Марченко и губернского инженера Ф. Кнорре. Губернский архитектор Г. Кусков, анализируя работу, проделанную при строительстве храма Преображения Господня, описал данное сооружение следующими словами: «(Храм) сложен из жжёного кирпича пополам с камнем-ракушечником, высотой в 60 аршин (примеч. 42,67 м). Внутри храм производит чрезвычайно приятное впечатление своей законченностью и соразмерностью всех частей, обилием света, отсутствием каких-либо заграждений в форме полонов, препятствующих молящимся видеть алтарную часть. Арки и колонны, на которых покоится главный купол весом 21750 пудов (примеч. 356265 кг), легки и эффектны. Размеры храма от западных врат до восточной алтарной стены 44 аршин (примеч. 31,29 м), от южных дверей до северных — 34 (примеч. 24,18 м). Кроме того, немало места для молящихся на хорах, которые представляют ту особенность, что устроены они не в трапезной части, а расположены при основании главного купола, почти на одном уровне с высотой иконостаса. С хоров хорошо виден весь алтарь, а из окон открывается чудесный вид на окрестности.» [5]

Помимо двух выше названных храмов, в Воскресенском Мамай-Маджарском монастыре были расположены трёхъярусная колокольня с высокой шатровой крышей, которая располагалась над воротами, ведущими в монастырскую обитель, настоятельный корпус, 6 каменных корпусов для братии, дом для посетителей, гостиница, торговая лавка при церкви, больница, церковно-приходская школа. Территория, которой владел мужской монастырь (к 1916 г.), была размером в 1655 десятин (~1804 га) земли. Братия из 80 монахов и послушников активно вела хозяйство на территориях, принадлежащих монастырю, на которых располагались сады и огороды, бахчи, виноградники и винодельные заводы, пахотные и сенокосные земли; имелась мукомольная водяная мельница, кирпичный завод, сапожная и столярная мастерские, кузнеца, амбары, сараи, кладовые, базы, конюшни. К Воскресенскому Мамай-Маджарскому монастырю также относились два храма, расположенные вне территории обители: церковь во имя святителя Николая Мирликийского (построена в 1906 г., расположена на хуторе Сухая Буйвола) и храм во имя Казанской Божией Матери (построен в 1911 г., расположен между современными сёлами Степное и Соломенское). Также, монастырю принадлежала часовня, где и по сей день бьёт целебный ключ «Топчиев Кладезь».

Разумеется, такую обширную территорию монастырской обители восстановить практически невозможно, так как на сегодняшний день уже не только не существует самого монастыря, но и земля, на которой располагалась обитель уже занята спальными районами и градостроительной инфраструктурой современного Будённовска. Единственным сохранившимся строением обители является двухэтажный корпус, который относится теперь к лабораторному отделению городской центральной больницы.

В 2005 году в Будённовске, на месте существовавшего Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря была построена церковь Воскресения Словущего. Церковь с примыкающей к ней территорией занимает площадь в 1,46 га, что от общей площади Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря со всеми его территориями составляет меньше 1% земли. [7] Церковь была заложена в 2001 году, по своему образу она повторяет облик московского храма великомученика Георгия Победоносца, расположенного на Поклонной Горе в г. Москва. Как и столичный храм церковь Воскресения Словущего выдержана в русском стиле с элементами модерна (под закомарами имеются большие застеклённые проёмы, состоящие из гораздо меньших по размеру прямоугольных окошек). Однако, в отличии от храма великомученика Георгия Победоносца, автором проекта которого является известный архитектор А. Т. Полянский, церковь в Будённовске сильно отличается в своем цветовом решении: так, во внешнем оформлении столичного храма главным цветом является белый, который дополняется золотистым куполом с крестом и

золотистым подзором на барабане, стоящем на крыше с тёмно-зелёной кровлей, а также золотистыми верхними ободками закомаров, соединяющиеся в четыре полуциркульных завершения стен церкви; церковь Воскресения Словущего выполнена из красно-оранжевого кирпича, имеет золотистый купол с крестом и золотистые закомарами, а материалом её кровли служит металлический профилированный лист, выкрашенный в синий цвет. Такие отличия в цветовом решении будённовской церкви от московского храма не могут идти на пользу эстетическому восприятию, получаемому от внешнего вида здания церкви Воскресения Словущего, которое по словам А. А. Анисимова, известного церковного архитектора, «имеет важное миссионерское значение».[8] Во-первых, синие кровельные профилированные листы в сочетании с красно-оранжевыми кирпичными стенами церкви выглядят не столь эффектно как тёмно-зелёная кровельная крыша и белые стены храма Георгия Победоносца. Используемый материал для кровли крыши в будённовской церкви, а именно профилированные листы синего цвета, смотрятся как пластиковые детали из конструктора датской компании «Lego». Во-вторых, к сожалению, большие застеклённые оконные проёмы церкви Воскресения Словущего похожи на витрины торгового здания: в отличие от московского храма, которому церковь Воскресения Словущего подражает, эти оконные прямоугольные окна, связанные в единую витражную композицию, выглядят не столь изящными и не придают будённовской церкви той воздушной лёгкости храмового здания, которая подразумевалась при её проектировании.

Прихрамовую территорию церкви Воскресения Словущего можно разделить на три зоны: в первой зоне расположено здание церкви, которое окольцовано дорогой для проведения Крестного хода; во второй зоне расположена двухэтажная православная начальная школа имени преподобного Сергия Радонежского, открытая 1 сентября 2015 г.; третья зона – это вся оставшаяся площадь прихрамовой территории церкви, свободная от застройки и используемая в качестве декоративного, ландшафтного компонента общего территориального пространства церкви Воскресения Словущего. Все три зоны разделены и одновременно связаны между собой четырьмя небольшими аллеями, по одной из которых по обеим сторонам проложены водосточные канавки, а также в один ряд, симметрично высажены туи. Две дороги, ведущие от ворот прицерковной территории до здания церкви, заасфальтированы; дорога от здания церкви до школы имени преподобного Сергия Радонежского вымощена из красно-желтой, узорчатой декоративной плитки. Прихрамовая территория церкви Воскресения Словущего окружена железным сегментным забором: вылитые и кованые элементы каждого сегмента создают «рисунок» арочных ворот; сегменты разъединены столбами из облицовочного кирпича красного цвета. Главные ворота в прихрамовую территорию церкви сооружены в виде глубокого арочного прохода из оранжевого кирпича, на котором стоит небольшого размера барабан с золотистыми куполом и крестом. По бокам от арочного прохода главных ворот располагаются, как два крыла, небольшие помещения из красно-оранжевого кирпича, имеющие полукруглые крыши из профилированных железных листов синего цвета.

На прихрамовой территории церкви Воскресения Словущего местами высажены кустарниковые породы деревьев, призванные облагородить и украсить пространство при церкви, однако их количество неспособно справиться с задачами ландшафтного дизайна. Лужайки вокруг церкви необходимо заполнить ландшафтными архитектурными элементами, которые помогут благоустроить внешний вид прихрамовой территории. Так как церковь Воскресения Словущего по своему местоположению, с точки зрения исторически-религиозного аспекта, является преемницей Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря, то на прихрамовой территории современной церкви можно было бы воссоздать при помощи ландшафтной архитектуры некоторые намёки на данную преемственность. Например, в Мамай-Маджарском монастыре были разбиты сады: на прихрамовой территории нынешней церкви можно было бы создать в отдельных, принадлежащих ей областях небольшие садовые уголья из разных фруктовых деревьев,

которые бы напоминали о райском вечноцветущем саде. Кроме того, в уничтоженном монастыре различные мастерские: на территории церкви Воскресения Словущего можно было бы воссоздать одну или две мастерские, которые могли бы как финансово улучшить положение церкви, так и служить символом преемственности и исторической связи между монастырём и современным будённовским православным храмом. На прихрамовой территории можно было бы открыть церковную кузницу, где умельцы могли бы выковывать как необходимые для церкви вещи, так и туристическую атрибутику на тему Мамай-Маджарского монастыря. Кузница могла стать и источником дохода церкви, и интересным элементом внутренней жизни церковного подворья.

Благоустройство прицерковного пространства позволит оживить и украсить территорию, принадлежащую православному храму, а также скроет некоторые эстетически недоработанные элементы внешнего убранства церкви. Если начать благоустройство территории храма с оглядкой на историческое прошлое данного района, где раньше стоял монастырь, то подобный подчёркнутый символизм и внимание к историческим деталям пойдут на пользу церкви Воскресения Словущего и пространству вокруг неё: как православные прихожане, так и люди, далёкие от религии, смогут насладиться времяпрепровождением на прихрамовой территории, ощутить красоту, силу и дух времени, которые будут заложены в функциональных постройках и разбитых садах церковного подворья. С точки зрения градостроительства, такое облагораживание прихрамовой территории сможет превратить церковь Воскресения Словущего не только в духовный, но и исторический, культурный, а также рекреационный центр Будённовска. Человек, пришедший в такую церковь, сможет более свободно себя чувствовать и открыть своё сердце для восприятия духовного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карвасарский, Б. Д. (2000). Психотерапевтическая энциклопедия. / 2-е изд., СПб.: Питер. 1019 с.
2. Суринов, А. Е., Баранов, Э. Ф., Безбородова, Т. С., Бобылев, С. Н., Бугакова, Н. С., Гохберг, Л. М., Григорьев, Л. М., Егоренко, С. Н., Елизаров, В. В., Житков, В. Б., Иванов, Ю. Н., Кевеш, А. Л., Косарев, А. Е., Лайкам, К. Э., Малева, Т. М., Масакова, И. Д., Нестеров, В. Н., Оксенойт, Г. К., Рыбак, О. П., Рябушкин, Б. Т. (2018). Общественные объединения и религиозные организации // Россия в цифрах. М.: Росстат, С. 164-170.
3. Малков, П. В., Баранов, Э. Ф., Безбородова, Т. С., Бобылев, С. Н., Бугакова, Н. С., Гохберг, Л. М., Григорьев, Л. М., Егоренко, С. Н., Елизаров, В. В., Житков, В. Б., Иванов, Ю. Н., Кевеш, А. Л., Косарев, А. Е., Лайкам, К. Э., Малева, Т. М., Масакова, И. Д., Нестеров, В. Н., Оксенойт, Г. К., Рыбак, О. П., Рябушкин, Б. Т., Сабельникова, М. А., Татаринев, А. А., Хорошилов, А. В. (2019). Общественные объединения // Россия в цифрах. М.: Росстат. С. 175-179.
4. Малков, П. В., Баранов, Э. Ф., Безбородова, Т. С., Бобылев, С. Н., Бугакова, Н. С., Ваган, И. С., Гохберг, Л. М., Григорьев, Л. М., Егоренко, С. Н., Елизаров, В. В., Иванов, Ю. Н., Кевеш, А. Л., Кенчадзе, Д. Д., Ключкова, Е. Н., Косарев, А. Е., Лайкам, К. Э., Малева, Т. М., Нестеров, В. Н., Окладников, С. М., Оксенойт, Г. К., Рябушкин, Б. Т., Смелов, П. А., Суринов, А. Е., Татаринев, А. А. (2020.) Общественные объединения // Российский статистический ежегодник. М.: Росстат. С. 257-258.
5. Гладковский М. Краткая история Воскресенского Мамай-Маджарского мужского монастыря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения 10.03.2021).
6. Полное житие благоверного князя Михаила Ярославича Тверского // Православный церковный календарь [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-mihail-jaroslavich-tverskoj> (дата обращения 01.03.2021).

7. Публичная кадастровая карта города Буденновск // ЕГРН 365 срочные выписки-онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://egrp365.org/map> (дата обращения 01.03.2021).

8. А. А. Анисимов о церковной архитектуре (интервью) // Архитектурная книга Валаама [Электронный ресурс]. URL: <https://valamo.ru/anisimov-o-cerkovnoj-arxitekture/> (дата обращения 09.03.2021).

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ МАЛОЙ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ КУБАНИ (НА ПРИМЕРЕ МОСТОВСКОГО РАЙОНА)

Коваленко Н.С.

*Исторический факультет, группа ВИ-ИГ-4-1
Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир*

В конце 2019 г. глава муниципального образования Мостовский район С.В. Ласунов в своём предновогоднем интервью газете «Предгорье» сообщил, что в 2020 г. между посёлком Мостовским (до октября 1961 г. – село Мостовое) и станцией Переправной планируется построить солнечную электростанцию мощностью 44 МВт. Инвестиции на осуществление проекта оценивались в 6 млрд. рублей, что позволило главе района говорить о нём как о «самом крупном инвестиционном проекте будущего года» [1]. Однако повсеместное распространение новой коронавирусной инфекции в 2020 г. заставило отложить строительство электростанции на неопределённый срок. Между тем, у Мостовского района имеется интересный, но совершенно не изученный опыт использования возобновляемых источников энергии, который в связи с изменением экономической ситуации в России под влиянием пандемии, на наш взгляд, приобретает особую актуальность. В рамках данной статьи мы постараемся с опорой на источники осветить этот опыт.

В дореволюционный период большая часть современного Мостовского района составляла юго-восточную окраину Майкопского отдела Кубанской области. Наличие в этой части Закубанья сети горных рек способствовало широкому распространению водяных мельниц [2]. Однако область применения речной энергии ограничивалась в основном сельским хозяйством. Перспективы её использования в целях электрификации станиц и сёл региона в рассматриваемый период не обсуждались.

Новый этап в использовании возобновляемых источников энергии на территории современного Мостовского района наступил после Октябрьской революции. В 1920-е гг. в СССР в рамках реализации плана ГОЭЛРО бурное развитие получила малая гидроэнергетика. К 1954 г. в стране насчитывалось свыше 6500 малых ГЭС, общая мощность которых превышала 300 МВт [3]. Эти электростанции сыграли важную роль в восстановлении народного хозяйства после Великой Отечественной войны, способствовали развитию отраслей добывающей промышленности и тяжёлого машиностроения, и, наконец, внесли качественные изменения в быт и трудовую деятельность советских граждан [4].

К послевоенному периоду относится появление на территории Мостовского района межколхозной ГЭС, позволившей на какое-то время решить проблему электроснабжения села Мостового и нескольких соседних населённых пунктов. Ниже мы подробнее остановимся на истории её строительства.

По данным некоторых краеведов, оперирующих информацией неизвестного происхождения, электрификацию села Мостового пытались осуществить ещё в 1930-х гг.,

построив на базе дореволюционной водяной мельницы небольшую ГЭС [5]. Отсутствие источников не позволяет нам ни подтвердить, ни опровергнуть достоверность этих сведений. При этом нужно признать, что они выглядят весьма правдоподобно в свете данных о том, что к началу XX в. в селе Мостовом имелось три водяных мельницы, одну из которых вполне могли попытаться приспособить под нужды гидроэнергетики [6].

Первые, подтверждённые источниками, попытки электрифицировать село Мостовое и его окрестности относятся к 1943 г. Всего через несколько месяцев после освобождения Мостовского района от немецко-фашистских оккупантов в селе была построена и сдана в эксплуатацию небольшая электростанция. Районная газета «Путь большевика» в первомайском номере сообщала: «Ярко горят лампочки «Ильича» в советских учреждениях. Свет будет дан и в квартиры населения» [7].

Электростанция, построенная в Мостовом весной 1943 г., не была рассчитана на длительную эксплуатацию. Этот вывод логически вытекает из того, что уже в конце 1948 г. было закончено проектирование Мостовской межколхозной ГЭС, которая должна была обслуживать 5 колхозов и 15 животноводческих ферм Мостовского и Переправненского сельсоветов. Предполагалось зажечь «лампочку Ильича» во всех домах села Мостового и станицы Переправной. Газета «Путь большевика» сообщала, что строительство ГЭС нашло искренний отклик у большинства жителей Мостовского района: «Люди решили подчинить бурную Лабу и заставить её служить интересам роста экономики наших колхозов» [8].

Планируемая мощность Мостовской межколхозной ГЭС составляла 230 кВт, или 312,7 лошадиных сил [9]. Исходя из принятой в нашей стране классификации, её можно отнести к категории мини-ГЭС. К этой же категории она может быть отнесена и в соответствии с классификацией, принятой ООН [10].

Строительство Мостовской межколхозной ГЭС, начавшееся в 1949 г., осуществлялось в несколько этапов. На первом производились земельные работы по рытью канала, а на втором – монтаж электростанции. Сохранившиеся источники сообщают, что на обоих этапах участники строительства, среди которых было немало представительниц «слабого пола», демонстрировали самоотверженность и трудовую доблесть, перевыполняя установленную планом норму выработки в несколько раз. Так, например, комсомолка первичной организации ВЛКСМ колхоза имени Кирова станицы Переправной Е. Паркова рассказывала: «Я и моя подруга комсомолка Давыденко Любовь ежедневно перевыполняем норму выработки. Каждая из нас вынесла из канала по 30 кубометров земли. Очень хочется, чтобы в колхозных общественных зданиях и квартирах колхозников скорее загорелась «лампочка Ильича». Девушка призывала комсомольцев и колхозную молодёжь сделать всё, от них зависевшее, для того, чтобы ГЭС начала функционировать к 7 ноября 1949 г. [11].

Сегодня этот призыв может показаться наивным, но мы считаем, что он прекрасно иллюстрирует энтузиазм, с которым большинство мостовцев и переправненцев приступило к постройке межколхозной ГЭС. Вместе с тем, необходимо признать, что среди строителей электростанции были и те, кто своей халатностью и нерасторопностью не позволил выполнить строительные работы в первоначально намеченный срок.

В 73-м номере газеты «Путь большевика» за 1950 г. упоминается некое решение Краснодарского крайкома ВКП (б), предписывавшее завершить строительство Мостовской межколхозной ГЭС к 33-й годовщине Октябрьской революции [12]. Между тем, к весне 1950 г. ещё не было закончено рытьё канала. Для того чтобы ускорить земельные работы, в село Мостовое направили молодых колхозников из сельхозартели «Колос» станицы Переправной. Бригадир Е. Овчинников сообщал газете «Путь большевика»: «Развернув между собой социалистическое соревнование, они стали быстро набирать темпы производительности труда. Сейчас они добились ежедневного перевыполнения норм выработки». Далее, приведя в пример несколько людей, перевыполнивших план двукратно и даже троекратно, бригадир заверил читателей районной газеты в том, что земельные

работы будут закончены к 1 мая 1950 г. [13]. Однако обстоятельства сложились так, что они не были завершены и к осени.

21 сентября 1950 г. газета «Путь большевика» опубликовала статью техника строительства ГЭС П.З. Потапова, сопроводив её заголовком «Нависла угроза строительства ГЭС в установленные сроки». Назвав поименно людей, которые затягивали земельные работы и тем самым не давали приступить к монтажным, автор сообщал: «По графику на выемке грунта ежедневно должно работать от колхоза «Путь к коммунизму» 75 человек и 10 подвод. Фактически же работает 10–13 человек и одна подвода». Аналогичная ситуация наблюдалась и с рабочими от колхоза имени Кирова. Кроме того, не с лучшей стороны проявили себя Мостовская и Губская МТС, которые должны были выбрать по 5000 кубометров земли, но безнадёжно отстали от этого показателя потому, что их тракторы «больше стояли на ремонте, чем работали» [14].

В конечном счёте, Мостовская межколхозная ГЭС не была сдана в эксплуатацию к 7 ноября 1950 г. Все силы были брошены на то, чтобы пуск электростанции состоялся к 1 мая следующего года.

5 марта 1951 г. монтажники под руководством бригадира А. Жиганова приступили к своей части работы; к началу апреля план по монтажу световой линии в квартиры колхозников был выполнен ими на 120 %. На 4 дня раньше планового срока на ГЭС была установлена турбина. Помимо своей основной работы монтажники вместе со строителями укладывали арматуру под фундамент электростанции, а также помогали монтировать пазовые щитовые конструкции. Правления колхозов имени Кирова и «Путь к коммунизму» не подготовили в срок столбы для низковольтной линии, что грозило немного отсрочить запуск ГЭС [15]. Однако этого удалось избежать, и к 1 мая в домах жителей села Мостового и станции Переправной загорелась «лампочка Ильича» [16].

Считается, что переломным годом в истории развития советской малой гидроэнергетики стал 1954 г., когда правительство взяло курс на строительство мощных ГЭС, способных обслуживать целые области и регионы. В рассматриваемый период прекратился выпуск оборудования для малых ГЭС, а большинство из них разукомплектовали и закрыли [17]. Подобная участь постигла и Мостовскую межколхозную ГЭС, надобность в которой отпала в связи с тем, что через бассейн Верхней Лабы была проложена высоковольтная линия, протянувшаяся далее через Карачаево-Черкесию к границам Грузинской ССР.

На данный момент на территории Краснодарского края и Республики Адыгея функционируют только три малые ГЭС, построенные в первой половине 1950-х гг.: Белореченская и Майкопская на реке Белой (мощностью 48 МВт и 9,4 МВт соответственно), а также Краснополянская на реке Мзымта (мощность – 28,5 МВт) [18]. Всего в России насчитывается около 300 малых ГЭС, суммарная мощность которых составляет 1,3 млн. кВт [19].

Здание Мостовской межколхозной ГЭС сохранилось до наших дней в сильно разрушенном виде (см. рис. 2). У него отсутствуют окна и дверь, при этом кое-где ещё остались деревянные рамы и оконные коробки. Внутри здания обваливается штукатурка, стены исписаны «автографами» местной молодёжи, отсутствуют деревянные балки для крепления стропил (см. рис. 3, 4, 5). Последнее наводит на мысль, что в самое ближайшее время может рухнуть крыша. При этом кладка, т.е. цементно-песчаный раствор, до сих пор остаётся довольно прочным. Проход к зданию затруднён тем, что прилегающая территория (включая здание, по-видимому, относившееся к комплексу ГЭС; должно быть, пультовая) после распада СССР была приватизирована частными лицами.

Канал, по которому на ГЭС поступала вода из водохранилища, лучше всего сохранился в непосредственной близости от здания. В других местах он засыпан и просматривается менее чётко. О водохранилище, которое было известно среди местных жителей как «гэсовский пруд», напоминает только заросший травой и деревьями котлован

(см. рис. 1). После вывода из эксплуатации межколхозной ГЭС это место являлось излюбленным местом отдыха жителей посёлка Мостовского в период праздников. Рядом с прудом был разбит парковый комплекс, в котором произрастали берёзы, клёны и другие деревья. Сюда на уроках природоведения приходили школьники для сбора гербариев. После распада СССР территория паркового комплекса была приватизирована. В настоящее время на его месте располагаются частные домовладения и термальный спа-курорт «София».

На сегодняшний день возрождение малой гидроэнергетики на территории Мостовского района представляется маловероятным. В соответствии со SWOT-анализом основным недостатком малых ГЭС является фундаментальная зависимость от природных условий [20]. Активное развитие в Мостовском районе добывающей промышленности вместе с вырубкой лесов в верховьях рек нанесло заметный удар по водному балансу речных систем, которые к настоящему времени обмелели и не могут позволить выработать достаточное количество электроэнергии.

Другим не менее значимым «минусом» малых ГЭС является длительный инвестиционный цикл и высокая капиталоемкость инвестиционных вложений [21]. Вплоть до настоящего времени восстановление Мостовской ГЭС не обсуждалось на муниципальном и краевом уровнях. К тому же производственная мощность в 230 кВт сегодня представляется недостаточной. Во-первых, только в посёлке Мостовском число жителей по сравнению с концом 1950-х гг. увеличилось в 3,5 раза (с 7236 до 25062) [22]. Во-вторых, заметно возросли и продолжают возрастать потребности людей в электричестве.

Вместе с тем, усложнение социально-экономической ситуации в России (рост тарифов на электроэнергию, сокращение строительства крупных энергетических объектов, повышение цен на органическое топливо) способствует повышению интереса к возрождению малой гидроэнергетики Краснодарского края. Отмечается, что наиболее рациональным шагом в этом направлении могли бы стать реконструкция и восстановление на новом техническом уровне ранее выведенных из эксплуатации малых ГЭС. В то же время некоторые специалисты (Р.А. Амерханов) полагают, что в перспективе на реках черноморского побережья и левых притоках Кубани могут быть построены 18 новых малых ГЭС. По их мнению, это будет способствовать укреплению и развитию хозяйственной базы удалённых районов Краснодарского края, а также улучшению их транспортного обеспечения, рекреационного использования, энергосбережения и связи [23].

Таким образом, использование возобновляемых источников энергии на территории современного Мостовского района Краснодарского края уходит своими корнями в дореволюционный период. На сегодняшний день рост энергетических потребностей жителей района вместе с ограниченностью тепловых ресурсов в бассейне Верхней Лабы побуждает к тщательному изучению как досоветского, так и советского опыта использования малых рек Кубани для выработки дешёвой электроэнергии. Дополнительным основанием для актуализации имеющегося опыта является экономический кризис, порождённый пандемией коронавируса и мешающий осуществлению ранее намеченных инвестиционных проектов в области энергетики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Предгорье. Мостовской, 2019. № 52. С. 4.
2. Корольков Г.К. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис, 1900. С. 267–268, 273; Кубанская справочная книжка 1894 года. Екатеринодар, 1894. Паг. 1. С. 70–75; Памятная книжка Кубанской области на 1875 год. Екатеринодар, 1875. Паг. 2. С. 99–207; Фелицын Е.Д. Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. Т. 8. Тифлис, 1885. № 5092, 5104, 5111, 5112, 5116, 5127, 5128, 5129, 5131, 5160, 5175.

3. Абакаров Р.А., Щуплова И.С., Рыбин Д.В., Жданова А.П. Реализация проектов в области ВИЭ как перспективное направление энергетической политики. Малые ГЭС // Наука, техника и образование. № 7. Иваново, 2018. С. 33.
4. Коновалова О.Е., Иванова Е.А. Малая гидроэнергетика: проблемы, трудности и пути преодоления // Труды Кольского научного центра РАН. № 2. Апатиты, 2013. С. 65.
5. Экскурсия по посёлку Мостовскому: [Электронный ресурс] // Инфоурок. URL: infourok.ru. (Дата обращения: 09.02.2020); История: [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Мостовского городского поселения Мостовского района. URL: <http://pgt-mostovskoyu.ru>. (Дата обращения: 13.02.2021).
6. Корольков Г.К. Указ. соч. С. 273.
7. Путь большевика. Мостовое, 1943. № 8. С. 1.
8. Там же. Мостовое, 1949. № 1. С. 2; Там же. № 53. С. 2.
9. Там же.
10. Коновалова О.Е., Иванова Е.А. Указ. соч. С. 67.
11. Путь большевика. Мостовое, 1949. № 48. С. 2.
12. Там же. Мостовое, 1950. № 73. С. 1.
13. Там же. № 29. С. 2.
14. Там же. № 73. С. 1.
15. Там же. Мостовое, 1951. № 22. С. 1; Там же. № 26. С. 1.
16. Там же. № 36. С. 2.
17. Абакаров Р.А., Щуплова И.С., Рыбин Д.В., Жданова А.П. Указ. соч. С. 33.
18. Богданов В. Гидроэнергетический потенциал малых рек Кубани: [Электронный ресурс] // Кубань сегодня. URL: kubantoday.ru. (Дата обращения: 27.02.2020).
19. Коновалова О.Е., Иванова Е.А. Указ. соч. С. 65.
20. Абакаров Р.А., Щуплова И.С., Рыбин Д.В., Жданова А.П. Указ. соч. С. 34.
21. Там же.
22. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность сельского населения РСФСР – жителей сельских населённых пунктов – районных центров по полу: [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru>. (Дата обращения: 13.02.2021); Оценка численности населения на 1 января 2020 года по муниципальным образованиям Краснодарского края: [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <https://krsdstat.gks.ru>. (Дата обращения: 13.02.2021).
23. Богданов В. Гидроэнергетический потенциал малых рек Кубани: [Электронный ресурс] // Кубань сегодня. URL: kubantoday.ru. (Дата обращения: 27.02.2020).



Рис. 1. Котлован бывшего водохранилища.



Рис. 2. Здание Мостовской межколхозной ГЭС.



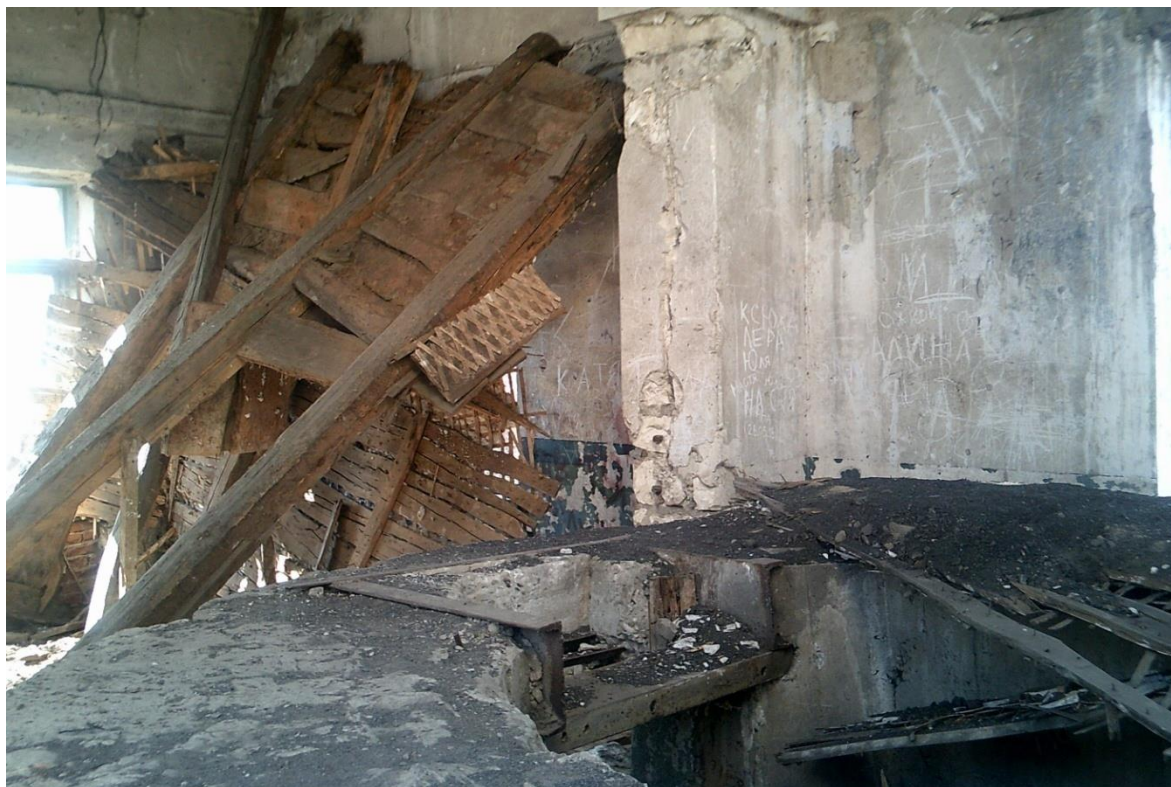


Рис. 3, 4, 5. Внутреннее состояние здания ГЭС.

КОНСОЛИДАЦИЯ ТЮРКСКОГО МИРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Казиев С.А.

Директор по инновациям и внешним связям СКФУ

Объектом исследования является многонациональный тюркский мир и международные тюркские организации, предметом – действия отдельных стран, прежде всего Турецкой Республики, в отношении тюркских государств мирового пространства. Целью исследования является выявление причин, по которым сегодня международные тюркские организации занимают значимое место в системе международных отношений. Автором также рассматриваются важнейшие аспекты и история формирования новой подсистемы современных международных отношений – тюркского мира, а также роль акторов мировых процессов, участвующих в его создании.

Ключевые слова: тюркский мир, тюркские организации, Россия, Турция, Центральная Азия, пантюркизм, неоосманизм, мягкая сила, международные отношения, мировая политика.

Современная система международных отношений включает в себя организацию субрегиональных локальных союзов государств, основанных на географических, лингвистических, этнических и религиозных принципах.

По оценке Союза международных ассоциаций, из которых свыше 6 тыс. – международные, межправительственные (ММПО) и не менее 43 тыс. – международные не правительственные (МНПО)².

В числе международных организаций принято выделять: *универсальные*, открытые для всех стран мира (Организация Объединенных Наций — ООН); *специализированные* (Всемирная организация здравоохранения — ВОЗ); *межрегиональные* (Шанхайская организация сотрудничества — ШОС); *региональные* (Африканский Союз); *субрегиональные* (общий рынок пяти южноамериканских государств МЕРКОСУР); *торгово-экономические* (Организация стран — экспортеров нефти — ОПЭК); *военно-политические* (Организация Североатлантического договора — НАТО); *этнико-политические* (Лига арабских государств — ЛАГ); *религиозно-политические* (Организация Исламская конференция — ОИК); *политико-лингвистические* (Иберийский союз — ассоциация испаноязычных государств); правозащитные (Совет Европы), и тому подобные образования.

В рамках родовой категории «*международная организация*» в научных исследованиях используется ряд конкретизирующих понятий, связанных с современным объединением государств, такие как: «*международно-правовые объединения*», «*государственно-правовые объединения*», «*межгосударственные союзы*», «*межправительственные организации*», «*региональные сообщества*», «*государственные мнения*», «*межгосударственные общности*», «*консолидации государств*» и иные.³

Следуя вышеизложенной классификации в мире сложилась группа тюркских государств, функционирующих на лингвобъединяющих традиций. Конечно же следует отметить фактор политический, культурологический, научно-образовательный, но они выступают пока вторым фоном, а первой – языковой.

На протяжении долгих лет многонациональный тюркский мир, являлся одним из наиболее важных компонентов, лежащих в основе системы международных отношений. В настоящее время политическая активность тюркских государств прямо или косвенно влияет на глобальные процессы мировой политики. Турецкая Республика занимает и всегда занимала особое место в вопросах так или иначе связанных с миром тюркских государств - именно этому региону, где проживает наибольшая часть тюрков, во многом отведена главная роль наблюдателя за процессами, происходящими на тюркском пространстве. Кроме этого, Турция также является одним из самых активных игроков на арене тюркского мира, а ее деятельность во многом определена сетью тюркских организаций, посредством которых проводится масштабная пропаганда националистических идей государства за рубежом.

В Пятигорске сложилась своя научная школа тюркских исследований в составе Вартумяна А.А., Косова Г.В., Панина А.В., которая на протяжении целого ряда лет публикует материалы по истории, географии тюркских направленности. Настоящая статья продолжает традиции представленной школы.⁴

Сегодня Турция заметно старается укреплять позиции на региональной арене, прилагая все усилия к достижению главной цели - занять позицию надрегиональной державы, где тюркский мир, наряду с тюркскими организациями, являются

² Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI в. М.: Логос, 2007. С. 59.

³ Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Межгосударственные объединения: понятие, формы и классификация // Государство и право. 2013. № 3. С. 62—71; Капустин А.Я. Международное право, суверенитет и надгосударственность в современных международных отношениях // Закон. 2015. № 5. С. 38—47; Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации как класс международных структур и как юридический феномен // Государство и право. 2013. № 3. С. 72—79.

⁴ Материалы международного форума «Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государства». – Пятигорск, Издательство ПФ СКФУ, 2021.-Т.1.-328 с., Т.2. -216 с.; Актуальные вопросы социально-гуманитарных дисциплин. Сборник научных трудов / под ред. А.А. Вартумяна, И.В. Круючкова.-Пятигорск: издательство ПФ СКФУ, 2017.-100 с.; Политическая история Турции. Гл.6 Раздел 3. // Новейшая политическая история «Кавказский геополитический узел (1991-2011 гг.)».-Москва: Инфра-М, 2019.-С.335-417.; Политическая история Азербайджана.Гл.5.-Москва: Инфра-М. -С.271-335.

основополагающими объектами в борьбе Турции за такой статус. Все эти устремления продиктованы именно неоосманскими настроениями, которые в свою очередь с недавнего времени стали неотъемлемой частью внешнеполитической доктрины государства. Обращаясь к истории, становится понятно, что «неоосманизм» - это вновь образованная идеология, основанная на принципах османизма, которые в начале XX века определяли позиции «младотурок», недовольных развалом Османской империи и унижительными позициями их государства на мировой арене. На самом деле доктрина османизма возникла гораздо раньше (во второй половине XIX века) и призывала к таким принципам, как равенство наций и развитие империи, однако впоследствии, в ходе изменения баланса сил, трансформации статуса империи, а затем и ее развала, османизм приобрел новые отличительные черты, все более характерные для национализма⁵. Продиктованные Мудросским перемирием, а затем Севрским договором условия, по понятным причинам вызывали массовые волнения в османском обществе, и османизм претерпел значимые изменения, превратившись в более агрессивную идеологию, отражавшую в себе утопичные надежды на восстановление Османской империи и объединение ее народов.

Интересно, что идеология пантюркизма, остающаяся одной из наиболее значимых для тюркского мира вплоть до настоящего времени, зародилась вовсе не в Турции, а в Российской империи и изначально именовалась никак иначе, как «тюркизм». Центральной фигурой тюркизма как идеологического явления стал Исмаил Гаспринский - деятель из Крыма, который одним из первых начал призывать к объединению тюрков России. Несмотря на идейную схожесть понятий «тюркизм» и «пантюркизм», отождествлять две эти идеологии нельзя.

Сегодня Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан - это те пять государств, которые наиболее оказались подвержены влиянию Турции и не случайно. Как уже отмечалось, для государства было жизненно-важно воздействовать на тюркские народы постсоветского пространства и сделать это раньше, чем ее геополитические конкуренты - США, Китай и Иран. Китай остается заинтересован в сохранении своего влияния на территории тюркоязычного Синьцзян - Уйгурского автономного района, ранее именовавшегося Восточным Туркестаном, которую он получил еще в XX веке, а Турция, наоборот, в лишении Китая этой привилегии. Иран ведет активную деятельность в близком с культурной точки зрения Таджикистане, что не может не беспокоить Турцию. Не успевая решать проблемы, связанные с Ираном в своем собственном регионе - Ближнем востоке - для Турции принципиально важно не допускать укрепления Иранской республики в Центральной Азии, а главное - распространения шиитских ценностей на религиозное меньшинство Таджикистана. США - пока еще коллега Турции в рамках Североатлантического Альянса - также стремятся к расширению сфер влияния в Центральной Азии, что в настоящее время также является предметом особого беспокойства для Турции, отношения которой со странами Запада в данный период времени далеки от совершенства.

Именно эти трудности вынуждают Турцию так или иначе контролировать ситуацию в регионе, поддерживая отношения с населяющими его странами. И если, например, с Азербайджаном Турцию на протяжении долгих веков связывают партнерские дружественные отношения, в особенности по ряду политических вопросов (Нагорно-Карабахский конфликт и т.д.), то какие-либо контакты с другими тюркскими державами, например, с Узбекистаном - результат долгой и продуманной политики.

Старания Турции налаживать отношения со странами Центрально-азиатского региона и укреплять там свои позиции были встречены без особого энтузиазма и Казахстаном. Позиция республик постсоветского пространства частично понятна: получив независимость, каждая из них стремилась стать региональным лидером, и появление в этот

⁵ Киреев, Н.Г. История Турции XX век / Н.Г. Киреев.-Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007.608 с.

момент Турции, которая не скрывала своих намерений и активно продвигала идеи пантюркизма, в прямом смысле нарушало их планы. С другой стороны, вновь образованные республики были зависимы от внешних игроков в экономическом плане, иными словами - им не хватало собственных ресурсов для осуществления задуманных проектов, и в этом контексте, некоторые инициативы Турции были как никогда своевременны.

Гораздо лучше отношения у Турции складывались с Туркменистаном, особенно в вопросах экономики и безопасности. Турция являлась одним из главных инвесторов в этой стране, а также Казахстане и Киргизии. Кроме этого, Турецкая Республика была важным игроком на арене тюркских государств с точки зрения обеспечения военной переподготовки и техники - Турция приглашала на военные учения представителей стран Центральной Азии, а также поставляла вооружения многим из них, в том числе Казахстану, Киргизии⁶, а также Азербайджану, который в начале 1990-х годов вел активные боевые действия с их общим с Турцией противником - Арменией. Тем не менее, Турция не ограничивала свое влияние только военно-экономическим сотрудничеством.

Фактически главную роль «посредника» Турции на постсоветском пространстве и одновременно на арене тюркского мира с самого начала ее деятельности в этом регионе играли тюркские организации, которые и представляли собой ту «мягкую силу», посредством которой осуществлялась выгодная для Турции политика по усилению своих позиций. За годы деятельности Турецкая Республика создала более 10 крупных организаций, осуществляющих как социально-политическую, экономическую, так и культурно-образовательную деятельность⁷. Интересно, что на разнообразных культурных организациях и центрах зачастую лежат более ответственные задачи, чем на тех, что несут ответственность за, например, экономическое взаимодействие.

Как правило, миссия каждой из них та же, что и у пантюркистов начала XX века - интеграция тюркских народов. Отличительная особенность заключается в методах, посредством которых эта задача осуществляется. По понятным причинам, основоположники пантюркистских идей были ограничены в своих действиях как государственными режимами, так и отсутствием передовых технологий и других коммуникативно-интеграционных средств, которые в настоящее время являются важнейшими методами формирования общественного самосознания и идеологий. Сегодня, в эпоху цифровых технологий и демократических ценностей, реализация принципов объединения тюркских народов кажется более выполнимой, чем Турция активно пользуется. Кроме сети тюркских организаций на постсоветском пространстве Турцией реализуется деятельность массы интернет-порталов и ряда других СМИ, которые занимаются пропагандой выгодных для страны воззрений. В качестве примера достаточно привести наиболее популярную в России и на пространстве СНГ социальную сеть «ВКонтакте», где зарегистрировано большое количество протурецких сообществ, многие из которых граничат с национализмом или даже шовинизмом⁸.

Однако, к сожалению, политика «мягкой силы» России сегодня еще во многом уступает «мягкой силе» Турции, которая более развита и усовершенствована, в то время как в Российской Федерации она долгое время не считалась эффективным методом воздействия на другие страны и только начала свое развитие. Российское государство всегда справедливо рассматривалось руководством как великая держава, не нуждающаяся в повышении своего имиджа за рубежом посредством проведения мероприятий, которыми активно пользовалась Турция, а мягкую силу в принципе считали неправильным

⁶ Там же С. 87.

⁷ Аватков В.А., Бадранов А.Ш. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России / А. Аватков, А.Ш. Бадранов // Право и управление. XXI.-2013.-№ 2(27).-С. 6.

⁸ Аватков В.А., Бадранов А.Ш. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России / А.Аватков, А.Ш. Бадранов // Право и управление. XXI.-2013.-№ 2(27).-С. 8.

поведением по отношению к другим странам, хотя на самом деле, когда речь идет о мировой политике, о «правильности» говорить не приходится. И если повышение имиджа с помощью «мягкой силы» действительно не являлось первостепенной задачей, то не прямое воздействие на другие страны, в первую очередь на Турцию и страны СНГ, было бы очень уместно, хотя бы с той целью, чтобы восстановить дисбаланс влияния, образовавшийся на постсоветском пространстве. Возможно, если бы у России действительно были какие-то инструменты «мягкой силы» в конце 1990-х или начале 2000-х годов, укрепление Турции на территории стран СНГ если и не удалось избежать совсем, то как минимум воспрепятствовать пропаганде Турцией ее пантюркистских идей получилось бы с наибольшей степенью вероятности. Однако, так как этого все же не произошло, постсоветское пространство сегодня подвержено влиянию Турецкой Республики, целью которой во многом является не помощь «братским» народам, а извлечение собственной выгоды.

Таким образом, в настоящее время Турция не может решить этнонациональные вопросы в пределах собственного государства, но при этом руководство страны по каким-то причинам абсолютно уверено в том, что сможет добиться успехов за его пределами. Экспансионизм, который прослеживается сегодня в политике Турции, отражает ее серьезные намерения добиться не только статуса лидера тюркских государств, но и мировой державы, ведь региональной, по мнению Турции, она уже является. Именно по этой причине сегодня Турция пытается сменить прозападный курс внешней, которого неизменно придерживалась на протяжении стольких лет, на провосточный, забыв о крепкой «дружбе» со странами Запада, включая США. Поэтому Турция показывает миру свою военную силу, проводя приграничные операции на территории Сирии («Щит Евфрата») и Ирака, где Турция пытается вернуть свои исторические земли - Мосул и Киркук, когда-то входившие в состав Османской империи⁹. И именно поэтому влияние и авторитет на арене тюркского мира и пространстве СНГ в частности сегодня важен для Турции, как никогда раньше, и, исходя из серьезности ее планов, мировому сообществу, вероятно, следует ожидать только повышения активности Турецкой Республики в этом регионе.

Сегодня Турецкая Республика - это крайне важная часть системы современных международных отношений и одна из центральных держав не менее значимой подсистемы - тюркского мира. Настойчивость Турции влиять на глобальные процессы и ее непримиримое желание образовать свой собственный «тюркский мир» объяснимы новой политикой турецкого руководства, в соответствии с которой игроки международных отношений больше не рассматриваются Турцией с точки зрения партнерства. Турецкая Республика стремится превратить их во вспомогательный механизм для достижения собственных целей, где многонациональный тюркский мир является одним из важнейших его деталей, а международные тюркские организации - основным инструментом воздействия, определяющим политику мягкой силы Турции. Поэтому, если говорить о сотрудничестве с Россией по внешнеполитическим вопросам, то Турецкой Республике, с наибольшей степенью вероятности, придется отказаться от своих пантюркистских и неосманских идей, так как только при таком условии союз Россия - Турция сможет решить имеющиеся проблемы, достичь общих целей, а сотрудничество станет плодотворным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI в. М.: Логос, 2007. С. 59.
2. Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Межгосударственные объединения: понятие, формы и классификация // Государство и право. 2013. № 3. С. 62—71; Капустин А.Я.

⁹Территориальный вопрос в афро-азиатском мире: коллективная монография / [В.А. Аватков и др.] под ред. Д.В. Стрельцова. - М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2013. - 319 с.

Международное право, суверенитет и надгосударственность в современных международных отношениях // Закон. 2015. № 5. С. 38—47; Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации как класс международных структур и как юридический феномен // Государство и право. 2013. № 3. С. 72—79.

3. Аватков В.А. Неоосманнизм. Базовая идеология и геостратегия в Турции / В.А. Аватков // svom.info - 2014.-№3.-С.71-78.

4. Киреев, Н.Г. История Турции XX век / Н.Г. Киреев.-Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007.608 с

5. Зареванд. Турция и пантунанизм / Зареванд; введ. А.Н.Мандельштама. - Москва: Ключ-С, 2015. -176 с.

6. Тураев В.А. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского государственного университета / isu.ru. - 2016. - №15. — С. 64-76. - Режим доступа: http://isu.ru/ru/publication/izvestia/article.html?article=_9071aca605814436a84b65697517fe5b&journal=_32f2f82777c24e4cabafb2d7c7d7d20a

7. article=_9071aca605814436a84b65697517fe5b&journal = _32f2f82777c24e4cabafb2d7c7d7d20a

8. Барбашин М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. - 2012. - №7. - С. 43-49.

9. Суздалева Т. Р. Советская империя или содружество наций? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2013. - №6. - С. 23-30.

10. Международные организации и урегулирование конфликтов: Учебное пособие / Отв. редакторы Т. А. Закаурцева, Т. В. Каширина. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — 188 с

11. Краткая история Восточного Туркестана //uyghurcongress.org - Режим доступа: <http://www.uighurcongress.org/ru/?p=488> (дата обращения: 10.07.2017)

12. Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета / journals.tsu.ru. - 2009. - №328. — С. 8488. - Режим доступа: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=841&article_id=14109

13. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России /А. Аватков, А.Ш. Бадранов // Право и управление. XXI. -2013.-№ 2(27).- С. 5-11.

14. Аватков В.А. Кризис турецкой идентичности // Политика и Общество. — 2017.-№ 4.-96-103

15. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире: коллективная монография / [В.А. Аватков и др.] под ред. Д.В. Стрельцова. - М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2013. - 319 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН ИЗМЕРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лимарева М.В.

*Соискатель кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Гуманитарного института СКФУ*

*Перед современной системой государственного управления возникает
потребность обладания рядом определенных характеристик как общекультурного, так и*

прикладного характера. В их числе — открытость, способность адекватно реагировать на запросы общества, ответственность, наличие эффективной системы контроля за выработкой и исполнением принимаемых решений, минимизация и бюрократизация системы, низкий уровень коррупции, наличие «обратной связи» между властью и обществом, четкое разграничение функций и полномочий.

Ключевые слова: эффективность управления, политология, политическая культура, государственное управление, модернизационный процесс.

С древних времен ученые подчеркивали обусловленность состояния политической системы общества (ее устойчивость, эффективность) политическими взглядами и ценностными ориентациями людей. В частности, идея о том, что разные формы правления отражают различные добродетели, преобладающие в народе, обеспечивающие стабильность государства, прослеживается в трудах Конфуция, Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Т. Гоббса, Дж. Локка, И.-Г. Гердера, К. Маркса, М. Вебера, А. де Токвиля и др. Несмотря на отсутствие во взглядах выше названных мыслителей системного, комплексного представления о политической культуре (до середины XVIII в. и самого термина), данные работы имели большое пропедевтическое значение, способствуя развитию теоретико-методологических основ в изучении данного феномена, становлению его как научного концепта. Особое место в трудах выше названных философов отводится понятию «добродетель» как «инструменту обеспечения стабильности в обществе», некоей качественной характеристики общества (личности), приоритетной на определенном этапе исторического развития. Конфуций в числе добродетелей выделял «прямоту, справедливость, умение вникать в то, что говорят»; Демокрит дополнил выше приведенный перечень умением «ставить интересы государства выше всего прочего и заботиться, чтобы оно хорошо управлялось; содействовать этому, не применяя силу против справедливости». Аристотель говорил о «рассудительности как единственной отличительной добродетели правителя», о состоянии умов, которые могли повлиять на стабильность общества. В числе качеств, которыми должны обладать высшие должностные лица называл «сочувствие государственному строю, способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью, справедливость».

Применительно к народу добродетелью выступает, с его точки зрения, «лишь правильное служение» Арабский государственный деятель IX–X вв. Аль-Фараби Абу Наср истинным правителем считал того, кто «ставит целью и предметом стремления создание для себя и остальных граждан подлинного счастья; подобным человеком может стать тот, кто соединит в себе 12 врожденных природных качеств — пронизательность ума, прозорливость, любовь к познанию, мудрость, способность хранить в памяти законы, обычаи, изобретательность» и др.

Идея «общего блага» как главной из «гражданских добродетелей» получила продолжение и развитие в работе Н. Макиавелли «Государь», связывалась со способностью государя изменить направление курса под влиянием обстоятельств. Н. Макиавелли среди прочих добродетелей отмечал также «честность», «милосердие», «благочестивость», «верность», «способность вникать в мотивы тех, кто оказал доверие и помощь», знание традиций, опыта прошлого и апелляцию к ним. Особое место в своей концепции Н. Макиавелли отводил роли традиций, обычаев, историческому опыту в политической деятельности, рассматриваемых им как фактор повышения эффективности управления, обеспечения порядка. Вопросы гражданской культуры, гражданских добродетелей личности и общества также оказывались в фокусе внимания мыслителей эпохи Просвещения и Нового времени в целом — Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, П.А. Гольбаха, О. Конта, К.А. Сен-Симона и др. Контекст эпохи способствовал выдвижению на первый план культы разума, знаний, просвещенности как ведущих гражданских добродетелей. Рациональность, просвещенность рассматривалась выше названными

философами также как предпосылка формирования гражданской культуры, участия в общественной жизни; как условие выражения народом общей воли.

Проблемы морально-нравственной стороны общественно-политической жизни, поведения личности, соотношения морали и политики, «честной политики» заняли существенное место в концепциях И. Канта, Д. Юма. В частности, Д. Юм ввел понятие «особая нравственная система», проецирующееся на действия как политиков, так и частных лиц. С морально-нравственной точки зрения Д. Юм порицал обман, нарушение слова, нелояльность по отношению к властям. Особое значение в концепциях мыслителей эпохи Просвещения (П.А. Гольбаха, О. Конта, Ш. Монтескье, И.Г. Гердера) уделялось также проблеме дифференцированного подхода к управлению, «разных путей развития» (термин О. Конта), обусловленных «неодинаковыми дарованиями», природно-географическими, историческими, социокультурными различиями отдельных народов, «одни из которых склонны к воинственности, другие — к торговле, убеждения которых далеки друг от друга». Особая роль в предыстории концепции политической культуры при надлежит И.Г. Гердеру, который впервые использовал термин «политическая культура» для описания общественных нравов и уровня массового сознания греков. В понимании немецкого ученого политическая культура представляет, с одной стороны, уровень развития общественного сознания, отличающийся «умением народа размышлять о своем политическом строе», состоянием «зрелости» в вопросах государственного управления, с другой — совокупность «добродетелей» — качеств, свойств аристократии, позволяющих управлять государством, главная из которых — «обратить свой труд на общее дело, посвятить себя государству».

В XIX в. была продолжена традиция изучения субъективных составляющих политического процесса, разработки идей, составивших впоследствии основу концепции политической культуры в работах А. де Токвиля, М. Вебера и др. В частности, А. де Токвиль использовал понятие «нравы», подразумевая под ними «моральный и интеллектуальный облик народа», «привычку души», рассматривал их как инструмент «извлечения пользы даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов». «Нравы» в концепции А. де Токвиля выступают как прототип (прообраз) политических ориентаций Г. Алмонда. Важной вехой в процессе теоретического осмысления феномена «политической культуры», становления и зарождения предпосылок концептуального подхода к исследованию последней стало творчество М. Вебера, теория «политического господства» которого оказала заметное влияние на представителей западной политологической школы. В частности, можно провести параллели между веберовскими типами господства (традиционным, харизматическим и рационально-легальным) и выделенными Г. Алмондом и С. Вербой патриархальным, подданническим и партисипаторным типами политической культуры.

М. Вебер указывал на дифференциацию моделей рационализации в различных культурах; обусловленность «хозяйственного мышления» этноса религиозной направленностью⁸⁰. Фактически в рамках данной концепции впервые была предпринята попытка выявить закономерности в развитии отдельных этносов, обусловленные сложившейся под влиянием религии системой ценностей. Данное направление исследовательской деятельности, связанное с изучением степени корреляции религиозных ценностей с уровнем социально-экономического и политического развития отдельных государств, получило продолжение в трудах С. Хантингтона, Р. Инглхарта, Л. Харрисона и др.

В первой половине XX в. на базе ранее накопленного исследовательского опыта ряд ученых продолжили заниматься изучением отдельных аспектов политической культуры: Ч. Мерриам сосредоточил внимание на рассмотрении политической культуры в контексте проблемы достижения социальной стабильности; М. Мид исследовал особенности национального характера разных народов. Однако концептуальный, системный подход к изучению политической культуры мы встречаем впервые у американских исследователей

второй половины XX в. Г. Алмонда и С. Вербы. Таким образом, к середине XX в. был создан значительный пласт теоретических разработок в области политической культуры: в результате теоретического обобщения многовекового опыта государственного управления были не только выделены категории, способные обеспечить устойчивость и стабильность политических систем (совокупность морально-нравственных ценностей, «общее благо», справедливость и пр.), но и намечены механизмы (инструменты) повышения эффективности государственного управления; получила теоретическое обоснование идея дифференцированного подхода к управлению с учетом национальных, политико-культурных особенностей социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демокрит. Фрагменты // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М.: Мысль, 1997. 832 с.; С. 82;
2. Аристотель. Политика. Книга 1 // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 111, 124.
3. Аль-Фараби Абу Наср. «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 221, 223, 228.
4. Макиавелли Н. Государь / Пер. с итальян. К.А. Тананушко. Минск: Современный литератор, 1999. 704 с.; С. 83, 100, 266.
5. Гольбах П.А. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 462;
6. Юм. Д. Трактат о человеческой природе // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 413–414, 424.
7. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. И пред. П.С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. 608 с.; С. 109.
8. Гольбах П.А. Указ. соч. С. 463, 466–467, 468.
9. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества: Пер. с немец. И прим. А.В. Михайлова. М.: Изд-во «Наука», 1977. 705 с.; С. 368.
10. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.; С. 220, 225, 233, 237.
11. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и перераб. М.: РОССПЭН, 2006. 656 с.; С. 54–55, 56.

УДК 79; 796

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЗДОРОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Мальшев Д.С.¹, Ващенко О.Е.²

*¹Студент 2 курса школы Кавказского гостеприимства
группы П-ТПО-б-о-192
Пятигорский институт (филиал) СКФУ в г. Пятигорске*

*²Преподаватель кафедры физической культуры
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
в г. Пятигорске*

В статье рассмотрены ключевые аспекты физических упражнений, характеризующих понятие «физическая культура» как комплекс оздоровительных и увеличивающих продолжительность жизни мероприятий; объяснена значимость и необходимость занятия физическими упражнениями в соответствии с физическим здоровьем, а так же даны рекомендации по наиболее правильному принципу укрепления здоровья. Авторы отмечают, что все физические упражнения должны быть нормированы и рационально распределены на каждую группу мышц в соответствии с медицинскими указаниями.

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, укрепление организма, продолжительность жизни*

Под понятием «физическая культура» понимается следующее:

- развитие человеческого организма;
- укрепление иммунитета через закаливание;
- гармоничное развитие тела и физиологических функций организма;
- оздоровительные упражнения для людей в период восстановления;
- обеспечение для организма человека долгих лет жизни и здорового существования.

Физическая культура, по своей структуре, может относиться к определённым видам спорта, но носить абсолютно иные цели. Так, например, для людей, проходивших курс реабилитации после операционного вмешательства необходим комплекс упражнений, который будет восстанавливать и развивать опорно-двигательный аппарат с такой интенсивностью и продолжительностью, которая будет установлена наблюдающим лицом или врачом, прописавшим данные рекомендации.

Следует отличать понятия «физкультурное образование» как подготовку в профессиональных видах спорта от «физического образования» в том смысле, как мы его понимаем, то есть – ведение здорового образа жизни и реализация мероприятий по укреплению, как всего организма, так и отдельных его составляющих: опорно-двигательного аппарата, разных групп мышц.

Сама физическая культура может быть определённым «смыслом жизни» для тех людей, которые хотят посвятить себя, в основном, спортивному образованию, постоянно совершенствуясь и представляя страну на достаточно серьёзных межгосударственных и мировых состязаниях. В данном случае «физическое образование» является основным в плане рода деятельности и нуждается в постоянном совершенствовании и поддержании организма в нужной форме. Неотъемлемыми особенностями спортивной деятельности на основе физкультуры является понятие состязательности, которое является основным катализатором ведения человека данной деятельности на профессиональном уровне и в корне отличается от обычной, физической культуры, которая представлена для обычных людей как оздоровительная и укрепляющая дисциплина.

Продолжительность жизни человека зависит от множества факторов: его генов, принципа жизни, отсутствие или наличие вредных привычек, а так же желания совершенствоваться и укреплять своё тело. При этом следует помнить, что не каждый человек может заниматься определёнными физическими упражнениями ввиду своих физиологических особенностей. В данном случае существует спектр упражнений для развития другой группы мышц, которые не будут приносить вред, как психике, так и организму человека.

Специалисты по оздоровительной физической культуре единодушно утверждают, что в программу занятий надо включать 3 категории упражнений:

1. Аэробные;
2. Направленные на тренировку гибкости;
3. Силовые.

Если человек начнёт активно заниматься физическими упражнениями, то будет чувствовать себя более здорово, энергично, избавится от мышечных напряжений в участках, которые подвержены особо длительному воздействию физических напряжений (мышцы ног, спины). Спустя определённое время внешний вид человека будет изменяться в положительную сторону, что будет свидетельствовать о положительном воздействии нормированных нагрузок гимнастики и разминки. Но, к сожалению, большинство людей уделяет подобным упражнениям слишком мало внимания, что говорит об их незаинтересованности и халатном отношении к собственному здоровью.

После досконального и тщательного изучения воздействия нормированных физических нагрузок на тело человека были сформулированы рекомендации для лиц, желающих вести здоровый и активный образ жизни: ежедневно (или в течение дня, по возможности) человек должен осуществлять в совокупности порядка 30 минут активной физической активности умеренной интенсивности.

Данный принцип весьма эффективен и разнообразен. Так, например, человек может подняться по лестнице за место того, чтобы использовать лифт; носить с собой более тяжёлые предметы (в меру своих сил, чтобы это не приносило дискомфорт и слишком быстрый уход сил), пройтись пешком несколько остановок, а не ехать на машине.

Немало важным фактором всех физических упражнений является то, что абсолютно каждый человек испытывает во время занятия не только усталость, но и моральную удовлетворённость в действиях, ещё к тому же увеличивает свою выносливость.

Выносливость есть один из важнейших факторов существования, позволяющий человеку совершать определённый вид деятельности или упражнения по развитию собственного тела без заметного снижения самой работоспособности организма.

Укрепление иммунитета через закаливание происходит через достаточно долгое время, но является неотъемлемой частью жизни. Благодаря закаливанию человек может совершать разного рода деятельность при особо низких или высоких температурах и при этом не испытывать болезненных ощущений. Ярким примером закаливания являются люди, проживающие на территориях, где стандартной температурой для той местности является от -25 до -45 °С. Но самое главное, что нужно знать о физических упражнениях, закаливающих организм человека, это то, что проводить их нужно постепенно, чтобы человек мог привыкнуть к ним.

Если проводить развитие тела на физическом уровне некорректно и неправильно, использовать упражнения, которые приносят вред здоровью, то это может привести к негативным и отрицательным последствиям. Хотя, при определённых условиях, необходимо учитывать то, что бывают исключения, основывающиеся на индивидуальных особенностях организма человека.

Следует придерживаться нескольких простых правил:

- бегать не каждый день, а с перерывами в 1-2 дня, чтобы организм мог адаптироваться и войти в ритм;
- тренироваться непрерывно на протяжении 20 минут;
- отдавать предпочтение более мягким земляным дорогам, тропинкам, чтобы снизить нагрузку на суставы и возникновение травм при падении;
- бегать вдали от автомагистралей. Это связано с тем, что воздух, вблизи подобных транспортных линий, загрязнён выбросами машин и не может в полной мере обеспечить поступление кислорода в организм, а наоборот – усугубит физическое состояние, может вызвать одышку и другие негативные последствия;
- доверять своему организму. Именно он является регулятором упражнений, только свои собственные ощущения могут максимально точно сказать может человек продолжать занятия или нет, и не повлияет ли это пагубно на его здоровье.

При проведении любых оздоровительных мероприятий необходимо учитывать множество факторов, таких как общее медицинское состояние организма человека на

момент занятий физическими упражнениями, погоду на улице, если занятия проводятся на открытом воздухе, температуру, относительную влажность и т.п. Занятия физической культурой, направленные на подготовку человека, который хочет и планирует заниматься спортом, включает в себя индивидуальный комплекс мероприятий с усиленными физическими нагрузками, которые, в свою очередь, должны проводиться под надзором руководителя или лица, компетентного в данном вопросе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Роспотребнадзор. Оздоровительная физкультура. Влияние на организм человека http://11.rosпотребнадзор.ru/277/-/asset_publisher (дата обращения 10.05.2021).

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Малькевич А.А.

*кандидат политических наук,
доцент, профессор-консультант кафедры рекламы и общественных
коммуникаций филологического факультета,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
e-mail: alexander.malkevich@inbox.ru*

Статья посвящена анализу особенностей политического участия молодежи в Российском политическом процессе.

Ключевые слова: *молодежь, политические ценности молодежи, социальные ценности молодежи, особенности воспитания, политическая культура культуры и менталитет, социально-экономическое положение*

Молодежь как субъект политического процесса и важный фактор социально-политической динамики и трансформации — это явление не только XXI столетия. Молодое поколение в разных странах нередко оказывало существенное влияние на политику, особенно в периоды кризисов, массовых волнений и революций. Это подтверждают события во Франции весной 1968 года, драматические события на площади Тяньаньмэнь, активное участие в политическом процессе и революционном движении российской молодежи во второй половине XIX – начале XX столетия. Во многом это связано с теми особенностями молодежи как социальной группы, о которых мы писали выше, прежде всего — с неустойчивостью ее положения в обществе, а также высоким уровнем радикализации.

Недостаточная вовлеченность молодежи в формальную политику, представляет собой далеко не новый феномен, однако недавние изменения в опыте подростков и молодых взрослых, связанные, в частности, с влиянием процессов глобализации, могут оказать серьезное влияние на формы политического участия. Изменения, происходящие в мире позднего модерна, могут привести к серьезным негативным политическим последствиям. Большая индивидуализация опыта в сфере образования и трудовой деятельности может привести к ослаблению механизмов политической социализации, а опыт безработицы и страх потери работы — к падению уровня доверия к политической системе, росту поддержки крайне правых и крайне левых партий и даже к желанию использовать политическое насилие. Существуют также свидетельства тому, что смещение политической проблематики с заботы о социальной справедливости на неолиберализм и поглощенность вопросами финансовой экономии, привели к отчуждению молодых от национальной политики.

В контексте теории поколений, о которой мы говорили выше, сторонники идеи позднего модерна утверждают, что те социальные изменения, которые произошли за последние десятилетия, влекут за собой не просто количественный сдвиг в политических ориентациях молодежи в «традиционных» рамках, но знаменуют собой фундаментальное качественное изменение политических ценностей, которые определяют политическое участие. Э. Гидденс сделал предположение о том, что в период позднего модерна все больший акцент делается на «жизненной», а не на «эмансипаторской» политике, которая ассоциировалась с традиционным социальным порядком. Если эмансипаторская политика включает в себя борьбу за освобождение и увеличение коллективных жизненных шансов, то жизненная политика представляет собой «политику самоактуализации в рефлексивно организованном окружении». Другими словами, проблемы, связанные с рефлексивным конструированием самоидентичности и образов жизни, включают в себя новый набор вопросов и приоритетов, имеющих политическую природу, но соединяющих индивидуума с миром социального иным образом: прямо, а не опосредованно через коллективное посредничество социальных групп. Необходимо подчеркнуть: Гидденс не утверждает, что в период позднего модерна для эмансипаторской политики вообще нет места. Речь идет о том, что в связи с процессами самоактуализации, поднимающими фундаментальные нравственные вопросы, личностная сфера все в большей степени оказывается связанной с политическими проблемами. Для жизненной политики наиболее важными становятся проблемы охраны окружающей среды, прав животных, то есть как раз то, что сегодня больше всего волнует молодых.

В любых дискуссиях, связанных с политической социализацией молодежи, необходимо учитывать тот факт, что политическое участие может проявляться на разных уровнях. Молодые могут выражать свой интерес к политике без того, чтобы быть активно вовлеченными в деятельность формальных политических партий, они могут участвовать в политических действиях, не голосуя на выборах и не демонстрируя свою приверженность какой-либо политической партии. Они могут многое знать по отдельным политическим проблемам, одновременно оставаясь крайне скептически настроенными по поводу своих шансов оказать реальное влияние на принятие соответствующих политических решений. Более того, они могут участвовать в действиях, которые являются политическими в широком смысле этого слова, не проявляя никакого интереса и не будучи никоим образом включенными в эмансипаторскую политику. Как было сформулировано одним из молодых активистов, «существуют вещи, которые мы делаем каждый день, являющиеся крайне политическими, такие как поездка на метро, а не в своем автомобиле, или покупка кофе, за который была выплачена сборщикам справедливая цена, или съедание мандаринов из Марокко — все это политические действия».

Таким образом, несмотря на то, что молодые люди могут быть в меньшей степени вовлечены в формальную политику, они выражают обеспокоенность более общими проблемами, которые также могут трактоваться в качестве политических. Они часто вовлечены в кампании, нацеленные на решение какой-то одной конкретной проблемы, рассматриваемой молодыми, как имеющей непосредственное отношение к их собственной жизни. В этом плане представляется мало обоснованной точка зрения постмодернистов, рассматривающих политические приоритеты молодежи в качестве свидетельства их перехода к «пост-материальным» ценностям или исчезновения эмансипаторской политики. В действительности можно говорить о том, что на некоторых уровнях политические ценности молодого поколения не столь уж резко отличаются от ценностей их предшественников.

Специфика участия (как и безучастия) молодежи в российском политическом процессе обусловлена самими особенностями развития российского общества и политической системы на современном этапе. Эксперты подчеркивают, что молодежь сегодня в общей своей массе безучастна к ограничению возможностей политического

участия и влияния. Политическая активность молодого поколения в России определяется множеством факторов, среди которых — политические и социальные ценности молодежи, особенности воспитания, политической культуры и менталитета, социально-экономическое положение тех или иных групп молодежи и т.д. Стоит также согласиться с М.С. Комаровой, что одним из определяющих факторов политического участия российской молодежи является психологический аспект, связанный с тем, что многие молодые граждане не верят в свою возможность оказывать влияние на решение политических проблем, даже будучи включенными в партийные структуры.

Сегодня представитель молодого поколения в России, готовый к реализации той или иной формы политической активности, по сути, стоит перед выбором: принять участие (выразить мнение, позицию и т.п.) в провластной либо в альтернативной — протестной, оппозиционной — акции. Это является следствием как общего уровня политической поляризации российского общества, так и в целом — целенаправленного сокращения возможностей для политизации и сужения публичного пространства для открытой политической дискуссии. Политической элите на данный момент удалось создать социальные лифты для наиболее активной молодежи, которой стратегически выгодно делать политическую карьеру в молодежных парламентах или молодежных правительствах, созданных при органах исполнительной власти, а не участвовать в протестах, незаконных акциях и движениях, которые могут повлечь за собой неприятности в будущем. Создаются различные организации, выступающие под лозунгами думающей и активной молодежи, а также организации, являющиеся молодежными ячейками парламентских партий. Помимо всего прочего, для предотвращения возникновения оппозиционных настроений среди молодежи проводятся различные акции, используются площадки молодежных форумов, конференций, создаются молодежные избирательные комиссии.

Одна из характеристик современной российской молодежи — это усиление ее протестной активности, которая формируется под воздействием определенных факторов, с целью приведения в действие, а также использования для достижения как собственных, так и общественно-политических целей. Е.Ю. Кирюхина отмечает, что сам протест в молодежной среде проявляется в следующих формах:

— протест, адресованный представителям государственной власти (*политический протест*). Ключевым фактором такой формы протеста является стремление изменить политическую ситуацию; иногда целью политического протеста является масштабная трансформация политического курса или политической системы (как в случаях с революциями);

— *социальный протест*, причинами которого чаще всего выступает недовольство сложившейся социальной ситуацией и который направлен на решение острых социальных проблем: неравенства, несправедливости, дискриминации и т.п. Часто такая форма протеста является результатом гражданской позиции его инициаторов и участников;

— *экономический протест* вызывается недовольством происходящим в экономике страны / региона; он обычно направлен против низкой заработной платы, высокой инфляции, роста цен, плохих условий труда и т.п.;

— *культурный протест* обычно вызывается негативной реакцией на какие-либо события в культурной жизни, которые вызывают «эстетическое», «культурное» или «духовное» возмущение граждан;

— *статусно-ролевой протест* обычно не носит массовый характер и инициируется социальными группами, находящимися в дискриминируемом положении (женщины, молодые специалисты и другие).

Молодежь как субъект политического процесса может быть типологизирована следующим образом:

1) *политические активная молодежь*, чья деятельность носит позитивный характер;

2) *политически активная молодежь, деятельность которой носит деструктивный характер;*

3) *политически неактивная молодежь, отношение которой индифферентна к актуальному политическому процессу.*

Несомненно, одним из факторов формирования протестных настроений в молодежной среде является высокий уровень социальной, экономической и политической неопределенности, который особенно характерен для представителей этой возрастной группы. Политические настроения молодежи часто зависят от характера изменений в обществе и государстве: позитивные изменения, дающие возможности для самореализации, творчества и карьеры, повлекут за собой рост лояльности молодых людей к действующей власти, тогда как негативные социально-экономические и политические тенденции станут почвой для роста протестных настроений молодежи.

На наш взгляд, современная российская молодежь как протестный субъект политического процесса подразделяется на несколько типов:

1) *внесетевые субъекты, которые принимают участие в протестных акциях;*

2) *сетевые агенты, которые являются инициаторами политических акций и движений и которые целенаправленно стимулируют рост протестных настроений, используя сетевую модель политической коммуникации: такими агентами могут быть различные политические «тролли», хакеры, модераторы онлайн-сообществ и групп в мессенджерах;*

3) *молодые люди, которые не принимают активного участия в протестных уличных акциях, однако постоянно «погружены» в политическую повестку, являются инициаторами и / или активными участниками политических дискуссий и обсуждений, следствием чего становится формирование их гражданской позиции.*

Необходимо отметить важность такого явления, как политический абсентеизм российской молодежи. Современную российскую молодежь от массового политического участия удерживают факторы, среди которых наиболее значимыми являются психологическая неуверенность в собственных силах, отсутствие мотивации и пассивность, недостаточный уровень образования и профессиональных компетенций, наличие более важных целей на пути к собственному благополучию, приспособленчество.

«Болезнь» поколений Y и Z, как мы отмечали выше, часто интерпретируется как растущая политическая апатия и отстраненность от политической деятельности, которые ведут к ослаблению демократического гражданства во многих странах мира.

Противоположной этой концепции является концепция «безразличного гражданина», в которой представляется другое толкование осуществляющихся в обществе молодежи изменений, которому присвоено название «культурного сдвига» политического молодежного участия. Эта другая точка зрения содержится в том, что современная молодежь заинтересована в политике не меньше, чем предыдущие поколения. Дело в том, что установившиеся формы политического членства более не осознаются в роли необходимых и возможных для выражения обеспокоенностей, имеющих непосредственную связь с культурой молодых людей. Данная концепция предполагает, что даже не столько молодежь не проявляет интерес к политике, сколько политические лидеры оказываются далекими, увлеченными своими делами и проблемами, и вследствие этого они не могут соответствовать опыту молодежи, который складывается у нее в условиях постоянно меняющегося социального и культурного мира. Наиболее наглядно это ощущается по той пропасти, которая сформировалась между общепринятым стилем политической коммуникации, характерным для политиков, и нацеленным на более современные методы общения жизненным опытом молодежи, имеющим своей отличительной чертой социальные модели нарастающего темпа изменений, мобильности, индивидуализации и консьюмеризма.

Последователи концепции культурного сдвига предлагают некоторые интересные идеи в отношении средств, которые способствуют политической социализации молодежи в пределах того медийного окружения, помогающие формировать различные стили жизни, личностную открытость и самопомощь. Парламентская полемика и политические дебаты в пределах конгрессов и конференций, кабинки и урны для голосования, ограничения, предписанные социально–классовой ориентацией партийной принадлежности в резкой форме противопоставляются с самовыражением, поддерживаемым социальными сетями – сообщениями как потенциальными средствами повышения уровня политического участия молодежи. К тому же, в социальном мире, в котором реалити, ток шоу и знакомства со звездами создают гораздо шире аудиторию, чем гражданские и политические ассоциации, такие социальные сети имеют возможность предоставить тему для дискуссий и понимание политики, имеющей непосредственную связь с образами жизни, основывающимися на сексуальности, равенстве, консьюмеризме, внешней среде, гендерной эквивалентности. Вследствие вышесказанного, стоит отметить оценку нынешнего «поколения Интернета», как первооткрывателей находящейся в развитии технической и политической культуры. Молодое поколение с первых дней жизни имеет связь с различными цифровыми технологиями, проводит больше времени общаясь в виртуальном мире, чем в реальном, пользуется блогосферой и бесконечно передает друг другу изображения и звуки. Все это приводит к тому, что молодежь считается немаловажным актором образующихся параметров управления демократией в нынешнем обществе.

Согласно концепции безразличного гражданина, такого рода культурный сдвиг расценивается с некой усмешкой. Изменения социального и технического характера, происходящие в современном мире, не отрицаются, но в то же время, считается, что существенность очень сильно приукрашено, и, вследствие этого, не считается нужным переход на новый политический стиль. Взамен этого последователи данной концепции считают лучше пользоваться новыми СМИ как еще одним каналом политического общения для молодежи, социализирующих их в качестве имеющихся политических институтов и практик. Сейчас существует тенденция проектирования веб сайтов, подкастов и дискуссионных форумов онлайн таким образом, чтобы сделать их более доступными для коммуникации среди политиков, представителей политических партий и деятелей сферы образования с молодыми людьми. В жизни же комбинация школьного образования и целого перечня инициатив, основанных на применении информационных технологий, стала предсказуемым ответом на испытываемую Западом гражданскую холодность и безучастие среди молодых людей во многих странах. Кроме всего прочего с участием политиков на ток–шоу, которые свидетельствуют об их причастности молодежной культуре, немного еще необходимо от политических деятелей для воссоединения с молодыми людьми современного общества.

Ученые неоднократно пытались объяснить феномен «безразличного гражданина» и выявить причины политического абсентеизма. Пожалуй, наибольшую популярность получила трактовка Р. Патнэма, изложенная им в уже упомянутой работе «Боулинг в одиночку» . Он предлагает поразительные доказательства в поддержку своей идеи, что инициативное гражданское участие или «социальный капитал» благосклонно влияют на собственное здоровье, образование, безопасность и перспективы трудоустройства. Занимательно то, что Р. Патнэм считает виноватыми, в первый очередь, СМИ, которые содействовали тому, что американцы вместо того, чтобы быть непосредственными участниками политической жизни государства, претворились в обыкновенных зрителей, наблюдающих за тем, что случается в мире перед экранами своих телевизоров дома.

Все вышесказанное в определенной степени актуально и для современной российской молодежи. Мы полагаем, что государству необходимо принять ряд мер, которые будут способствовать росту конструктивного политического участия молодежи, в том числе — принятию участия в электоральных процессах. К таким мерам можно отнести:

- активизацию разработки и проведения мероприятий, направленных на повышение политической социализации молодого поколения;
- широкое освещение в СМИ и новых медиа работы исполнительной и законодательной власти по реализации направлений молодежной политики;
- формирование демократической политической культуры, становление институтов гражданского общества и правового государства;
- укрепление духовных основ российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. При написании данного раздела диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее: Малькевич А.А. Политическое неучастие и СМИ в контексте социо-культурных изменений // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды III Международной научно-теоретической конференции / СПбГПУ. СПб., 2010. С. 172–179.
2. Breakwell M. Coping with Threatened Identities. N.Y., L.: Routledge, 1986; Banks M., Ullah P. Youth unemployment in the 1980s: Its psychological effects. L.: Croom Helm, 1988.
3. Adsett M. Changes in political era and demographic weight as explanations of youth ‘disenfranchisement’ in federal elections in Canada, 1965–2000 // Journal of youth studies. 2003. No 6. P.27-46.
4. Giddens E. Op. cit. P. 214.
5. Abramson P., Inglehart R. Value change in global perspective. Michigan: Michigan University Press, 1995; Bomberg E. Green Parties and Politics in the European Union. L.: Routledge, 1998.
6. Gauthier M. The inadequacy of concepts, the rise of youth interest in civic participation in Quebec // Journal of Youth Studies. 2003. No 6 (3). P. 265–276.
7. Inglehart R. The silent revolution in Europe: Intergenerational change in postindustrial societies. //The American Political Science Review, N.65(4), 1971. P.991-1017; Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
9. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 11.
10. Белый В.А. Анализ политической активности современной российской молодежи // Молодежь в меняющемся мире: вызовы современности. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 2017. С. 18–26.
11. Комарова М.С. Участие молодежи в политическом процессе российского общества: поиск приоритетов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. Вып. 2. С. 279–282.
12. Кирюхина Е.Ю. Эволюция молодежного политического протеста в современной России: от уличных акций к социальным сетям // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14). С. 38-45.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ НА АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Манилов А.С.¹, Сыроваткин В.И.²

^{1,2}*Исторический факультет, группа ВИ-ИГ-4-1
Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир*

Данная статья посвящена изучению влияния культуры потребления на отдельные аспекты жизни американского общества во второй половине XX в., таких как взаимодействие членов семьи, трудовую сферу и сферу досуга.

Ключевые слова: культура, потребление (консюмеризм), глобализация, «человек потребляющий», капитализм, протестантизм, постиндустриальное общество, традиционное общество, досуг, среда потребления.

Начиная с самой зари своего существования человек тем или иным способом старался осваивать окружающий его мир, подстраивая его под свои нужды и потребности, потребляя природные ресурсы. В ходе своего развития человеческое общество формирует ту отличительную черту, которая в дальнейшем будет оказывать на его развитие огромную роль – человеческую культуру.

В XX в. после ряда научно-технических революций культура начинает свою интеграцию с экономикой, порождая на свет принципиально новое направление в культуре – культуру потребления, которая и по сегодняшний день активно воздействует на человека, в значительной мере определяя его поступки и моральные ориентации, влияя на быт и повседневность, а также формируя новые ценности, что, в свою очередь, уже становится, в определённом смысле, новой человеческой идеологией.

Определённые предпосылки зарождения культуры потребления можно проследить еще в Англии XVIII в., где взявший верх протестантизм во многом способствовал переносу такого понятия как «накопление материальных благ» из сферы запрещённой, в сферу «угодных Богу», что во многом давало размах для деятельности, в первую очередь аристократии, а затем уже и большинства жителей. С развитием единых государственных рынков этот процесс приобретает всё более широкий размах.

Америка же, как одна из колоний Англии в то время так же перенимает зачатки потребительской культуры, интерпретируя её под свои реалии и развивая вплоть до сегодняшнего дня.

В первые же десятилетия XX в. преобладающей моделью потребления была модель, которая основывалась на мифе об «американской мечте». Она включала в себя свой собственный дом, автомобиль и бытовые приборы, а убранство семейного стола позиционировалось как показатель успеха той или иной семьи. Во многом, эта модель среды потребления была наименее пагубной, поскольку образ счастливой семьи, как часть этого мифа оказывала положительное влияние на ценностные ориентиры общества.

Однако на деле образ счастливой семьи так и оставался образом, поскольку каждый из членов семьи уже не мог полноценно взаимодействовать с другим. Отец должен был активно строить свою карьеру и зарабатывать деньги, чтобы обеспечивать возрастающие потребности своей семьи; мать должна была играть роль порядочной домохозяйки, посвящая себя улучшению убранства дома, познанию новых модных тенденций и саморазвитию. К концу века американские социологи назовут это явление «бездомность по-новому» – когда все члены семьи находятся в одном доме, но не контактируют друг с другом поскольку каждый занят своим потреблением: дети играют в новые игрушки и видеоигры, отец смотрит телевизор или читает газету, а мать болтает с подругой по телефону. Это приводит к тому, что даже находясь под одной крышей, люди контактируют не друг с другом, как это было принято раньше, а с потребительской средой, а уже через неё – с другими людьми.

Но стоит заметить, что уже в середине XX в. учёные начали отмечать значительные изменения в обществе, в частности, связывая их с проблемами кризиса ценностей, произошедшего из-за бурного и беспрепятственного развития культуры потребления. Новые принципы среды потребления, основанные на постоянном поиске новых товаров, оспаривают само понятие материального, заставляя человека через поиск и получение всё

новых и новых товаров и их демонстрацию окружающим подтвердить свою привязку к материальному миру. В этом случае на первый план выходят уже не социальные взаимосвязи людей, а их потребительская деятельность, заменяя субъект-субъектные связи субъект-объектными, находясь сразу в двух позициях – и как субъект потребления, и как его же объект.

Всё это, так или иначе, приводит человека к потреблению ненужных товаров, псевдокультурных достижений, растрате времени и денег за поиском развлечений и новых ощущений, всё реже люди хотят брать на себя ответственность как за свои поступки, так и о заботе над своими близкими. В это время необычайно возрастает роль и влияние телекоммуникаций как основного транслятора новых потребительских ценностей, в которую вкладывают значительные средства, которые к концу века будут насчитывать 160 млн. долларов в год.

Благодаря им, а в частности, кинематографа, формируются новые идолы потребительской культуры, которые обладают «особым» чувством вкуса и стиля, на которые должны равняться все остальные чтобы почувствовать себя причастными к «высшим слоям» общества. Это приводит к тому, что человек начинает потреблять те предметы, которые оказываются ему не по карману, заставляя его экономить на жизненно важных потребностях в угоду стилю. Невозможность же позволить себе такие предметы начинает приводить к некоторой изоляции такого человека от основной массы, что, в свою очередь проявляется в росте чувства безнадежности и безысходности. Противоположной стороной, но приводящей к тому же результату, становится чрезмерное стремление обогатиться ради достижения «особого статуса», либо для обеспечения «достойного» уровня проживания себя и своих членов семьи, что выливается в хронические переработки и формированию «невроза выходного дня» – состоянию опустошенности после трудовой недели, которое уже невозможно снять обычными способами отдыха.

Отличительной чертой второй половины XX в. стало воздействие не только на взрослое поколение – тотальная коммерциализация начинает затрагивать и интересы молодежи и даже детей, формируя для них уникальную среду потребления. Так, А. Дёрнинг приводит следующую статистику на период начала 1990 гг.: «Американские дети и тинэйджеры просматривают около 3 часов рекламных роликов в неделю – 20 тысяч роликов в год, что составляет примерно 360 тысяч рекламных роликов к моменту окончания школы. Стоимость «детского» рынка в 1990 году составила 75 миллиардов долларов, затраты компаний на «детский» маркетинг – 500 миллионов долларов, что в пять раз больше, чем в предыдущее десятилетие».

Самое же громадное влияние культура потребления оказала на труд человека, постепенно подменяя одни понятия другими и положительные ценности – потребительскими. В первую очередь это связано с тем, что для культуры и общества потребления основным видом деятельности становится развлечения и их поиск, а потому старый порядок, который основывался на престижности труда и порицал уклонение от него необходимо было менять. Благодаря получившим большой размах СМИ начинает транслироваться новый стиль жизни, который не привязан к определённому социальному статусу, а как бы «создаётся» самим человеком в ходе потребления символов данного статуса, тем самым делая иллюзорный образ желанного статуса. При этом культура потребления создаёт биполярную структуру труда – маркером элитарности становится большое количество свободного времени, проводимого в развлечениях и празднествах, но при этом, чтобы среднестатистическому человеку позволить себе такой стиль жизни необходимо чрезмерно много трудиться, зачастую на низкооплачиваемых должностях.

Но из-за того, что человек вынужден больше времени проводить в работе происходит своеобразное отдаление от досуга, поскольку теперь культура потребления устанавливает и формы «правильного» досуга. Данные формы не несут в себе досуговой деятельности как таковой, они лишь показывают его внешние проявления, превращая его из

отдыха в очередную работу, но уже над самим собой, поскольку появляется необходимость соответствовать установленному «стандарту», а сам досуг приобретает демонстративный характер. Ярким примером такого досуга может стать распространённый в Америке такой вид досуга, как игра в гольф, который из непринуждённого времяпровождения превратился в один из механизмов достижения карьерных и жизненных благ. Перед большинством партий производится анализ игроков, кто и на что может повлиять (если это корпоративный досуг), а непосредственно во время игры человек не столько погружается в процесс расслабления, сколько заводит необходимые для достижения цели разговоры и знакомства.

На фоне этого явления неизменно протекает иное – формирование новой установки под названием «всё для человека», где блага достигаются не упорным и продуктивным трудом, а должны быть предоставлены даром.

Всё это привело к формированию нового типа человека, который учёные называют человеком-потребителем или «*homo consuming*», также именуемого как «человек масс» или «человек молчаливого большинства», для которого становится характерным:

- не критичность и несамостоятельность мышления вследствие «информатизированности» (влияние масс-медиа) сознания, снижение интеллектуальных способностей, прагматизированный и утилитарный характер восприятия окружающей действительности, вызывающий кризис рафинированных форм неутилитарного мышления, обедненность и «размытость» идеально-ценностных когнитивных моделей;

- инфантилизация психики, подавление волевого начала в пользу эмоционального, ослабление способности к самоограничению и самоконтролю, вызывающее пассивность личности и зависимость от различных внешних стимуляторов и раздражителей, эгоизм как доминантная психологическая установка;

- фрагментарный характер мировоззрения, отсутствие стойких убеждений неутилитарного характера, боязнь, игнорирование или отрицание проблемы смысла жизни, эгоистический индивидуализм выступает в качестве одной из базовых мировоззренческих установок. Моральные нормы и ограничения размыты, в морали, в целом, выражен гедонистический элемент, подразумевающий императивное эгоистическое стремление к комфорту и наслаждениям;

- обеднение социальных связей вследствие гипертрофированного индивидуализма, тенденция к трансформации имеющихся «первичных связей» в связи обменного типа;

- основу образа жизни составляет потребление, выступающее в роли базовой поведенческой установки по отношению к любым взаимодействиям с социальным и материальным окружением.

При этом также стремительно и неизбежно меняется всё окружение человека, начиная от общественной культуры и заканчивая бытовыми мелочами. Постепенное превращение всего этого в товар в большинстве случаев негативно сказывается на самом человеке, загоняя его в те рамки, которые были для него нехарактерны на протяжении веков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Комикс» // «Википедия. Свободная энциклопедия» [электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 14.12.2020);

2. Durning A.T. «An Ecological Critique of Global Advertising» // *Environmental Ethics. Readings in Theory and Application* / ed. by P.L. Posman, L., 1994;

3. McKendrick N, Brewer J., et al. «The Birth of a Consumer society: The Commercialization of Eighteenth-Century England», London: Hutchinson, 1983;

4. Барт Р., «Мифология», М., 1972;

5. Вебер М. «Протестантская этика. Ч. 1». М., 1972;

6. Леви-Стросс К., «Структурная антропология», М., 2001;

7. Павлов И.П. «Коллекционирование и рефлекс цели. Сообщение на III съезде по

экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 года». [электронный ресурс]. – URL: <http://dugward.ru> (дата обращения 20.12.2020);

8. «Общество потребления» // «Википедия. Свободная энциклопедия» [электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 04.10.2020);

9. Brewer J., Porter R, eds, «Early Modern Conceptions of Property», 1994;

10. Campbell C. «The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism». Oxford: Blackwell, 1989;

11. Stearns P. «Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire». London, 2001;

12. Андреев А.Н. «Культурология. Личность и культура», Минск, 2005;

13. Батюта Е. А. «Трансформация «человека потребляющего» при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу» : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Екатеринбург, 2008;

14. Бауман З. «Возвышение и упадок труда» // Социс. 2004. № 5. С. 77-86;

15. Белл Д. «Культурные противоречия капитализма». М., 1990;

16. Беньямин В. «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости». М., 2000;

17. Бжезинский З. «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы». М., 2000;

18. Бодрийяр Ж. «Общество потребления: Его мифы и структура», М., 2020;

19. Васильчук Ю.А. «Социальное развитие человека в XX в. Фактор культуры», М., 2003;

20. Васильчук Ю.А., «Теории трансформации экономики и общества», М., 1998;

21. Глезерман Т.Е. «Классы и нации». М.: «Прогресс», 1979;

22. Горбунова Л.И. «Постмодерн как тенденция развития культуры XX века». М., 2011;

23. Гуревич П.С. «Буржуазная идеология и массовое сознание». М., 1980;

24. Давыдов Ю.Н. «Искусство и элита». М., 1966;

25. Ильин А.Н. «Культура потребления как фактор управления трудом». М., 2015;

26. Ильин И. П. «Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа». - М., 1998;

27. Ключанова Л.Г. «Частное коллекционирование как явление современной культуры» / Обсерватория культуры. – 2015.-№ 2. – с. 74.;

28. Козловский В.В. «Общество потребления: социальные и культурные обоснования», под ред. В.В. Козловского, А.В. Дука, А.О. Боронеева. СПб., 2011;

29. Колбер Ф. И. «Маркетинг культуры и искусства», под ред. М. Наймарк. М., 2004;

30. Костина А. В. «Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 2-е». - М., 2005;

31. Кузнецов Д.А., «Человек в обществе потребления», М., 2010;

32. Куренной В. «Общество потребления», СПб., 2015;

33. Леонтьев К. «Средний европеец как идеал всемирного разрушения». М., 2007;

34. Макарова Е.А. «Коллекционирование как форма демонстрационного потребления». М., 2020;

35. Мак-Илрой Э. «Культура и бизнес. Путеводитель по фандрейзингу». М., 2005;

36. Марчук Н.Н. «Большой толковый социологический словарь. В 2х томах. Том 2», М., 2001;

37. Межуев В.М. «Поведение потребителей». М.: «Дашков и Ко», 2008;
38. Напсо М.Д. «Мода в обществе потребления». М., 2016;
39. Николаева Е. «Человек потребляющий: культурологические аспекты антропологии». [электронный ресурс]. – URL: [http:// www.ethnonet.ru](http://www.ethnonet.ru) (дата обращения: 19.10.2020);
40. Ортега-и-Гассет Х. «Восстание масс», М., 2016;
41. Поликарпов В.С. «Закат Америки». Таганрог, 1999;
42. Понукалина О.В. «Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик». С., 2011;
43. Пуськов В. В. «Краткий фотографический справочник». М., 1952;
44. Саломатин А.Ю. «Формирование индустриального общества в США, последняя треть XIX в.». М., 1997;
45. Самарская Е. А. «Подъем и упадок индустриального социализма». М., 2007;
46. Сиземская И.Н. «Диалектика материального и духовного производства». М.: «Знание», 1978;
47. Снежинская М.Г. «Музыкальная индустрия как социокультурный феномен». М., 2019;
48. Соловьёв А.В. «Общество потребления и движение контркультуры в США во второй половине XX века». Рязань, 2011;
49. Сорокин П. А. «Человек, цивилизация, общество». М., 1992;
50. Фром Э. «Иметь или быть?». М., 2016;
51. Фурс В. «Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра». [электронный ресурс]. – URL: [http:// www.philosophy.ru](http://www.philosophy.ru) (дата обращения: 19.10.2020);
52. Хагуров Т.А. «Массовая культура в обществе потребления». М., 2007;
53. Цукер А. «Массовые музыкальные жанры в контексте культуры». С., 2001;
54. Шестаков В.П. «Мифология XX-го века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры»». М., 1988.

ЭКСТРЕМИЗМ, КАК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Манукова М.А.

*Аспирант института международных отношений
Пятигорский государственный университет*

В данной статье автор рассматривает феномен «экстремизма» как политологическую категорию. Проводится сравнительный анализ понятий «терроризм» и «радикализм».

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, радикализм.*

В последние годы в научной общественной науке широкое распространение получила тема безопасности. Особое внимание при этом уделяется проблеме информационной безопасности, поскольку самым главным товаром (ценностью) становится именно информация. Сам термин «информационная безопасность» обозначает воздействие ограничений на распространения нежелательных данных. И в этой связи возникает целая группа вопросов и проблем, которые непосредственно связаны с качеством информации и режимом доступа к ней. Тем более что в научном сообществе широкое

распространение получил также концепт теории информационного общества, как общества основанного на соответствующих духовно-нравственных ценностях.

Традиционно (Д. Белл, М. Янг и др.) информационное общество (часто называемое «интеллектуальным обществом») – это новый уровень развития цивилизации, основным продуктом которого являются знания и информация, а ключевым элементом которой является человек. Сегодня всеми признается, что информатизация общества и сфер государственного управления призвано обеспечить информационную безопасность своих информационных систем и связанной с ними инфраструктуры.

Тема безопасности стала одной из краеугольных проблем в условиях роста угроз и вызовов. Как считает Ецзюнь Ву и Фансун Мэн, понятие «безопасность» не имеет точного и общепринятого определения, оно связывается с сохранностью, защитой и угрозой. Сам термин «безопасность» подразумевает «невозможность нанесения вреда кому-нибудь или чему-нибудь вследствие проявления угроз». В настоящее время безопасность приобретает многостороннее значение, становясь при этом в некотором роде глобальной. В последние годы особое внимание теме информационной безопасности государства, что обусловлено влиянием информатизации на все основные сферы человеческой деятельности.

В XXI веке роль информации увеличивается, что обусловлено ростом числа участников информационных правоотношений, а значит и потребителей информации. Сегодня большинством экспертов признается, что «информация – это мощнейший инструмент, позволяющий оказывать влияние на человека и общество. Владелец большого количества информационных данных по определенному вопросу имеет преимущество перед другими людьми». От себя к этому добавим, что речь, скорее всего, должна идти не столько об объеме информации, сколько о качестве стратегически значимого знания.

По мнению российских экспертов, информационную безопасность следует рассматривать в контексте следующих признаков, среди которых выделяется состояние и свойство управления угрозами и опасностями. В частности отмечается, что именно эти признаки обеспечивают избрание наиболее оптимального пути устранения и снижения влияния негативных последствий, в том числе в государственно-информационной деятельности.

В различных документах Организации Объединенных Наций зафиксированы три основные угрозы информационной безопасности государства, которые являются исторически общепризнанными: 1) это угроза использования в качестве информационного оружия информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях; 2) угроза применения в террористических целях; 3) угроза – киберпреступления, включая неправомерный доступ к компьютерной информации, а также создание и распространение различных вредоносных программ.

Понятие «информационная безопасность» была впервые закреплена российским законодательством еще в 1992 г., призванного обеспечить государственную безопасность Российской Федерации. В российском законодательстве термин «информация» определен как сведения, передаваемые друг другу людьми письменным, устным или иными способами. В 2008 г. в РФ вводится понятие информационной безопасности как состояние защищенности информации, при котором обеспечены ее конфиденциальность, доступность и целостность.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (2000 г.) Российская Федерация определяется как государство, защищающее свои национальные интересы (совокупность сбалансированных интересов государства, общества и личности). Хотя понятие «защита» является ключевым для определения информационной безопасности, решение вопросов киберразвития также входит в перечень национальных интересов в области информации.

Помимо этого, существует также федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», который, как бы это не было очевидно, устанавливает нормы права и регулирует «отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации».

В 2008 г. в России была принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации». В этом документе продолжалась разработка развития «Доктрины информационной безопасности России» и четко воплощалась парадигма развития в качестве парадигмы информационной безопасности. Стратегия включает в себя ключевые задачи информационного развития, которые должна выполнять информационная безопасность Российской Федерации:

- предоставление высококачественных услуг на основе телекоммуникационной и информационной инфраструктурах, и обеспечение предоставления технологий и информации для общества;

- повышение качества здравоохранения, социальной защиты населения и образования за счет использования информационно-коммуникационных технологий;

- развитие российской экономики за счет динамичного использования информационно-коммуникационных технологий;

- совершенствование системы государственных гарантий и улучшение конституционных прав и свобод человека в IT-сфере;

- повышение уровня эффективности государственного управления и местного самоуправления, подготовка квалифицированных кадров в области информационно-коммуникационных технологий, улучшение качества взаимодействия гражданского общества и бизнеса с государственными органами государственной власти, а также развитие науки, техники и техники;

- сохранение и защита культуры многонационального народа Российской Федерации, развитие системы культурно-гуманитарного образования, укрепление нравственно-патриотических приоритетов в общественном сознании;

- противодействие использованию потенциала информационно-телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России.

Для настоящей работы принципиально важным будет выяснить смысловое значение таких понятий, как «конфиденциальность», «целостность», «доступность»... Как правило, «конфиденциальность» понимается, как состояние информации, при котором доступ к ней осуществляют только субъекты, имеющие на него право; «целостность» – состояние информации, при котором отсутствует любое ее изменение либо изменение осуществляется только преднамеренно субъектами, имеющими на него право; «доступность» – состояние информации, при котором субъекты, имеющие право доступа, могут реализовывать его беспрепятственно.

При этом под *угрозой информационной безопасности* принято понимать совокупность неких условий и факторов, создающих потенциальную или реально существующую опасность нарушения безопасности информации. Под информационной атакой понимается попытка реализовать угрозу, а предпринимающий эту попытку - злоумышленником. Потенциальные злоумышленники называются источниками угрозы.

В данном вопросе важным является учитывать непосредственное расположение источника угрозы по отношению к исследуемой информационной системе. Атака может быть как против самой информации, так и против ее системы (программу, инфраструктуру и т.д.). Поскольку угроза носит комплексный характер, ее решение предполагает такой же комплексный подход.

В политической истории России впервые об информационной безопасности на государственном уровне задумались во времена Петра I. С декабря 1702 г. в России стала

издаваться первая настоящая газета «Ведомости», которая стала фактически печатным органом государственной власти. В отличие от западных аналогов (которые издавались частными лицами), эта газета была сформирована в соответствии с царским указом. «Ведомости» были призваны распространять пропаганду внутренней и внешней политической деятельности государства. И в дальнейшем эта традиция сохранялась и дошла до нашего времени с незначительными функциональными изменениями.

Информационная безопасность имеет несколько определений. Чаще всего под ним понимается сфера обеспечения защиты, противопоставленную информационной войне.

Отечественные специалисты в сфере информационных технологий предлагают понимать под угрозами информационной безопасности те, которые могут оказать вред информационным объектам. Следовательно, они могут быть разделены на три основные категории – угрозы конфиденциальности данных и программ, доступности данных и целостности данных.

Смысл данной концепции заключается в возможности оказывать серьёзное влияние на различные сферы международного сообщества через киберпространство, среди которых и социальная сфера, и экономика, и даже политика.

«Киберпространство — метафорическая абстракция, используемая в философии и в компьютерных технологиях, являющейся виртуальной реальностью. Второй мир как «внутри» компьютеров, так и «внутри» компьютерных сетей».

Информационный террористический акт отличается от политического террористического акта, прежде всего, поставленными целями, при этом средства осуществления информационно-террористических действий могут включать разные виды современного информационного оружия. Основная задача состоит в осуществлении воздействий, противоречащих праву, на информационные системы. Главной задачей информационного террора является широкомасштабное влияние террористического акта на общество, то есть необходимость получения широкого резонанса.

Как известно, важным принципом информации является её доступность – свойство информации, предполагающее наличие доступа к информации авторизованным лицам в случае необходимости. Право доступа означает, что определенное лицо в рамках своих служебных полномочий может читать, изменять, копировать, уничтожать информацию. В зависимости от доступа к ней, информация подразделяется на две категории: общедоступная и с ограниченным доступом, последняя из них может состоять также из двух видов, а именно та информация, которая составляет государственную тайну и та, которая носит конфиденциальный характер.

Контролируя доступность к информации государства тем самым обеспечивает свою национальную безопасность. Закрывая (засекречивая) информацию или напротив ее раскрывая (снимая с нее гриф секретности) власти осуществляют процесс управления политическими и общественными процессами, воздействия на сознание своего общества и подчиненных.

По мнению Урсин Хофмана, под влиянием многочисленных факторов традиционная концепция безопасности расширилась и углубилась, поэтому на современном этапе безопасность государства зависит не только от военных, но и политических, экономических, социальных и экологических угроз.

По мнению Р. С. Гиляревского и Г. Г. Белоногова, информацию стоит рассматривать как «психологические образы объективного мира, которые возникают у живых существ в течении их жизни и взаимодействия с окружающим миром». При этом адаптивный императив информации в полной мере связан с антропоморфным принципом современного постклассического научного знания и общего познания.

А. В. Соколов обращал внимание на то, что «коммуникация и познание очень тесно взаимосвязаны между собой: логическая коммуникация есть, по сути, вид познания, так

как реципиенту следует понимать суть сообщения, так как результаты познания часто имеют сообщаемую форму, например, текст, а иначе они утрачиваются безвозвратно».

В широком философском понимании безопасность понимается «как самозарождающееся и саморазвивающееся качество социального, субстантивного существования, обеспечивающего защиту и прогрессивное развитие социума. Следовательно, безопасность как субстанция – это нечто формулирующееся вне зависимости от желания социума; его никто еще не сотворил специально для реализации собственных изолированных целей безопасности; оно существует столько, сколько существует социум».

Чаще всего понятие «информационная безопасность» раскрывается как «защищённость информации и поддерживающей её инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, которые могут нанести ущерб владельцам или пользователям информации». В классификации угроз информационная безопасность указывается различие угрозы по расположению источника угрозы информационная безопасность, целевым компонентам информационной системы, составляющим информационная безопасность, против которых направлена угроза информационная безопасность, а также по характеру воздействия. Особенно интересным на мой взгляд, автор отмечает тот факт, что чаще всего происходят и наиболее опасны с позиции оценки ущерба являются непреднамеренные ошибки обычных людей, персонала, использующих и обслуживающих информационные системы. Однако, это далеко не единственное мнение.

Структура информационной безопасности предполагает включение основных составляющих элементов, которые позволяют раскрыть сущность данного понятия. Так называемый системный подход включает в себя законодательную и научную базы, задачи подразделений, которые обеспечивают безопасность информационных технологий, далее следует непосредственно политика информационной безопасности и совокупность программно-технических способов и средств, обеспечивающих информационную безопасность.

По мнению В.И. Левина рассматривать информационную безопасность следует в двух аспектах: 1) под данным понятием понимается состояние и качество конкретного объекта, среди которого выделяют информацию, данные, информационно-коммуникационная сеть и другие, 2) это деятельность, целью которой является организация обеспечения защиты.

С одной стороны информационную безопасность рассматривают в качестве безопасности сетей и информационных систем, с другой - в качестве манипулирования сведениями, воздействия информации на сознание общества.

Отдельными авторами под информационной безопасностью подразумевается «состояние защищенности потребностей государства, общества, личности, когда обеспечивается их прогрессивное развитие и существование вне зависимости от внешних и внутренних информационных угроз».

Под информационной безопасностью понимается «эффективное действие механизмов контроля и социального управления системой средств массовой коммуникации (включая глобальную компьютерную сеть), вследствие чего возникает состояние защищенности информационно-коммуникационного пространства на микро- и макроуровнях, обеспечивающее гармоничное развитие личности, общества и государства в условиях распространения техник агрессивного массово-коммуникативного воздействия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булавин А. В. О подходах США и Китая к обеспечению кибербезопасности // Общество: Политика, экономика, право. – 2014. – № 1. С. 28.

2. Фененко А. В. Информационная борьба и глобальное информационное пространство / Международные отношения России в «новых политических пространствах», 2011. С. 60-63.
3. Кефели И.Ф., Мальберг С.А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. №1 (121). С. 31; Степанов И.В., Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Информационная безопасность – главная задача современного государства // Мир политики и социологии. 2019. № 5. С. 138.
4. Василенко В.И. Массмедиа в условиях глобализации: Информационно-коммуникационная безопасность. Москва: Проспект, 2016. С. 38.
5. Останина Е.А., Самойлов А.В. Актуальность подготовки военнослужащих в области информационной безопасности как составляющей национальной безопасности государства // Человеческий капитал. 2020. № 9 (141). С. 76.
6. Галкина Т.Ю., Гундарь Е.С. Информационная безопасность как фактор национальной безопасности и конкурентоспособности государства // Современная наука и инновации. 2019. №2(26). С. 248.
7. Задума Я.Т. Информационная безопасность как составляющая национальной безопасности государства // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. 2018. №2-1. С. 32.
8. Иоселиани А.Д. Глобальное цифровое общество и социальная адаптация к онлайн-повседневности // Век глобализации. 2020. №2 (34). С.66.
9. Фарниев С.А. Теоретико-концептуальные аспекты изучения феномена информационной безопасности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т.7. №3(24). С. 398.
10. Балановская А.В. Проблемы и перспективы обеспечения международной информационной безопасности // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 6 (128). С. 26-30.
11. Роговский Е.А. Глобальные информационные технологии – фактор международной безопасности / Е.А. Роговский // США, Канада: Экономика, политика, культура. – 2010. – №12. – С.3-26
12. Кудakov, О.Р. «Ведомости» (1702-1727): становление и жанровые приоритеты газеты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Казан. гос. ун-т. - Казань, 2004. - 24 с.
13. Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации. ; М-во образования Рос. Федерации. Ульян. гос. техн. ун-т. - Ульяновск : УлГТУ, 2001 (Тип. ун-та). - 103с.
14. Международная информационная безопасность: проблемы и решения / Под общей ред. Комова С.А. – М., 2011
15. Сахно В.В., Небыкова И.Б., Ганжур М.А. Угрозы информационной безопасности при глобализации // Инновационное развитие. 2019. № 1 (28). С. 47.
16. Джозеф Най, Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. — М.: Тренд, 2006. — 397с.
17. Джеймс Глик, Информация. История. Теория. Поток. - М.: Астрель: Corpus, . – 576 с.
18. Морозова А.П. Кибертерроризм и информационный терроризм как новые формы проявления терроризма // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 8. № 2 (29). С. 156.
19. Rusetsky A.A., Markov V.V. Cyberterrorism as a form of information security threats to the state: concept, problems of counteraction // Economics, management, law: challenges and prospects. Collection of scientific articles. 2016. P. 143.

20. Меджидов С.Ш. Обеспечение информационной безопасности государства // В сборнике: Проблемы совершенствования законодательства. Махачкала, 2019. С. 119.
21. Филиппова Н.В., Нестеровский О.И. Нарушения в области обеспечения безопасности информации ограниченного доступа в деятельности органов государственной власти // В сборнике: Роль аграрной науки в развитии АПК РФ. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 105-летию ФГБОУ ВО Воронежская ГАУ. 2017. С. 35.
22. Hofman U., Maspoli G., Massleberg A., Rapillard P. Conceptualization of Security: A Broadened Perspective // Linking Mine Action and SSR through Human Security. 2016. P. 6.
23. Белоногов Г. Г., Гиляревский Р. С. Информация // Научно-техническая информация. Серия 2: информационные процессы и системы. – 2010. – №2. – С. 2.
24. Соколов А. В. Теория социальной коммуникации / Гуман., 1996. С. 124.
25. Захаров М.Ю. Информационная безопасность социума: социально-философское исследование: автореф. дис. ...д-ра филос. Наук. Росов н/Д, 1998 С. 2-16.
26. Введение в криптографию / Под общ. ред. В. В. Ященко. — 4-е изд., доп. М.: МЦНМО, 2012.
27. Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: автореф. дис. ...канд. полит. наук. Красноярск, 2016. С. 36.
28. Левина В.И. Информационная безопасность и угрозы информационной безопасности в коммерческих организациях // Вопросы образования и науки. 2017. С. 53.
29. Кухарский А.Н. Информационная безопасность политического процесса как элемент государственного и муниципального управления России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2020.
30. Аблаева Д.С. Обеспечение информационной безопасности государства в условиях глобализации: влияние информации на правосознание человека // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект. 2018. С.702.
31. Воронович Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России: дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2012. С.64-66.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В ВОСТОЧНОЙ ПЕРСИИ: ДЕГРАДАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наумова Н.А.

*Соискатель кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений СКФУ
E-mail: naumovaton@gmail.com*

В данной статье автор рассматривает политическую систему, административные, торгово-промышленные и экономические сведения по округу Восточной Персии.

Ключевые слова: *Восточная Персия, внутренняя политика, внешняя политика, политическая система.*

Политическая система, сложившаяся к концу XIX в. в Персии, по мнению российских авторов, продемонстрировала полную свою неэффективность, способствуя разрушению страны и дальнейшему обнищанию населения. Со всей очевидностью эта

тенденция проявилась в восточной части страны удаленной от Тегерана и других центров политической жизни. Восточная Персия, относившаяся к периферии, со всей очевидностью продемонстрировала глубокий кризис персидской государственности. В условиях пограничья с Россией, Афганистаном и Британской Индией данный факт представлял угрозу для территориальной целостности страны.

М.Е. Белозерский относил Персию к числу не культурных, неразвитых стран. Для радикального изменения ситуации в стране требовался приход ответственного и квалифицированного правительства, способного провести серьезные реформы. К первоочередным, он относил, судебную и административную реформы, которые должны были положить конец беззаконию. Важное место занимали финансовая и налоговая реформы с целью упорядочения данных сфер жизни общества. Все эти усилия дополняла реформа образования по европейскому образцу. Следующая реформа – эмансипация женщин, отказ от многоженства и создания нормальной семейной жизни. Затем следовало освобождение общества от тотальной зависимости от духовенства и исключение его из политической жизни страны. Реформирование Персии было невозможно без изменений в экономической сфере, в том числе с предоставлением полных гарантий незыблемости частной собственности. М.Е. Белозерский не призывал к немедленным реформам в политической сфере, предполагающим введение парламентаризма и соблюдение основных прав человека, понимая опасность таких нововведений для азиатского общества. Однако оставался открытым вопрос, при каких обстоятельствах могло появиться правительство, способное провести необходимые реформы без внешнего вмешательства?

М.Е. Белозерский отмечал две альтернативных модели развития Персии. Первая – это прозябание в разряде отсталых азиатских стран. Вторая – вхождение в число развитых европейских государств. То есть М.Е.Белозерский не видел препятствий в этническом составе населения, его вероисповедании для включения Персии в европейское цивилизационное пространство. Чем быстрее Персия сможет вступить на путь вестернизации, тем она больше будет иметь шансов для достойного противостояния европейским государствам и сохранения независимости. М.Е.Белозерский высказывал свои симпатии к Персии и верил в молодое поколение правящего класса в стране, способного в будущем провести реформы в стране.

Не скрывал своей антипатии к государственному строю Персии генерал А.Н.Куропаткин. Он отмечал, что вся политическая и экономическая система страны построена на грабеже. Шах абсолютно не заботился о благополучии населения. Все должности губернаторов и другие высшие государственные посты он продавал, по сути, с аукциона. Кто больше заплатил шаху за должность, то ее и получал. Эту тенденцию отмечал А.М.Никольский и другие исследователи. Встречались примеры, когда продав должность, шах ее тут же перепродавал тому, кто предложил большую взятку. Выкупив должность, они начинали продавать второстепенные должности, чтобы не только компенсировать деньги выплаченные шаху, но и получить прибыль и средства для постоянных подарков шаху и его приближенным. Чиновники, имевшие доступ к назначениям подчиненных также продавали их тем, кто больше заплатит. Население страны, по мнению В.Н.Куропаткина, страдало от бесправия и вымогательства со стороны центральной и местной бюрократии.

Полная дискредитация персидской государственности привело к падению в стране, и прежде всего, в Восточной Персии авторитета правящей династии. Находясь в персидском Белуджистане Н.А.Зарудный, столкнулся с презрением местного населения к династии Каджаров и центральному правительству в Тегеране. Особенно это не скрывали жители оазиса Джалка и области Калаган. По мнению ученого, такие настроения отмечались и в других регионах персидского Белуджистана. К востоку от Джалки в обиходе находились только индийские монеты, персидские не использовались. Возможно, здесь сказывалась экономическая целесообразность, но ученый в этом факте видел одно из проявлений неуважения местных жителей к правящей в Персии династии. Практически все российские

авторы отмечали крах попыток привить населению Персии общегосударственную (династическую) идентичность, которая могла сплотить различные народы и племена страны в единое целое. Отчасти эту проблему решала приверженность большинства жителей страны к шиизму, но это также была зыбкая основа для укрепления единства персидского государства.

Различные слои общества подчеркивали необходимость отделения от Персии (Каджаров) о полезность вхождения Белуджистана в состав Британской Индии. Когда русская экспедиция входила в населенный пункт, ее не редко принимали за представителей Каджаров, поэтому она сталкивалась с негативным отношением и агрессией. Но ситуация менялась после того, что местные жители узнавали, что гости оказались русской научной экспедицией. В общении с вождями племен Белуджистана Н.А.Зарудный не раз слышал утверждения о лживости Каджаров и их чиновников, об их жадности и жестокости, они постоянно подчеркивали свое признание к правящей в Персии династии. Неслучайно использование британцами в антироссийской пропаганде утверждения, что «русские – хуже каджаров». Этот тезис, по их мнению, особенно должен был настроить жителей Систана и Белуджистана против россиян. Жители Багут-Келята прямо заявили, что они готовы стать поданными кого угодно хотя бы Японии (!), чтобы только избавиться от власти Каджаров, подчеркивая ненависть ко всему персидскому.

В Хорасане, Н.А.Никольский также наблюдал тотальное недовольство всех слоев населения к правительству шаха. Поэтому в регионе получили распространение настроения о желательности присоединения Хорасана к России. Эту мысль путешественнику не раз высказывали жители Персии. Единственно, они опасались насильственного перехода в православие в случае вхождения в состав России.

О политической системе Восточной Персии в опубликованных отчетах российских дипломатов накануне Первой мировой войны информация практически не встречается. Единственным упоминанием становится частая смена губернаторов в Себзеваре, с периодичностью в 3-4 месяца, что свидетельствовало о нестабильности в регионе, хотя генеральный консул избегал таких оценок. Публикация донесений российских консулов с критикой политической системы Персии могла привести к нежелательным осложнениям их деятельности в стране.

Восточная Персия со всей очевидностью высветила общую неэффективность политической системы в провинции. Во главе крупных провинций (макрорегионов, генерал-губернаторств) стояли генерал-губернаторы (вали). В Восточной Персии это были вали Хорасана, Йезда, Фарсистана и Кермана, при чем должность вали передавалась по наследству с согласия шаха. Власть генерал-губернатора Хорасана Муайд-уд-Доуле подкреплялась тем, что он был женат на дочери шаха. Генерал-губернаторства делились округа и ханства, в которых власть, как правило, также передавалась по наследству, как в случае с Кочанским ханством, при формальной согласии вали и Тегерана. Степень самостоятельности отдельных округов и ханств зависело от их руководителей и их авторитета среди населения и в Тегеране. Правда, русские путешественники, считали одним их важнейших атрибутов автономности местных правителей, их способность дать большие взятки вали и шаху.

Большую автономию в Хорасане имело Кочанское ханство. Данный момент объяснялся, по мнению В.А.Орановского, приграничным положением ханства и его борьбой с набегами туркмен. Этим же объяснялся особый статус Дерезгезского ханства. С прекращением набегов, особый статус этих территорий оказался под угрозой. К.А.Баумгартен, оказавшись в Кочане, изучил местную политическую обстановку. Власть в ханстве передавалось по наследству. Новый хан утверждался формально шахом. Фактически вся власть в ханстве концентрировалась в руках хана и его окружения. Тегеран только сохранял некоторую юрисдикцию только в вопросах контроля в приграничной зоне. Хан практически ни как не зависел от вали Хорасана, хотя ханство формально входило в

состав провинции. К.А.Баумгартен, общаясь с местными жителями, собрал информацию о предыдущем хане Ильхани Мамед Насире. Он был умным, смелым и в тоже время жестоким человеком, но при этом местные жители говорили о нем с большим восхищением. Он сплотил вокруг себя народ ханства и противостоял, всем попыткам вали Хорасана расширить свою власть над ханством. После его смерти в 1893 г. власть переходит к его сыну, не имевшему достоинств отца. Он погряз, по свидетельству К.А.Баумгартена, в разврате, пьянстве, курении опиума. В результате в ханстве разворачивается борьба за власть, в нее оказался втянут и Тегеран. Претенденты возили шаху взятки, в результате новый хан с помощью самой большой взятки смог отстоять свою власть. К.А.Баумгартен полагал, что последствия междоусобицы могут иметь для ханства непредсказуемые последствия, и с точки зрения расширения в нем влияния хорасанского вали. Такая ситуация случилась с Родканским ханством, где при наличии местного хана, по сути, вся власть концентрировалась в руках чиновника, назначаемого вали. Былые права лишились племена теймуров, проживавшие в округе Хаф. Раньше ими управлял наследный хан и старейшины. Затем они утратили такую политическую систему, так как вся власть перешла в руки губернатора, назначаемого вали Хорасана.

В округах, в частности в округе Себзевар складывается несколько иная ситуация, более распространенная для Персии. Правитель провинции назначался вали Хорасана, но эту кандидатуру должен был еще утвердить Тегеран. Его позиции и деятельность во многом зависели от расположения вали. Тегеран также стремился держать провинции под контролем, поэтому при правителе Себзевара находился пишкар (управляющий делами), назначаемый центральным правительством, который следил за положением дел в провинции и докладывал о ситуации, напрямую центральному правительству. В управлении округами случались и курьезные ситуации. Так, губернатором Джамского округа в Хорасане являлся вождь племени теймуров. Он пользовался большой популярностью среди кочевников округа, одновременно конфликтуя с оседлым населением. Границы между ханствами и округами, зачастую носили условный характер, различные селения или племена, находившиеся внутри одного ханства (округа) подчинились соседнему губернатору (хану). Ханства и округа делились на районы (булуки), которые управлялись наибами, назначаемыми губернаторами и ханами. Населенные пункты периодически переходили из одного булука в другой в зависимости от авторитета наиба.

Большим своеобразием отличалась организация власти в Белуджистане, входившим в состав генерал-губернаторства Керман. Племена белуджей не собирались добровольно принимать чиновников из Тегерана или Кермана, признавать их установки об административном устройстве страны, ориентируясь на традиционный уклад жизни и свои представления о пространстве. Находясь в Бампуре весной 1901 г. и разговаривая с местным правителем Гашим-ханом, Н.А.Зарудный обратил внимание на некоторые особенности деятельности государственного аппарата в Белуджистане. Все исключительно держалось на волевых качествах хана. Он постоянно воевал с сепаратистами и племенами, не желающими платить подати, используя для этого как военную силу, так и различные компромиссы. Если вали Кермана, не обладал такими качествами, то анархия в Белуджистане набирала силу и власть Тегерана в регионе сохранялась только номинально. Население отказывалось платить налоги и вожди некоторых племен признавать власть шаха.

Экономический произвол, бесправие, наряду со слабостью местного государственного аппарата не редко приводили к вооруженным восстаниям и другим конфликтам в Белуджистане. В 1896 г. в Белуджистане вспыхнуло восстание белуджей во главе с Гуссейн-ханом. Следует отметить, что П.А.Риттих его начало датирует 1894 г. Н.А.Зарудный выделял несколько причин восстания 1896 г.: непосильные поборы; гибель в Тегеране Насер-ад-Дин-шаха, в результате которого в стране возникло ощущение анархии; происки британцев, обещавших белуджам помощь оружием и не сдержавшим свои

обещания. Следует отметить, что в 1891 г. британские войска приняли непосредственное участие в подавлении восстания племен белуджей в Восточной Персии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белозерский М.Е. Письма из Персии: [От Баку до Испагани. 1885-86 г.]. СПб.: Военная типография, 1886. С. 107.
2. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина. Поездка в Тегеран в 1895 г./Сведения о Персии и Афганистане. СПб.: б.и., б.г. С.27.
3. Никольский А.М. О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область . СПб., 1886. С. 46.
4. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXVIII. Военно-статистическое северо-восточной части Хоросана. 1894 г. Генерального штаба капитана Орановского. СПб.: Военная типография, 1896. С.75.
5. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина. Поездка в Тегеран в 18 Зарудный Н.А. Экскурсия по Восточной Персии. СПб., 1901. С. 75.
6. 95 г./Сведения о Персии и Афганистане. СПб.: б.и., б.г. С.27.
7. Зарудный Н.А. Третья экспедиция по Восточной Персии (Хоросан, Сеистан и Персидский Белуджистан): 1900-1901 гг. Пг., 1916. С.152.
8. Никольский А.М. О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область . СПб., 1886. С. 48.
9. Донесение Императорского Российского консула в Мешхеде Н.П.Никольского. Административные, торгово-промышленные и экономические сведения по округу/ Донесение российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 54. Пг., 1915. С.41.
10. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXVIII. Военно-статистическое северо-восточной части Хоросана. 1894 г. Генерального штаба капитана Орановского. СПб.: Военная типография, 1896. С.74.
11. Заметка о восточном Хоросане, составлена генерального штаба подполковником Стрельбицким (по рекогносцировке 1891 г.)/ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXII. СПб., 1895. С. 105.
12. Риттих П.А. Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан. Ч.1. СПб., 1901. С.279.
13. Зарудный Экскурсия по Восточной Персии. СПб., 1901. С. 246.
14. История XIX в. Под ред. Профессоров Лависса и Рамбо. Т.8. М., 1939. С. 447.

РОССИЙСКО-БРИТАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ПЕРСИИ

Наумова Н.А.

*Соискатель кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений СКФУ
naumovamon@gmail.com*

В представленной статье автор рассматривает напряженность отношений российско-британских отношений в конце XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: *Восточная и Южная Персия, российско-британские отношения, противостояния России и Великобритании.*

Восточная и Южная Персия в последней четверти XIX в. становится объектом жесткого противостояния России и Великобритании. Особенно трепетно в Лондоне относились к развитию ситуации в Систане и Белуджистане, прикрывавших подходы к Британской Индии. В Великобритании внимательно отслеживали продвижение России в Средней Азии, рассматривая эти действия в качестве угрозы интересам Британской империи. Объектом дальнейшей экспансии России могли стать Персия, Тибет и Афганистан. Теоретически они могли повторить судьбы государств Средней Азии, вошедших в состав России. Во время Крымской войны военные в Санкт-Петербурге разрабатывали проект ведения военных действий против Великобритании в Центральной Азии, включая возможное продвижение российской армии в Индию. Предполагалось ее наступление в Индию от Каспийского моря через Хорасан, Систан, Афганистан. Однако эти планы были отвергнуты, так как транспортная инфраструктура Персии и Афганистана не выдерживала ни какой критики и не была пригодна для продвижения крупных воинских соединений. Великобритания стремилась сохранить Персию в качестве буферного государства между Россией и Индией.

Представитель Великобритании в Афганистане и Белуджистане в 80-е гг. XIX в. полковник Р.Сендеман, после выхода России к границам Афганистана, призывал Лондон проводить в стране более осторожную политику, чтобы сохранить его доминирование в Кабуле и не допустить усиление позиций России. Для этого предлагалось вывести все британские войска из Афганистана, чтобы продемонстрировать уважение Великобританией его суверенитета.

В условиях обострения российско-британских отношений в конце XIX – начала XX вв. Санкт-Петербург рассматривал свою политику в Персии как фактор оказания давления на Лондон, который стремился «блокировать» Россию, не дав ей выход в Средиземное море, Персидский залив и к Тихому океану, где Лондон был озадачен ее проникновением в Корею и Китай. В России в это время была популярна идея выхода к незамерзающим портам и реализация этого проекта в Персии казался многим российским политикам и военным очень перспективным. На рубеже XIX-XX вв. британские военные разработали план, согласно которому в случае вступления российской армии под любым предлогом в Хорасан, британские военные немедленно занимали Систан.

Размышляя о продвижении России в Средней Азии, в том числе в зоне проживания туркменских племен, И.А.Зиновьев постоянно, рассуждал о британском факторе и британо-российских противоречиях в данном регионе. Особенно, они обострились с попытками России присоединить Ахал-Текинский оазис. Британские агенты постоянно стремились привлечь внимание Насер ад-Дин шаха и его правительства к угрозе, исходившей от России интересам Персии в Средней Азии. В 1880-1881 гг., когда армия М.Д.Скобелева вошла в оазис, активизировали свои действия британские агенты. В Северном Хорасане они развернули деятельность среди туркмен, призывая их сопротивлению политике Санкт-Петербурга. На новый виток в данных условиях выходит борьба за влияние на персидское правительство. Лондон использовал для этого тактику угроз и различных обещаний. Однако, по мнению И.А.Зиновьева, эти действия потерпели полную неудачу.

В.А.Орановский постарался проанализировать факторы, способствующие распространению российского и британского влияния. Престиж России во многом основывался на ее силу. В Восточной Персии большой резонанс вызвал захват российской армией Хивы и особенно Закаспийской области, где проживали давние недруги Персии – туркмены, которых она не могла победить в течении ряда веков. В 1873 г. Россия разогнала невольничий рынок в Хиве, и несколько тысяч жителей Персии получило свободу. По мнению В.А.Орановского, они стали надежными популяризаторами российской мощи в стране. Вторым фактором, способствующим укреплению позиций России в регионе, становится гуманный и справедливый политический режим, установленный ею в закаспийской области. Жители Персии его сравнивали с той несправедливой системой,

существовавшей в их стране. Причем симпатии к России демонстрировали крестьяне и простые горожане, в то время как верхушка общества, имевшая свои выгоды от нападения туркмен была настроена враждебна, в отличии от части духовенства.

Причины британского влияния в Хорасане, как и в целом в Восточной Персии, В.А.Орановский сводил к подкупу правящей элиты региона и духовенства. С помощью подкупа Лондону удалось заручиться даже поддержкой среди некоторых туркмен поданных России, которых он использовал для сбора сведений в Закаспийской области. Среди крестьян и горожан британское влияние практически не ощущалось.

Тема противостояния России и Великобритании со всей очевидность уже проявляется во время путешествия по стране П.И.Огородникова. Он не раз сталкивался с британскими шпионами, которые внимательно отслеживали маршрут российской экспедиции. Находясь в Персии, путешественник встречался с англичанами и персами не раз заводил разговор о геополитической ситуации на восточных границах Персии, в том числе в Средней Азии. Его собеседники не сомневались в неизбежном столкновении интересов России и Великобритании в Средней Азии и Афганистане.

Британский консул в Систане П.Сайкс к 1894 г. был абсолютно уверен в том, что Россия проявляла особый интерес к Южной и Восточной Персии, используя для этого создание разветвленной разведывательной сети, в том числе с помощью проведения так называемых географических экспедиций. П.Сайкс призывал нейтрализовать действия России. Результатом этих призывов становится его назначение генеральным консулом в Мешхеде, где П.Сайкс должен был создать разветвленную сеть британских разведчиков, чтобы отслеживать действия России в Восточной Персии, поскольку Хорасан являлся «восточными воротами» России в Персию.

П.А.Риттих, расследуя антироссийские деяния британских дипломатов в Восточной Персии, приводил попытку, предпринятую П.Сайкса по аресту Н.А.Зарудного, но она провалилась в результате умелых действий ученого. П.Сайкс слыл большим русофобом, даже среди представителей британского дипломатического корпуса. Для совершенствования знаний русского языка он даже приезжал в Россию. В 1900 г. он занимает должность британского консула в Кермане, где продолжил свою антироссийскую деятельность.

Следует подчеркнуть, что опасения британцев не являлись беспочвенными. П.А.Риттих по заданию российского военного ведомства проводил исследования на предмет возможного строительства железных дорог к востоку от Тегерана, под эгидой России для обеспечения ее выхода к Индийскому океану, что давало империи огромные политические и экономические преимущества в Центральной Азии. Первым этапом реализации мегапроекта явилось бы строительство железной дороги от российской границы к Решту и далее к Тегерану. Предполагалось, что железнодорожная ветка может пройти через Кум, Йезд, Керман и к берегу Индийского океана.

П.А.Риттих отмечал, что значительная часть маршрута пройдет по относительно спокойным районам страны. Однако на значительных отрезках дороги необходимо будет иметь сильную вооруженную охрану для борьбы с набегами кочевников, в том числе арабов. Даже там, где развивается относительно спокойный ритм жизни, в любой момент могла произойти дестабилизация ситуации. Особенно его волновала возможная железнодорожная ветка от Кермана к Индийскому океану через Бампур и Риган. Местные племена белуджей могли доставлять большие неприятности железной дороге своими набегами. Однако, по мнению П.А.Риттиха, эту проблему можно было решить, договорившись с местными племенами. Очевидно, здесь автор имел в виду британский опыт решения проблемы, когда местные вожди получали подарки и денежное вознаграждение за поддержание порядка в регионе. Правда, он не уточнял каким образом. Одновременно в регионе следовало разместить крупные воинские отряды для защиты железной дороги. Конечной точкой «Трансперсидской» железной дороги России могла стать бухта Чахбар. Она обеспечивала

не только торговые интересы Санкт-Петербурга в зоне Индийского океана, но и его военные амбиции. В бухте можно было дислоцировать военный флот и хорошо защитить бухту с суши, разместив соответствующим образом артиллерию. Другие порты на юге Персии не давали России большие дивиденды. Порты Персидского залива не имели хороших бухт и в этом регионе доминировали англичане и их флот. Они могли в любой момент запереть российский флот в Персидском заливе. Чахбар имел выход в открытый океан.

Проведение железнодорожного полотна от Тегерана до Кермана создавало большие военно-стратегические преимущества в случае конфликта России с Великобританией, так как, перебросив войска в Керман, Россия могла нанести сильный удар по Британской Индии и Западному Афганистану. Через Среднюю Азию и горные районы Афганистан это было сделать очень трудно и проведение военной операции было сопряжено с большими рисками. Поэтому П.А.Риттих призывал российское правительство перестать смотреть на Керман, Белуджистан и Систан как на вотчину британцев.

Проникновение британцев в Восточную Персию и тем более строительство ими собственной железной дороги наносило очевидный вред интересам России не только в Восточной, но и в Северной Персии. Британцы могли быстро перебросить войска из Индии к Северной Персии, кроме этого британские товары получали доступ в те зоны страны, которые рассматривались Россией в качестве собственной сферы влияния. К тому же британцы вынашивали планы по строительству железных дорог в Белуджистане, в том числе и в персидской части региона. Они, прежде всего не из экономических факторов, а с точки зрения переброски войск для защиты Индии, их очень настораживала активность России в деле строительства железных дорог в Туркестане.

П.А.Риттих и сотрудники его экспедиции проработали реализацию еще одного проекта, предполагавшего строительство железной дороги от Исфахана через Шираз к Бендер-Буширу и Бендер-Аббасу. Следует подчеркнуть, что все свои проекты они тщательно прорабатывали, фиксируя особенности местности, ее геологическую и природно-климатическую специфику, имевшиеся пути сообщения, которые можно было использовать в своих целях, расстояние между населенными пунктами. Кстати экспедиция поставила под сомнение оценку Н.А.Зарудным расстояний между населенными пунктами в Белуджистане, от чего напрямую зависела возможная стоимость проектов и другие обстоятельства, включая скорость прохождения маршрута. Главную ошибку Н.А.Зарудного они видели в том, что он часто основывался на рассказах местных жителей при оценке расстояния, несколько их преувеличив.

Экспедиция прорабатывала возможности использования местных ресурсов для строительства железной дороги. Кроме земли, песка и щебня на территории Персии ни чего не имелось. Поэтому все необходимое следовало завозить из России, что было связано с большими проблемами, из-за плохой транспортной инфраструктуры Персии. При строительстве железных дорог можно было использовать труд местных рабочих, кроме Белуджистана, где кочевники не рассматривались в качестве трудового ресурса. Следовательно, в этот регион следовало завозить рабочих из Северной Персии. Большое проблемой, по мнению П.А.Риттиха и его коллег, становилось снабжение рабочих водой и продовольствием, особенно в Кермане и Белуджистане, зависевшие от поставок продовольствия из западных регионов страны.

Основная часть изыскательских работ и оценка стоимости проектов проводилась членом экспедиции инженером В.А.Саханским. Примечательно, что во время пребывания в Кермане, один из представителей местной знати за услуги, оказанные экспедиции попросил П.А.Риттиха передать ему схему будущей железнодорожной ветки. Путешественник отказался это сделать, подозревая, что данный субъект собирался скупить земли, а затем по спекулятивным ценам продать их железнодорожной компании.

П.А.Риттих и его соратники, рассматривая проекты строительства железных дорог на юге и востоке Персии, не придавали им большого значения в развитии торговых связей с

этими регионами. Они не имели значительных ресурсов, представлявших интерес для России, кроме хлопка, а местный импорт в большей степени контролировали англичане. Дороги имели огромное значение в обеспечении транзитной перевозки грузов и пассажиров из Европы (России) на Дальний Восток, Южную Азию, Африку и Австралию.

Они выделяли еще один важный момент, связанный с эксплуатацией железных дорог на юге и востоке Персии. Россия или ее железнодорожные компании должны были регулировать тарифы на перевозку по ним грузов, чтобы железные дороги не привели к обратному эффекту, когда товары из других стран устремятся в Персию в ущерб российской торговле.

Применительно к созданию транспортной инфраструктуры в Персии, П.А.Риттих считал необходимым оценить все экономические и политические риски. Опыт британцев подтверждал эту истину. Он обратил внимание на проект соединения Британской Индии с Западным Белуджистаном и Систаном, так называемая Нушкинская сухопутная дорога связавшая Кветту и Керман. Дорога строилась в 1898-1897 гг., на ее создание Лондон выделил значительные средства. Вдоль дороги вырываются колодцы, и создается другая инфраструктура, британцы договариваются с местными племенами для обеспечения безопасности при осуществлении перевозок, где то они действовали путем подарков, а где то, используя угрозы. В 1899 г. во время нахождения в Кермане П.А.Риттих выяснил, что за весь год из города в Индию ушел всего один караван с коврами, которые так и не были распроданы в полном объеме. Этот факт наиболее ярко показывал экономическую неэффективность проекта.

Надежды британцев на то, что новая дорога переманит большую часть транзита грузов из Бендер-Аббаса в Хорасан, также себя не оправдали. В 1900 г. из Мешхеда в Нушку (Индия) прибыло всего два каравана. Мешхед по-прежнему пользовался старым маршрутом, он был короче и удобнее. Кроме этого к нему уже привыкли персидские купцы.

В конце XIX в. российское правительство инициировало отправку парохода «Корнилов» «Российского общества пароходства и торговли» в зону Персидского залива с грузом текстиля и сахара. На эти цели оно выделило 50 тыс. руб. С самого начала становится очевидным, что государство понесет значительный убыток, не компенсировав в полном объеме вложенные в проект средства. В России, поэтому по поводу развернулась острая полемика. Многие сомневались в целесообразности таких трат государства, признавая необходимость проявления на данном поприще инициативы частного капитала.

П.А.Риттих внес свой вклад в ход дискуссии. Он не сомневался в необходимости предпринятых государством мер по продвижению российских интересов в зоне Индийского океана. Частному капиталу трудно сделать первые шаги в этом направлении, ибо они в большинстве случаев будут сопряжены с убытками. Следовательно, государству должно брать на себя финансирование продвижения отечественных товаров на новые рынки. Ознакомление местного населения с ними приведет к росту спроса и появлению частной инициативы. Постепенно роль государства в этом плане будет снижаться в пользу частного капитала. В этом П.А.Риттих не видел ничего исключительного, данная практика являлась обычным инструментом продвижения интересов европейских государств, в том или ином регионе. Такие действия России дополняли ее план закрепления в стратегически важном регионе мира.

Находясь в Персии, Н.А.Зарудный постоянно сталкивался с британо-российским противостоянием в Восточной Персии, к которой Лондон относился как к своей вотчине. По мнению, ученого, Великобритания в конце XIX в. проводила политику по ослаблению центральной власти в Хорасане, Систане и Белуджистане, преследуя собственную экспансионистские устремления. Для этих целей она подкупала местную знать, периодически поощряла сепаратистские и антиправительственные выступления.

Происки британцев не раз осложняли деятельность российских экспедиций. Попав в 1901 г. в Систан Н.А.Зарудный большое внимание уделил политике Великобритании в

данном регионе. В сравнении консульств России и Великобритании чувствовалось доминирующее положение Лондона. Российское консульство находилось на окраине города рядом с кладбищем, месте не самом подходящем для дипломатической деятельности. Кстати с 1899 по 1905 гг. его возглавлял опытный дипломат и востоковед А.Я.Миллер, который по свидетельству Н.А.Зарудного пользовался большой популярностью и уважением среди местного населения.

Англичане создают целый консульский квартал, получивший название «Тренч-абад». По сути это был отдельный город с больницей и мечетью. Британцы в переписке так и указывали адрес «Систан, Тренч-абад». Н.А.Зарудный в данном моменте видел проявление пренебрежения англичан к суверенитету Персии над Систаном. К нему они фактически относились как части Британской Индии. Когда европейцы, находившиеся на службе шаха, основали первую таможенную в Систане и вывесили на ней персидский флаг, в провинции произошло сильное волнение. Многие ее жители до этого ни когда не встречали свой национальный флаг и по сути других атрибутов государственной власти. В появлении таможен они видели акт закрепления суверенитета Персии над своей провинцией. Среди британцев данное событие вызвало обратную реакцию, они были озадачены сохранением своего доминирования в Систане, даже идя наперекор мнению Тегерана и его прав на Систан. Н.А.Зарудный наблюдал столкновение персидских и британских интересов, когда консул Великобритании, заявил о не допущении появления новых таможенных пунктов Персии в Систане. Ученый не сомневался в необходимости установления контроля Персии над всей своей границей с Британской Индией и прежде всего с помощью открытия новых таможенных постов, но непременно под контролем европейцев. Если их передать в ведение местных чиновников, то они станут рассадником контрабанды и коррупции.

Британцы для закрепления своих позиций в провинции использовали местных мулл, разумеется, небескорыстно, проповедовавших благочестие Британии, ее мощь и богатство, любовь к мусульманам. При этом о России, по словам ученого, муллы несли всякую околесицу, чтобы скомпрометировать Россию в глазах местного населения. Политика Великобритании в Систане давала определенные результаты. Столкнувшись с одним из вождей племен, Н.А.Зарудный отметил, полную уверенность местного лидера в том, что истинным хозяином Систана являются англичане и русским здесь делать нечего и что русские жадные в сравнении с англичанами.

Во время беседы с правителем местности Наскан Мир-Мегди-ханом, не сомневавшемся в скором вхождении персидского Белуджистана в состав Британской Индии, Н.А.Зарудный попытался понять причины симпатий элиты Белуджистана к британцам. Они сводились к следующим положениям: 1) Великобритания установит стабильный и понятный людям политический строй; 2) она даст Белуджистану справедливые и всеми соблюдаемые законы; 3) вхождение в состав Британской Индии сделает местных жителей богатыми.

Гуссейн-хан, один из местных властителей в Белуджистане, прагматично относился к англичанам. Он в разговоре с Н.А.Зарудным, одобряя политику России в Хиве, Бухаре и Туркестане теоретически готов был присягнуть на верность России, но она находилась очень далеко от Белуджистана и не проявляла активной политики в регионе. Не испытывая симпатий к Британии, он хотел принять ее покровительство или подданство для противостояния с Каджарами. Гуссейн-хан прекрасно понимал, что Лондон не преследует альтруистские намерения в своей политике в Восточной Персии. Таким образом, для многих лидеров белуджеев центральное правительство в Тегеране являлось наибольшим злом даже в сравнении с Россией и Великобританией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дарабади П. Центральная Азия в «большой геополитической борьбе» второй половины XIX – начала XX вв.//Кавказ & глобализация. 2007. Т.1. С. 139. (136-148)

2. Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-русский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX вв.// Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №6. С. 117 (115-122)
3. Записка о северо-восточной границе и нашей политике в Афганистане (1887). Четыре записки полковника Р.Сендемана об афганских и белуджистанских делах (1886-1891)/ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXX. СПб.: Военная типография, 1896. С. 163. (161-171)
4. Шевель А.А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905-1911 гг.//Вестник Брянского государственного университета. 2015. №2. С. 190 (190-195)
5. Дарабади П. Центральная Азия в «большой геополитической борьбе» второй половины XIX – начала XX вв.//Кавказ & глобализация. 2007. Т.1. С. 146.
6. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия: С прил. карты Персии. СПб., 1912. С. 47.
7. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXVIII. Военно-статистическое северо-восточной части Хоросана. 1894 г. Генерального штаба капитана Орановского. СПб., 1896. С.107.
8. Огородников П.И. Очерки Персии. СПб., 1878. С. 106-107.
9. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 211.
10. Ритих П.А. Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан. Ч.1. СПб., 1901. С.217.
11. Записка о распространении железных дорог в Белуджистане (1891). Четыре записки полковника Р.Сендемана об афганских и белуджистанских делах (1886-1891)/ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXX. СПб.: Военная типография, 1896. С. 177. (174-177)
12. Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С.38.
13. Зарудный Н.А. Третья экспедиция по Восточной Персии (Хоросан, Сеистан и Персидский Белуджистан):

УДК 614.7

УСТРОЙСТВО САНИТАРНО-ЗАЩИТНЫХ ЗОН

Побирухин В.С.

*студент 2 курса факультета электроэнергетики и электротехники
группы ЭЭТ-б-о-191*

ИСТиД (филиал) СКФУ в г.Пятигорске

E-mail: cfyz.han@mail.ru

(руководитель доцент кафедры ТППТ кандидат юридических наук Барабаш Н.В.)

Санитарно-защитная-зона — это специальная территория с особым режимом использования. Она устанавливается вокруг объектов, которые являются источником воздействия на среду обитания и здоровья человека. Санитарно-защитная зона должна обеспечивать уменьшения воздействия загрязнения на атмосферный воздух (химического, биологического, физического) до значений, установленных гигиеническими нормативами.

Ключевые слова: *СЗЗ (санитарно-защитная зона), ПДК (предельно допустимая концентрация), ПДУ (предельно допустимый уровень).*

Источниками воздействия на среду обитания и здоровье человека являются объекты, уровни создаваемых загрязнений которых за пределами промышленной площадки превышают 0,1 ПДК.

Граница санитарно-защитной зоны таких объектов может совпадать с границей промышленной площадки. Если производство является источником ионизирующих излучений, на такие объекты требования не распространяются.

Санитарно-защитная зона должна обеспечивать уровень безопасности населения при эксплуатации объектов в штатном режиме.

По классификации размер санитарно-защитной зоны, создают с расчетами ожидаемого загрязнения атмосферного воздуха и подтверждают результатами натурных исследований и измерений.

Физический и юридический лица деятельность которых связана с проектированием строительством и размещением объектов, должны опираться на санитарные правила в целях обеспечения безопасности населения. Критерий для определения размера санитарно-защитной зоны является не превышение на ее внешней границе и за ее, предельно допустимой концентрации загрязняющих веществ для атмосферного воздуха населенных мест предельного допустимых уровней физического воздействия на атмосферный воздух [1].

Организации, являющейся источником воздействия на среду обитания и здоровье человека, необходимо отделять СЗЗ от жилых застроек зон отдыха санаториев дачных участков и т.д.

Для автомагистралей линии железнодорожного транспорта в зоне взлета и посадки воздушных судов устанавливается расстояние от объекта воздействия, уменьшающее его до значений гигиенических нормативов. Величина разрыва устанавливается в каждом конкретном случае на основании расчетов, с последующим проведение натурных исследований и измерений. Не менее 2 тыс. метров должен составлять санитарный разрыв от населённого пункта сельскохозяйственных полей обрабатываемых Агро химикатами авиационным способом. Для аэропортов и аэродрома размер санитарно-защитной зоны устанавливается в каждом конкретном случае на основании расчетов рассеивания загрязнения воздуха и физического воздействия на атмосферный воздух и оценки рисков для здоровья населения.

Для предприятий первого и второго класса опасностей размер санитарно-защитных зон может быть изменен главным государственным санитарным врачом РФ или его заместителем в порядке, установленном данными правилами. Для предприятий III, IV, V, размер санитарной защитной зоны может быть изменен главным государственным санитарным врачом субъекта РФ или его заместителем в порядке установленном данными правилами.

СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 выделяет 5 классов предприятий. Примерные размеры санитарной зоны в зависимости от класса опасности промышленных объектов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Размеры санитарно-защитных зон предприятия в зависимости от класса опасности.

| Класс опасности предприятия | Степень опасности воздействия на человека | Размер СЗЗ |
|-----------------------------|-------------------------------------------|------------|
| I класс | Чрезвычайно опасные | От 1000 м |
| II класс | Высоко опасные | От 500 м |
| III класс | Умеренно опасные | От 300 м |
| IV класс | Мало опасные | От 100 м |
| V класс | Практически не опасные | От 50 м |

Проект СЗЗ обязаны разработать предприятия, которые относятся к первым трем классам. К 1-3 классам опасности также относят промышленных изготовителей, имеющих источники вредных выбросов в атмосферный воздух, но для них нормативами не предусмотрена разработка СЗЗ (Рис.1).[2].

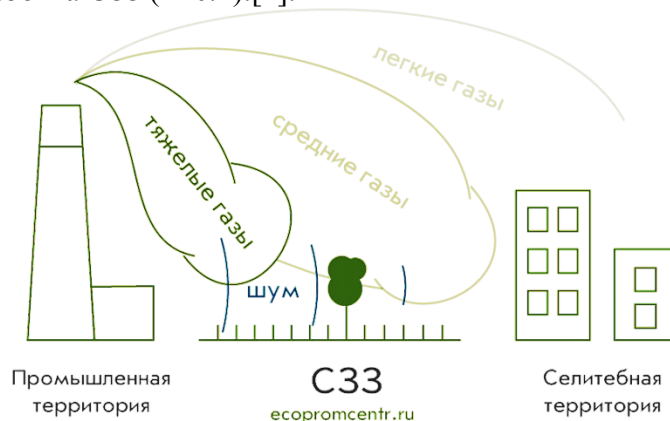


Рисунок 1. Объекты санитарно-защитной зоны.

После установление границ территории СЗЗ предприятие должно определенным образом ее обустроить и поддерживать в определенном порядке. На территории СЗЗ запрещено размещать жилые постройки водопроводные сооружения объекты других областей промышленности. Допускается размещение нежилых помещений для дежурного персонала, поликлиники и гостиницы объекты коммуникаций, АЗС и т.д. Организация СЗЗ включает мероприятия по ее озеленению благоустройству. На территории СЗЗ максимально сохраняются зеленные зоны. За зеленой зоной необходим уход и полив, для чего создается поливочная система. При проектировании зеленых зон используются растения устойчивые загрязнению и почвы.

Рекомендации предлагают поделить территорию СЗЗ на следующие зоны:

- припромышленное защитное озеленение;
- приселитебное защитное озеленение;
- планировочное использование, которое включает следующие подзоны:
 - при заводскую,
 - промышленного озеленения,
 - санитарных ограничений планировочного использования
 - сопутствующих предприятий
 - коммунальных объектов
 - приселитебного озеленения и общественного центра.

В дальнейшем контроль на территории СЗЗ осуществляется с привлечением аттестованной аккредитованной лабораторией. На территории проводится измерение основных параметров, окружающей среды: уровня шума, качество воды, качество воздуха и т.д. [3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон от 30 марта 2000 г. № 52-ФЗ
2. Рекомендации по разработке проектов санитарно-защитных зон промышленных предприятий, групп предприятия. М.: РЭФИА, 2010.
3. Рекомендации по разработке проектов санитарно-защитных зон промышленных предприятий, групп предприятий НИИПИ Генплана г. Москвы. М.: РЭФИА, 2012.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КAVKAZA: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Сампиев И.М.

*Доктор политических наук, профессор
Ингушский государственный университет
E-mail: israpil@yandex.ru*

Этнический радикализм трактуется как совокупность политических взглядов и ориентаций, методов и средств политической деятельности, направленных на коренную ломку общественной системы путём насилия и других противозаконных мер.

Ключевые слова: *этнократия, экстремизм, терроризм, национальные и религиозные розни.*

Наряду с религиозным экстремизмом в Северо-Кавказском федеральном округе устойчиво проявляется этнический радикализм и экстремизм. Радикализм выражается в непримиримости к «иному», в преднамеренной изоляции движения либо группы и их противопоставлению «врагам». В этнополитическом аспекте радикализм является девиантным выражением политизации этничности, вырастая из установок этноцентризма, изоляционизма, этнократии.

Под экстремистской деятельностью понимается:

1) деятельность общественных и религиозных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных:

- на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности РФ; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, унижением национального достоинства, осуществлением массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражды, по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- на пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

- на воспрепятствие законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с населением или угрозой его применения;

- на публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность Российской Федерации, при исполнении им должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением лица в совершении деяний, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

- на применение насилия в отношении представителя государственной власти или на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти либо его близких в связи с исполнением им должностных обязанностей;

- на посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

- на нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;

- на создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из перечисленных признаков;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к её осуществлению, обосновывающие либо оправдывающие совершение указанных деяний;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие в планировании, организации, подготовке и совершении действий, в том числе путем представления для осуществления деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Экстремистскими материалами данный закон определил «предназначенные для обнародования документы, либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности», в т.ч. труды руководителей нацистской партии Германии, фашистской партии Италии, «публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы».

Политизация этничности несет риски радикализма и экстремизма, угрозу для территориальной целостности государства. Северный Кавказ стал единственным макрорегионом постсоветской России, где сепаратистские проекты подкреплялись массовым насилием. Два полномасштабных вооруженных конфликта (осетино-ингушский и чеченский) произошли именно на Северном Кавказе. По мнению В.А. Авксентьева, Г.Д. Гриценко и А.В. Дмитриева, современный Северный Кавказ характеризует «наличие в нем политической доминанты – системного этнополитического кризиса».

Опасной тенденцией является не только «расползание» экстремистских акций по СКФО, но и распространение экстремистской идеологии, которая синтезирует этнократические и религиозно-радикальные идеи («Имарат Кавказ», вывод Северного Кавказа из состава России и др.).

При оценке масштабов и динамики этнического и религиозного экстремизма следует учитывать, что существует его определённая поддержка. И.В. Пашенко аргументирует факторы поддержки боевиков частью населения: захват заложников органами власти и правоохранительными структурами; похищения родственников террористов; немотивированные аресты; невыдача семьям боевиков тел убитых; гибель невиновных при спецоперациях; запугивание и шантаж оппозиции и неугодных лиц; кровная месть; коррупция власти в республиках; пытки и казни без суда.

Межэтнические противоречия провоцируются социально-экономическими проблемами, конкуренцией этнических групп, низким уровнем жизни, безработицей. Наиболее типичными являются межэтнические противоречия и локальные конфликты молодёжи, которая в бытовых конфликтах группируется по этноконфессиональному признаку. Резонансными и существенно повлиявшими на ухудшение межэтнических отношений стали конфликты с применением огнестрельного оружия в Зеленокумске

(Ставропольский край), ст-це Преградной (Карачаево-Черкесии). Также высокий уровень конфликтогенности заложен в провокационных «этнических танцах» молодёжи, вызывающих ответную реакцию местных жителей на них (драки, применение огнестрельного оружия и др.).

Аналитики Совета Федерации РФ указывают на то, что «именно русские влияют на формирование общероссийских культурных ценностей и установок и на поддержание общероссийского самосознания и патриотизма. Русское население играет также важную роль стабилизатора межэтнических отношений в регионе, предотвращая напряженность и межгрупповые конфликты между титульными этносами, которые имеют исторические корни»². В условиях вытеснения русских значимость общероссийских ценностей и символов культуры на Северном Кавказе резко снизилась.

Одним из важнейших факторов роста экстремизма на Северном Кавказе остаются земельные споры. Сельское хозяйство и животноводство являются традиционными отраслями хозяйства в регионе. В этой связи все вопросы, связанные с правом собственности на землю, нередко обретают политический и межэтнический подтекст. Все территории в республиках Северного Кавказа строго маркированы в обыденном сознании как земли того или иного народа. Наиболее остро разыгрывание этничности в земельных спорах проявляется в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. Политизация конфликтов в сфере земельных отношений происходит на базе этнической мобилизации сельских общин, проявляется в виде политических заявлений, требований, митингов, самозахватов земельных участков, судебных процессах, массовых открытых столкновениях с целью закрепления и расширения территории того или иного народа.

Земельные споры между различными этническими группами порождают обострение противоречий, что приводит к дестабилизации ситуации и радикализации общественных настроений. Одним из проявлений является требование раздела полиэтничных республик или образования внутри них однородных этнотерриториальных автономий. Лозунги федерализации Дагестана впервые звучали ещё в начале 1990-х гг. Наиболее последовательно эту идею отстаивали кумыкское национальное движение «Тенглик» и ногайское движение «Бирлик». В 2000-е гг. проблема вновь стала актуальной. Символичным стало адресованное Президенту РФ Д.А. Медведеву письмо «Катастрофическое положение кумыкского народа», в котором активисты этнического движения потребовали «определить конституционный политический статус Кумыкского народа на своей исторической территории для обеспечения позитивных перспектив его этнического развития». Речь шла о создании кумыкского автономного национально-территориального образования в пределах нескольких районов Дагестана на Прикаспийской низменности. Сходные требования выдвигает и ногайское движение. Но в их случае ситуация усугубляется тем, что ногайцы проживают в нескольких субъектах федерации – Дагестане, Чечне, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии, но нигде не имеют территориальной автономии. 29 мая 2011 г. в селении Терекли-Мектеб – центре Ногайского района Дагестана на III объединенном съезде ногайцев принято решение о необходимости создания единой административно-территориальной единицы ногайцев в составе одного из субъектов РФ.

В Чеченской Республике сохраняется латентный сепаратизм, который в основном подпитывается из-за рубежа как со стороны антироссийской части чеченской диаспоры, так и геополитических противников России. Руководство Чечни демонстрирует лояльность федеральной власти с учетом того, что бюджет республики на 90% дотируется трансфертами российского бюджета.

Во многом благодаря особым отношениям между руководством Российской Федерации и президентом республики Р. Кадыровым Чечня де-факто получила привилегии. Конституция Чеченской Республики и договор о разграничении полномочий и предметов ведения между РФ и ЧР расширенно трактуют понятие внутреннего суверенитета. В 2009 г.

в республике отменен режим контртеррористической операции (КТО), что осложнило возможности контроля над боевиками. В республике продолжают террористические акты, взрывы, местные боестолкновения, попытки захвата отдельных населённых пунктов и нападения на органы власти (в частности, на парламент Чеченской Республики). Р. Кадыров регулярно делает заявления о необходимости вывода из Чечни всех воинских частей российской армии, внутренних войск МВД и об их замене на республиканские структуры. Призыв в ряды Вооружённых Сил РФ носит весьма ограниченный объём, несмотря на значительный демографический потенциал Чечни. Предъявляются также требования контроля над прибылью нефтедобывающей, перерабатывающей промышленности ЧР и долей прибыли от транзита по нефтепроводам через территорию данного субъекта РФ.

Чечня проводит не только автономную внутреннюю, но и внешнюю политику на Ближнем Востоке, которая не всегда согласуется с внешней политикой РФ. Нынешняя элита региона стремится к достижению внутречеченского консенсуса подчас в ущерб федеральным интересам (стремление реабилитировать бывших боевиков, этнизированно толковать историю российско-чеченских взаимоотношений). Чечня претендует на роль ведущей республики, что выразилось в призывах Р. Кадырова присоединить Ингушетию и Новолакский район Дагестана, разместить в Чечне Духовное управление мусульман. Правящая региональная элита взяла курс на глубокую исламизацию сообщества.

Главным источником этнополитической нестабильности в Карачаево-Черкесской республике выступает нарастающее противостояние между карачаевцами и черкесами. В республике происходит постепенное, но неуклонное ухудшение ситуации, накапливаются негативные тенденции. В 1990-х гг. республика неоднократно была на грани мощных конфликтов и распада, но политический порядок тогда удалось сохранить, как и не дать разрастись острым локальным конфликтам в первой половине 2000-х гг. С 2004 до 2008 гг. в Карачаево-Черкесии не было крупных столкновений между черкесами и карачаевцами, но шло медленное поступательное накопление проблем в межэтнических отношениях. Создание в 2006–2007 гг. «этнических» административных районов: ногайского и абазинского свидетельствует о конфликтогенном характере процессов. Стремление к этническому обособлению появляется при недоверии к государственной власти и является признаком её делегитимации. Карачаево-Черкесия все более раскалывается по этническому признаку.

В итоге создания Северо-Кавказского федерального округа три адыгских народа оказались проживающими в двух федеральных округах – Южном (адыгейцы в Республике Адыгея) и Северо-Кавказском (черкесы, абазинцы в Карачаево-Черкесии, кабардинцы – в Кабардино-Балкарии). Создание СКФО воспринято частью адыгов как снижение их политического статуса. Кроме того, негативную оценку получила попытка тогдашнего президента КЧР Б.С. Эбзеева изменить сложившуюся систему этнического паритета, по которой высшие должностные посты в органах власти занимают представители «титულных» народов – карачаевцев и черкесов. Попытка президента назначить на важные министерские посты грека и русского была заблокирована Народным Собранием КЧР.

Расширяет влияние религиозный экстремизм, который стремится исподволь завоевать поддержку большинства населения и мирным путем захватить власть. Сильны миграционные настроения русских. Нужны серьезные усилия, чтобы не допустить перерастания конфликтного потенциала в системную дестабилизацию и открытую «мятежовину» по образцу Кабардино-Балкарии.

В Республике Северная Осетия-Алания нет открытых межэтнических конфликтов. Широкомасштабных экстремистских действий нет, осетино-ингушский конфликт «заморожен». Но не решена ни одна проблема, его породившая. Отсутствие государственной политической оценки войны 1992 г. позволяет каждой из сторон считать свои претензии обоснованными и справедливыми, выступать с радикальными

этноцентристскими заявлениями. Незаконная демаркация границ между двумя республиками может вызвать новый раунд территориального конфликта.

В Ставропольском крае всё более отчетливо проявляется напряжение между русскими и представителями других этнических групп. Основным участником локальных межэтнических конфликтов в Ставропольском крае является молодежь. Продолжается отток русских из мест их проживания. Причем если ранее русские покидали в основном удаленные восточные районы (Нефтекумский, Левокумский, Курский, Степновский районы), то сейчас центр миграции русских сместился в Буденновский, Благодарненский, Туркменский районы, откуда наблюдается медленный, постепенный, но неуклонный исход русского населения. Миграционный вектор из данных районов направлен на северо-запад края.

Хотя причины выезда русских носят в основном экономический характер – отсутствие хорошо оплачиваемой работы, не менее важным фактором является утрата чувства безопасности в местах проживания. Причина – рост численности мигрантов из республик Северного Кавказа, низкий уровень интеграции новосёлов в жизнь социума, что негативно сказывается на социальном самочувствии русских. Открытые межэтнические конфликты в Буденновском, Благодарненском и Туркменском районах имеют единичный, локальный характер.

Этнический радикализм трактуется как совокупность политических взглядов и ориентаций, методов и средств политической деятельности, направленных на коренную ломку общественной системы путём насилия и других противозаконных мер. Радикализм выражается в непримиримости к «иному», в преднамеренной изоляции движения либо группы и их противопоставлению «врагам». В этнополитическом аспекте радикализм является девиантным выражением политизации этничности, вырастая из установок этноцентризма, изоляционизма, этнократии. Экстремизм отличается от радикализма своей детерминацией практиками политического насилия, а не целями участия в политике. Опыт СКФО показывает размытость граней между практиками этнического радикализма и экстремизма, их преемственность и срастание.

К основным факторам, способствующим возникновению и росту экстремизма в Северо-Кавказском федеральном округе РФ, следует отнести:

1. Политические факторы, основанные на борьбе за власть этнократических элит, этнополитических движений, клановых группировок, целенаправленно обостряющих межэтнические и межконфессиональные конфликты.

2. Экономические факторы, основанные на принимающих острые формы процесса передела собственности коррумпированными представителями власти, конкурирующими этногруппировками.

3. Идеологические факторы, обусловленные сохранением в СКФО высокого уровня социальной напряженности, наличием протестного движения «социально уязвимых» слоев населения, невысоким уровнем жизни значительной части граждан, нереализованностью их прав и свобод. Эти факторы способствуют распространению неконвенциональных форм политической активности и их радикализации.

4. Региональные факторы, основанные на противоречиях и латентных конфликтах между федеральной и региональной властью, стимулируемых деструктивными политическими силами.

5. Высокая криминализация политического процесса за счет включения в противоправные действия социально депривированных слоев населения.

Стратегия этноэкстремистов по вовлечению в конфликт с Российской Федерацией максимального числа участников с целью сепарации Северного Кавказа включает в себя технологии:

- идеологические (формирование негативных антироссийских стереотипов и положительного образа «бойцов сопротивления», тиражирование их через интернет и СМИ);

- институциональные (создание террористических организаций, сепаратистских коалиций: Имарата Кавказ, Кавказского дома, Конфедерации народов Кавказа, Шуры алимов Кавказа, пантюркистских и панчеркесских объединений);

- террористические (прямое насильственное вовлечение в конфликт населения стратегически значимых территорий).

Идеологическое воздействие этнического радикализма и экстремизма в республиках Северного Кавказа строится на принципах: идеализации прошлого и негативной оценки российского и советского опыта межэтнических отношений; абсолютизации этнических различий, обоснования права «своего» народа на независимость; гипертрофированного понимания этничности вплоть до биологизаторских доктрин нации, ее превосходства, т.е., расистских рассуждений.

Установлены внутренние противоречия между соперничающими этнополитическими группировками. Сторонами блоковых конфликтов выступают группировки горных и равнинных народов Дагестана, конфликты сохраняются по линиям «осетины – ингуши», «кабардинцы – балкарцы», «карачаевцы – черкесы и абазыны», «автохтонное население – русские – диаспорные народы». Сложная диспозиция участников конфликтов отчасти снижает суммарный уровень напряженности. Вместе с тем, архаизация сообществ макрорегиона делает выгодной технологией борьбы за власть конструирование новых этничностей («черкесский проект», политизированное «укрупнение» народов Дагестана).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: Социокультурный аспект проблемы. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996; Кузина С.И. Политическое насилие в глобализирующемся мире. Ростов н/Д, 2009.

2. О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25.07.2002 г. №114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) // Российская газета. 2002. 30.07. №138-139.

3. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010. С. 61-64, 109-232.

4. Казенин К.О. Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012.

5. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. М., 2007. С. 14-15.

6. Аствацатурова М.А. Макрорегиональная этнополитология: некоторые обобщения в управленческом контексте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2009. №3. С. 112.

7. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2009. Т. IV. С. 99.

8. Авксентьев В.А. Динамика этнополитического кризиса на Северном Кавказе: прогнозы, решения // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона. Материалы Всерос. науч. конф. 13-15 сент. 2011 г. Ростов н/Д, 2011. С. 11.

9. Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 55-59.

10. Санглибаев А.А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Полис. 2007. №6. С. 58-59.

11. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. 2004. №2. С. 8.

12. Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные этнократические элиты Юга России // Власть и элиты в современной России: Сб. науч. статей. СПб., 2003. С. 317.
13. Кокорхоева Д.С. Тенденции политической институционализации системы органов власти республик РФ в условиях постсоветских реформ. Назрань, 2011. С. 235-254.
14. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010. С. 129.
15. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пашенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряжённости, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе. Спец. вып. Ростов н/Д, 2010. С. 54.
16. Мухин В. Минобороны все-таки ограничило призыв с Северного Кавказа: Войска пополнят в основном новобранцы-славяне // Независимая газета. 2013, 31 мая.
17. Малашенко А.В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. М., 2009. С. 29-50.
18. Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2008. Т. III. С. 12; Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010.
19. Тхагапсоев Х.Г. «Нальчик 13 октября» как вызов современной России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2006. №2. С. 24-33.
20. Щербина Е.А. Этническая конфликтология: региональный аспект. Черкесск, 2010.
21. Татиев Р.М. Территориальные этнополитические конфликты: политико-правовые основы урегулирования: на примере осетино-ингушского конфликта. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
22. Зинев С.Н. Современный национализм в России и его проявления в Южном макрорегионе // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010. С. 121.

УДК 339.92, 339.94

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рошка П.И.¹, Трифонова Л.И.²

*¹доктор экономических наук, профессор,
Кафедра БА, МЭО и Туризм
Международный Независимый Университет Молдовы в г. Кишиневе
E-mail: petrurosca08@gmail.com*

*²аспирант, старший преподаватель,
Кафедра БА, МЭО и Туризм
Международный Независимый Университет Молдовы в г. Кишиневе
E-mail: larisatrifonova@inbox.ru*

Авторами исследуется опыт стран Европы в области интернационализации образовательных услуг в условиях глобализации и европейской интеграции. Рассматриваются подходы различных стран в разработке и осуществлении национальных стратегий по интернационализации образовательных услуг. Анализируются предпосылки развития процесса интернационализации в области образования. Показаны особенности

английской, французской и немецкой модели развития высшего образования и другие аспекты интернационализации высшего образования в странах Европы.

Ключевые слова: интеграция, глобализация, интернационализация, образовательные услуги, образование Европы.

В последние годы отмечается усиление внимания к современным тенденциям развития глобального образования, в числе которых интернационализация, европеизация, регионализация. К общим тенденциям можно отнести возрастающую конкуренцию образовательных услуг на международном рынке, формирование крупных и глобальных объединений на национальном и институциональном уровнях (мегаобразовательные системы), диверсификацию их возможностей, интеграцию в мировое образовательное пространство. Этот процесс для многих стран считается важнейшим вектором системы высшего образования. В настоящий момент интернационализация высшего образования считается относительно молодым явлением и, соответственно, областью исследований. В то же время, вопросы взаимосвязи интеграционных процессов и интернационализации в области высшего образования раскрыты не в достаточной степени. Отмеченные положения определяют актуальность и значимость исследуемой темы.

Интернационализации высшего образования – это комплексная система, отвечающая внутренним политическим, социально-экономическим запросам государства и особенностям территориального колорита, культурным и историческим реалиям. Ныне рынок услуг высшего образования играет ключевую роль в развитии современного общества [12]. Знания, обладающие универсальным характером, являются основным фундаментом интеграционных процессов в сфере образования. Среди основных предпосылок развития интеграционных процессов следует выделить две основные группы [15]:

- общие, соответствующие развитию мировой экономики и общества (глобализация мировой экономики и рынка труда) и субъективные (способы и образы мышления потребителей образовательных услуг), которые включают три подгруппы: геополитические, социально-экономические и культурно-образовательные;
- специфические, характерные для сферы высшего образования (академическая мобильность, интернационализация учебных планов, и исследований, мобильность учебных заведений и др.).

Однако, эти предпосылки могут выступать лишь в роли потенциала, для реализации которого потребуются особые условия. Одним из таких условий должна стать активная государственная политика продвижения национальных институтов в глобальном образовательном пространстве. Важными условиями, позволяющими реализовать геополитические предпосылки являются: лояльная миграционная политика, снятие или упрощение излишних барьеров для принятия иностранных студентов и преподавателей, развитая система обучения национальному языку, внедрение англоязычных программ образования и др.

Интернационализация системы образования как форма международной интеграции невозможна без учета такого важного фактора, как выбор студентами страны и ВУЗа. Для осуществления этого условия необходимо обеспечить широкий спектр условий, соответствующий студенческим запросам. Обобщая, можно сказать, что геополитические условия зависят от языка преподавания, социально-экономические – от стоимости обучения и проживания, а культурно-образовательные – от качества преподавания и репутации ВУЗа.

Анализ показывает, что процесс интернационализации высшего образования наиболее активно протекает в пределах развитых геополитических регионов, то есть в странах, которые схожи своими социально-экономическим системам и историческим условиями развития. По мнению авторов, к таким геополитическим регионам относится и европейский регион. Необходимость в более глубоком исследовании данного региона

обусловлена, в том числе и фактом сближения образовательных систем стран СНГ и ЕС, основанное на подписании странами Болонской Декларации, способствующей экспорту образовательных услуг, давшей толчок к формированию единого европейского пространства высшего образования. Этот процесс способствует созданию единой европейской зоны высшего образования, повышению академической мобильности, облегчению решения задач трудоустройства выпускников в странах-участниках. Исследование процесса интернационализации высшего образования (ИВО) в странах европейского региона имеет особую актуальность для Республики Молдова в контексте целевых направлений будущего развития страны.

Сравнительный анализ стран Европы в части ИВО необходим для понимания их вектора развития, изучения опыта, для четкого определения сущности, механизмов реализации и потенциала интернационализации. Интеграционные процессы в Европе диктуют необходимость интернационализации на уровне государств и отдельных ВУЗов [1]. Развитие высшего образования в странах Европы привело к появлению национальных типов университетов: английский, французский и немецкий, что существенным образом сказалось и на подходах к интернационализации на государственном уровне (табл.1).

Таблица 1

Модели высшего образования в Европе

| | Английский тип (Британская модель) | Французский тип (Наполеоновская модель) | Немецкий тип (Гумбольдтовская модель) |
|------------------|-------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Цель | Общее элитарное образование | Развитие личностных способностей и достижений студентов | |
| Ценности | Индивидуальное ВО; учет социального статуса студента | Обучения для всех; всеобщая бесплатность образования | Консервативное обучение для всех; Корпоративный дух студенчества; «дуальный принцип» (соединение обучения с производством) |
| Отбор студентов | Высокая селективность | Не селективный | Не селективный |
| Ориентация ВУЗов | Университеты ориентированы на индивидуальное развитие | Университеты как фабрики профессионалов | Университеты как фабрики науки |
| Финансирование | Автономное и государственное финансирование | Государственное финансирование | Государственное финансирование |

Британскую модель высшего образования принято считать наиболее консервативной в мире, что обусловлено, в том числе, ее возрастом (Оксфорд появился в XII веке). Ее главными особенностями являются высококачественный уровень преподавания и строгая дисциплина. Она постоянно развивается и, сохраняя традиции, своевременно реагирует на современные инновационные тенденции в образовательных программах и методиках обучения. Участие в мировых рейтингах британских ВУЗов и спрос на их выпускников являются признаками совершенства английской системы высшего образования. Принято считать, что именно британская модель стала основой Болонской

системы образования.

Французское высшее образование представляет собой одновременно международную систему и модель высшего образования. Французская модель высшего образования, направленная на профессионализацию, существенно реорганизовала систему высшего образования между 1806 и 1811 годами, что является одним из главных исторических моментов со значительными реформами, предшествовавшими 20 веку. Это период, в течение которого можно наблюдать четкую картину французской философии в области высшего образования. По своей сути французская модель – это переход от структурной к программной профессионализации.

Гумбольдтовская модель высшего образования - это концепция академического образования, появившаяся в начале XIX века, основная идея которой - целостное сочетание исследований. Эта модель, объединяющая искусство и науку, направлена на получение всестороннего обучения, включающего культурные знания. Модель подразумевает развитие образовательной системы, направленной на индивидуальный выбор учащегося. При этом преподавание должно основываться на текущих исследованиях, независимых от идеологических, политических, религиозных и экономических факторов. Исследование должно базироваться на идеях гуманизма, свободного мышления, а формирование знаний происходить, опираясь на логику, разум и эксперимент в противовес традициям и догмам [6].

Комбинирование французской и немецкой моделей в разных европейских странах модели привело к формированию классической европейской модели университета. Она характеризуется высокими требованиями к студентам, предоставлением фундаментальных знаний, преимущественно бесплатным высшим образованием, высокой степенью централизации, автономией ВУЗов, которая, однако, не так ярко выражена, как в американской модели. Всё больше европейских университетов предоставляют свои услуги на мировом рынке благодаря развитию интернационализации.

В настоящее время модель интернационализации в Европе, которую также продвигает Европейская комиссия, требует более централизованных и всеобъемлющих стратегических подходов, которые должны учитывать более широкие национальные приоритеты и институциональные интересы [7]. Помимо стратегии интернационализации на национальном уровне, для повышения ее эффективности, она должна быть широкой по охвату и тесно связанной с другими национальными приоритетными областями, включая экономическое развитие, науку и технологии, миграцию, международную торговлю образовательными услугами и др. Наличие общеевропейской стратегии интернационализации высшего образования может еще больше стимулировать разработку национальных стратегий.

В Европе количество стран, имеющих национальные стратегии ИВО, в настоящее время не велико. Однако есть несколько стран, таких как Германия, Великобритания, Франция, Ирландия, Нидерланды, которые имеют глубоко проработанные официальные государственные стратегии ИВО. Стратегии этих стран отличаются многоаспектностью и стремятся обеспечить проникновение международного аспекта в образовательный процесс при помощи разнообразных и наиболее эффективных методов и инструментов.

Страны Европы, у которых четко сформулированы целевые стратегии интернационализации, такие как Швейцария, Швеция, Испания, Румыния, Чехия, Польша, Эстония, сосредоточены на определенных аспектах интернационализации, а не на применении комплексного подхода. Такие страны, как правило, фокусируются на наборе иностранных студентов на национальном уровне в качестве своей модели стратегии интернационализации высшего образования. Некоторые страны Европы и «новые» государства-члены ЕС отстают в качестве и степени разработки собственных национальных стратегий в области высшего образования, в том числе в отношении интернационализации. Такие страны как Финляндия, Хорватия только начинают процесс разработки

всеобъемлющей национальной стратегии высшего образования, которая в конечном итоге будет включать отдельную подстратегию ИВО. В настоящее время в этих странах процесс находится на стадии технических консультаций с международными экспертами. Существует ряд европейских стран, таких как Сербия, Словения, Болгария, Италия, Венгрия, Греция, Босния и Герцеговина, в которых в настоящее время нет стратегии ИВО, но эти страны также планируют их разработку в ближайшем будущем. Однако в этих странах упоминается интернационализация в общей стратегии развития ВО. Рассмотрим кратко некоторые из этих стратегий.

Великобритания. Высшее образование распределяется между странами Соединенного Королевства, а обязанности соответственно делегированы Министерству бизнеса, энергетики и промышленной стратегии (BEIS) и Министерству образования (DfE), Министерству занятости и обучения (Северная Ирландия), правительству Шотландии и Правительство Уэльса. Обновленная новая стратегия «Международная образовательная стратегия: глобальный потенциал, глобальный рост» была запущена в марте 2019 года DfE и Министерством международной торговли (DIT) и нацелена на: увеличение стоимости экспорта образования до 35 млрд фунтов стерлингов в год к 2030 году; увеличение количества иностранных студентов в ВУЗах [11].

Германия. Федеральное министерство образования и исследований Германии (BMBWF) в феврале 2017г. обнародовало новую Стратегию федерального правительства по интернационализации образования, науки и исследований. Кроме того, Немецкая служба академических обменов (DAAD), организация немецких высших учебных заведений, занимающаяся интернационализацией сектора, опубликовала подробную стратегию, в которой намечает свои усилия на период до 2020 года: укрепить систему стипендий DAAD для повышения мобильности студентов; создать структуру ВО в Германии и за рубежом для поддержки интенсификации интернационализации; углубить знания для академического сотрудничества. В Стратегии намечалось к 2020 году увеличить общее количество иностранных студентов в Германии до 350 000. Статистика показывает, что Германия уже достигла этой цели в 2018 году, когда она привлекла 374 951 иностранного студента [8]

Франция. В новой стратегии ИВО Франции, опубликованной в 2018-2019 гг., говорится, что страна нацелена на привлечение 500 000 студентов к 2027 году. Это дополняет более раннюю национальную стратегию интернационализации (2015-2020), которая была опубликована в 2015 году и охватывает международную студенческую мобильность, исследовательское сотрудничество и, в некотором смысле, транснациональное образование.

Италия. Италия извлекла пользу из своего участия в Болонском процессе и программах Erasmus в отношении интернационализации деятельности своих ВУЗов. В последние годы были проведены реформы, направленные на интернационализацию сектора ВО, однако, подробной стратегии нет.

Ирландия. В Ирландии действует международная образовательная стратегия на 2016–2020 годы, которая устанавливает целевой показатель роста числа иностранных студентов на 33% с 33 118 чел. в 2014/2015 годах до примерно 44 000 чел. к концу 2019/2020 учебного года. Цели также включают болонскую цель - по меньшей мере 20% выпускников 2020 года пройти обучение или стажировку за границей. Для этого предусмотрено целевое участие в программе Erasmus +, которое достигнет 4400 чел. к 2022 году (3135 чел. в 2016 году) за счет выездной мобильности домашних студентов [10].

Нидерланды. В 2015-2018 гг. правительство Нидерландов сосредоточило внимание на: укреплении международных сетей высшего образования; поощрении международных обменов студентами и сотрудниками; укреплении позиции голландского ВО за рубежом. В июне 2018 года правительство опубликовало новую стратегию ИВО, подчеркнув, что вся международная деятельность должна гарантировать высокого качества образования.

Румыния. Министерство национального высшего образования запустило

«Стратегию интернационализации румынского высшего образования на период 2016-2025 гг.». Стратегия является всеобъемлющей и подробной, особенностью которой является наличие раздела, посвященного интернационализации на институциональном уровне.

Польша. В 2015 году Министерство науки запустило Программу интернационализации высшего образования. Программа преследует двоякую цель: интернационализация студентов посредством въездной и выездной мобильности; и интернационализация персонала. Программа стремится привлечь в Польшу 100 000 иностранных студентов. Министерство науки выделяет 57,5 миллиона евро на поддержку программ обучения на иностранных языках, летних школ, обучения иностранным языкам.

Таким образом, интернационализация как стратегическое направление в европейских странах основана на интересах отдельных граждан (студентов) и институтов (ВУЗов), а также на внутренних и внешнеполитических интересах государств и регионов. Однако, Стратегии ИВО на национальном уровне разработаны еще не во всех европейских странах.

Мобильность студентов. Растущее число возможностей получения высшего образования для обучения «дома» и за рубежом способствует росту конкуренции на международном студенческом рынке. В попытке привлечь растущее число потенциальных студентов, ВУЗы и национальные правительства стремятся выделиться среди своих конкурентов. Авторами были проанализированы потоки входящей и исходящей студенческой мобильности в мире.

Повышение мобильности студентов - основная цель европейского образовательного пространства и главный политический приоритет в повестке дня ЕС по модернизации высшего образования. Это один из основных способов, с помощью которых молодые люди могут укрепить возможность трудоустройства в будущем, а также их межкультурная осведомленность, личное развитие, творчество и активная гражданская позиция. На рисунке 1 представлен сравнительный анализ коэффициентов исходящей мобильности в странах Европы на 2020 год.

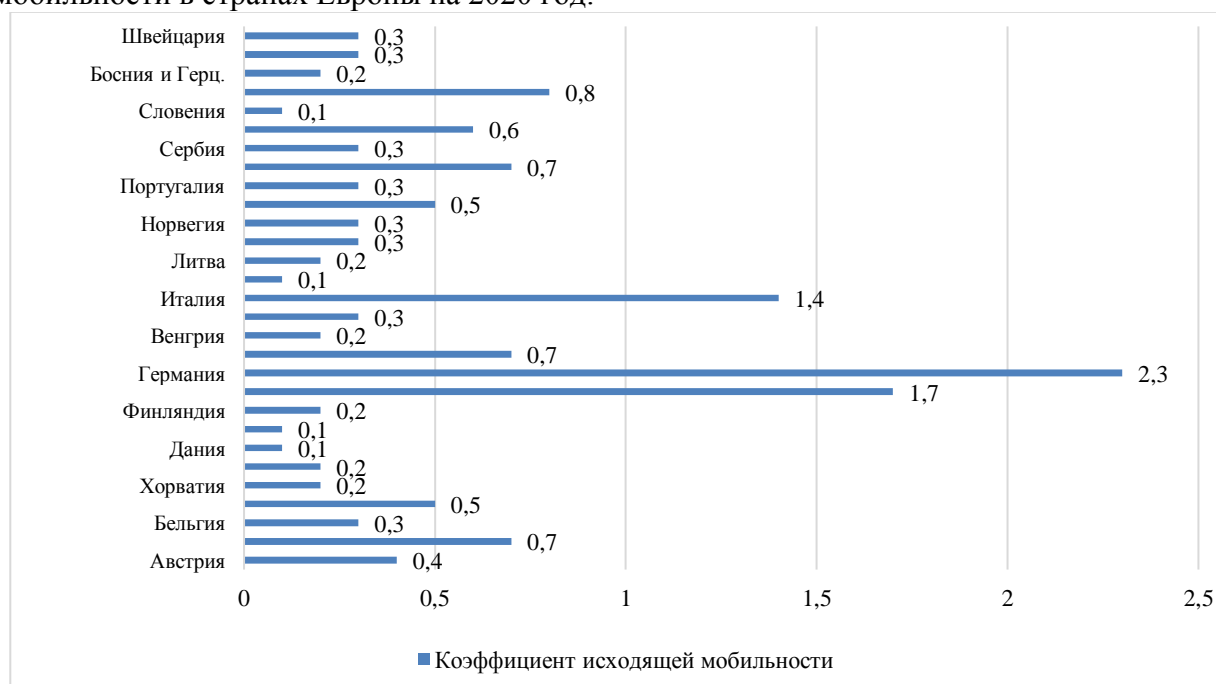


Рисунок 1. Сравнительный анализ коэффициентов исходящей мобильности в странах Европы, 2020 г. [5]

Глобализация и формирование европейского пространства ВО открывают новые горизонты для выпускников европейских ВУЗов. Хорошее знание иностранных языков и личный опыт экономических и социальных условий, культуры и менталитета других стран

в настоящее время рассматриваются как основные требования для выпускников во многих секторах рынка труда. Именно эта тенденция подтолкнула к разработке программ по развитию сотрудничества в области высшего образования и мобильности студентов, а также национальных, региональных и двусторонних инициатив, которые создают стимулы для обучения и стажировки за рубежом, а также финансируют и разрабатывают новые учебные программы обучения.

Германия с большим отрывом лидирует по количеству участников исходящей мобильности (коэффициент 2,3). Инициативы Германии включают более активное продвижение обучения за рубежом и, в частности, полный курс обучения в другой стране Европы, а также специальные программы государственной поддержки. Основными странами приема немецких студентов, желающих получить высшее образование за рубежом, являются Австрия, Нидерланды, Великобритания, Швейцария, США, Китай и Франция. На эти страны приходится 72,4% немецких студентов за рубежом. На страны-члены ЕС приходится более двух третей (68,4%) немецких студентов, а еще 14,0% отправились в другие европейские страны. Таким образом, 82,4% немецких студентов за границей остались в Европе. 8,6% немецких студентов за рубежом выбрали Америку, 6,9% - Азию, 1,5% - Австралию и Океанию и 0,6% - Африку [2].

Франция с коэффициентом исходящей мобильности 1,7 находится на втором месте после Германии по числу студентов, уехавших из страны в целях обучения. Франция является одновременно поставщиком и принимающей стороной иностранных студентов. Французские студенты проявляют большой интерес к ряду рынков, среди которых Великобритания, Германия, Канада.

Италия, чей коэффициент исходящей мобильности равен 1,4, занимает третье место среди стран Европы по критерию «исходящая мобильность». Великобритания продолжит оставаться номером один среди направлений для итальянских студентов в ближайшем будущем, где обучается около 7000 студентов. Другие ведущие рынки будут включать Германию, США, Канаду, Австралию. На рис. 2 представлен сравнительный анализ коэффициентов входящей мобильности в странах Европы на 2020 год.

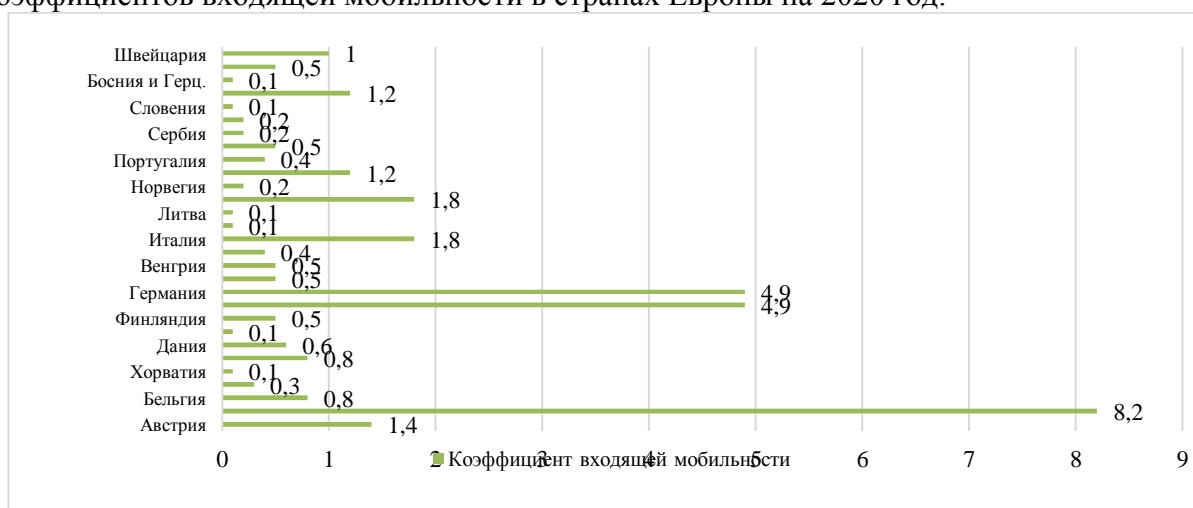


Рисунок 2. Сравнительный анализ коэффициентов входящей мобильности в странах Европы, 2020 г. [3]

Сравнительный анализ коэффициентов входящей мобильности в странах Европы на 2020 год показывает, что основными принимающими странами являются Великобритания, Франция и Германия, далее с большим отрывом следуют Нидерланды, Италия, Австрия, Испания, Польша. Национальная структура студентов, приезжающих на обучение в данные страны, очень различается: в то время как большинство студентов, обучающихся во Франции, являются выходцами стран Африки (41%), другие Европейские страны являются источниками международных студентов для Германии (42%). В свою очередь, выходцы из

стран Азии и во Франции, и в Германии занимают второе место по количеству среди всех международных студентов (23% и 35% соответственно). В Нидерландах в основном учатся студенты из Европы (57%), а в Испании – студенты из стран Латинской Америки (37%).

Малые европейские страны в основном полагаются на внутриевропейскую мобильность, так более 80% всех международных студентов, поступающих на обучение в Чехию, Данию, Люксембург, Польшу, Эстонию, Хорватию, Словению и Словацкую Республику, и другие страны с коэффициентов менее 1, являются выходцами из стран Европы. В настоящий момент наблюдается постепенный переход от вертикального к горизонтальному типу мобильности и сотрудничества. В прошлом европейские страны (в особенности бывшие колонизаторы) экспортировали свои университетские образовательные системы в другие страны и принимали оттуда студентов. Это и есть вертикальная модель, основанная на неравноправной основе. Появление в 1987 году программы «Эрасмус» привело к активному сотрудничеству европейских университетов. Контакты подобного рода принято называть горизонтальным сотрудничеством.

Болонский процесс в Европе направлен на увеличение студенческой мобильности и обеспечение высокого качества обучения в университете за счет более жесткой конкуренции за студентов на более крупном и унифицированном рынке. Однако этот положительный эффект от повышения мобильности студентов будет иметь место только в том случае, если мобильность студентов будет определяться соображениями качества.

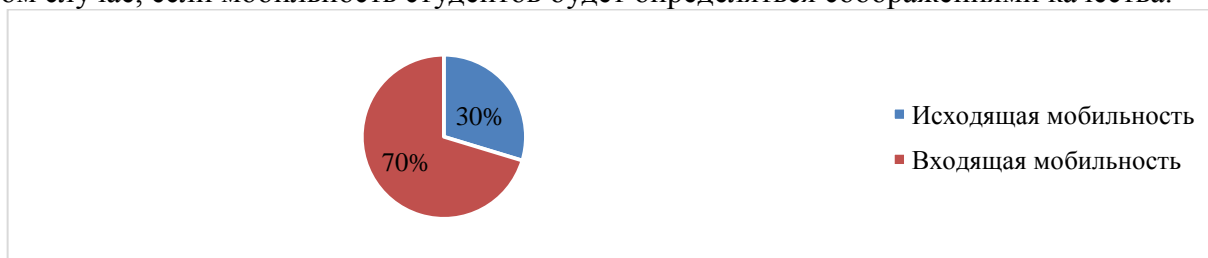


Рисунок 3. Студенческая мобильность – европейская модель интернационализации высшего образования, 2020 г., % [3]

В европейских странах качество положительно и существенно влияет на размер и направление потоков студентов, которыми обменивается 31 европейская страна. Однако на уровне выпускников движущей силой мобильности студентов, по-видимому, является отсутствие возможностей получения образования в родной стране. В большинстве стран Европы, охваченных данным исследованием, студенческая мобильность является наиболее хорошо развитой категорией основ национальной политики интернационализации.

Модель ИВО стран СНГ. Несмотря на феноменальный рост числа иностранных студентов, исследований, посвященных мобильным студентам из стран СНГ, по-прежнему крайне мало. Поэтому представляется интересным изучить данную проблему.

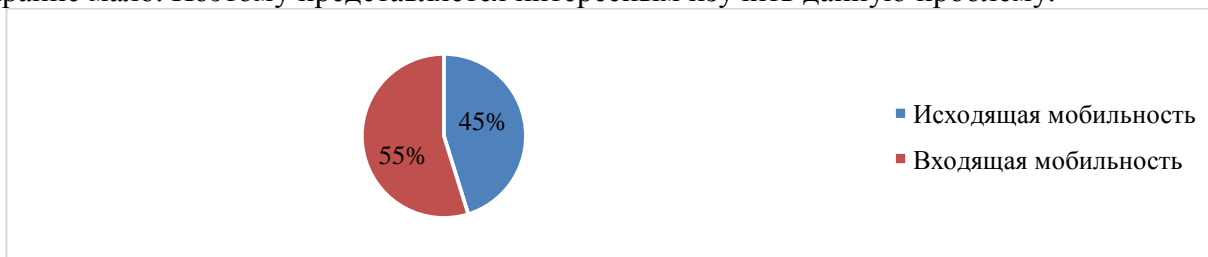


Рисунок 4. Студенческая мобильность – модель интернационализации высшего образования стран СНГ, 2020 г., % [3]

Результаты показывают, что в странах СНГ с более низким числом учащихся в высших учебных заведениях и более низким уровнем участия в рабочей силе более высокая доля студентов, обучающихся за границей, с учетом численности населения и ВВП на душу населения.

Представляют также интерес использование ВУЗами Европы различные формы online обучения (e-learning), в условиях ограничения мобильности, связанной с глобальной проблемой-пандемией Covid-19.

В рамках исследования проанализированы и показатели участия в рейтингах, учитывающих и ИВО. На рис.3 показана динамика удельного веса ВУЗов стран Европы в рейтинге QS Ranking (2018-2020 гг.).

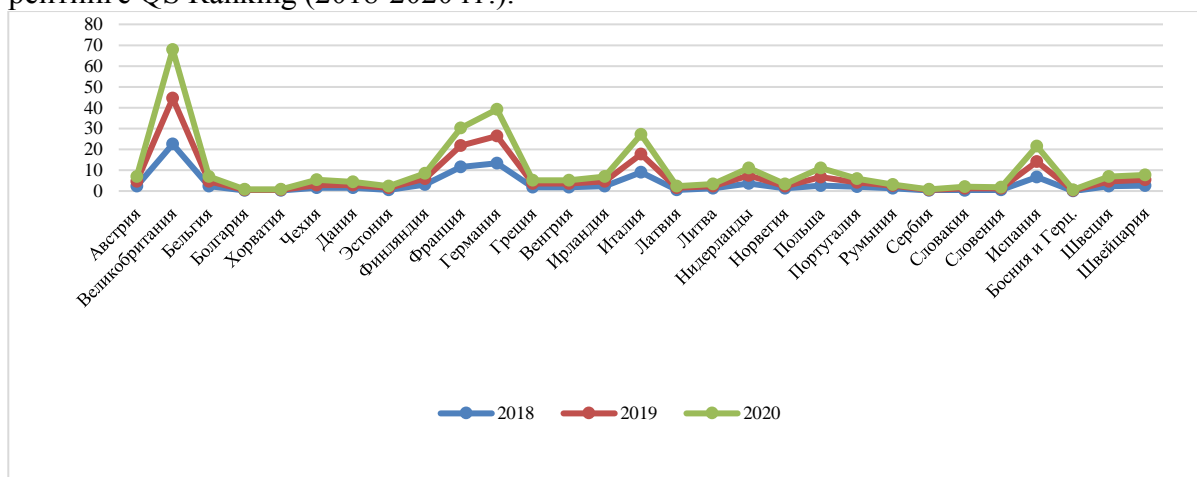


Рисунок 5. Сравнительный анализ удельного веса ВУЗов стран Европы в рейтинге QS Ranking, 2018-2020 гг., % [16]

Как показывает график, наибольший скачок с 2018 по 2020 годы наблюдается в Великобритании. Также Германия и Франция подтверждают своё влияние и важность участия в процессе интернационализации. Италия и Испания стремятся также занимать места в международных рейтингах.

Авторами было также оценена динамика участия ВУЗов стран Европы, которые вошли в первую сотню рейтинга QS Ranking, что отражено на рисунке 4.

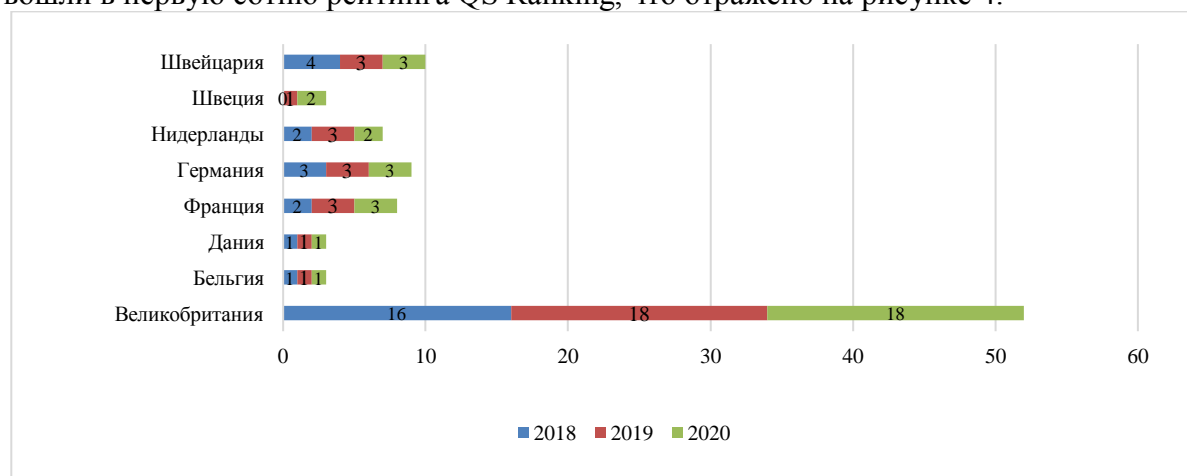


Рисунок 7. Сравнительный анализ количества ВУЗов стран Европы, вошедших в топ-100 QS Rankings, 2018-2020 гг. [16]

Как свидетельствуют данные, не так много стран оказались в первой сотне в самом известном рейтинге, учитывающем уровень интернационализации высшего образования. Лидирует снова Великобритания, которая демонстрирует устойчивый рост количества ВУЗов-представителей в рейтинге. За ней следует Швейцария, Германия и Франция, что подтверждает эффективность проводимых мер по интернационализации, в том числе в рамках национальных и институциональных стратегий. На рис. 5 отражен сравнительный анализ количества ВУЗов стран Европы, которые вошли в рейтинг QS Stars.

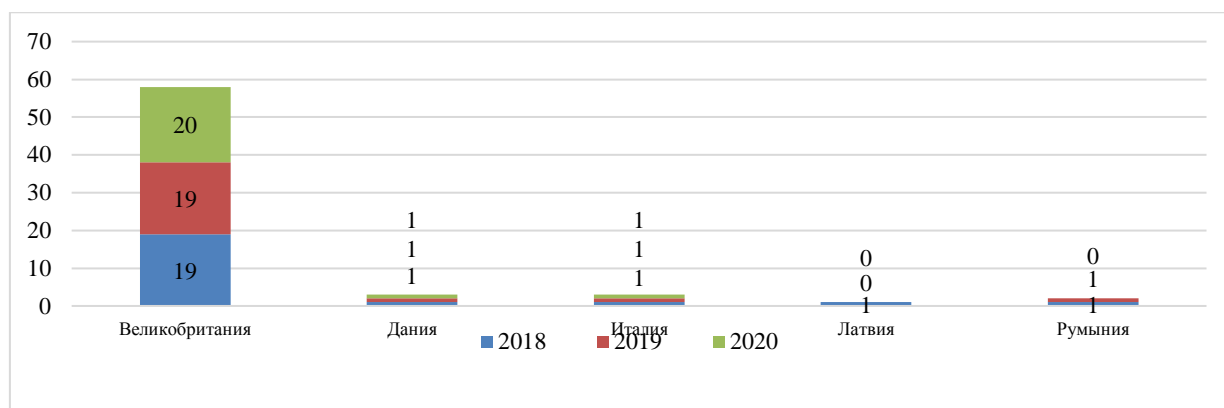


Рисунок 6. Сравнительный анализ количества ВУЗов стран Европы, вошедших в рейтинг QS Stars, 2018-2020 гг. [16]

QS Stars - это рейтинговая система, которая дает подробный обзор учебного заведения, позволяя определить, какие университеты являются лучшими по конкретным темам, в том числе степень интернационализация. Данный рейтинг учитывает показатель интернационализации, как доли иностранных студентов и сотрудников, количество прибывающих и уезжающих студентов по обмену, количество национальностей, представленных в студенческом контингенте, количество и сила международного партнерства с другими университетами. Большинство ВУЗов Европы, которые вошли в данный рейтинг, находятся в Великобритании. По одному университету в Дании, Италии, а Латвия и Румыния к 2020 году вышли из данного рейтинга.

На основе исследования международного опыта ИВО авторы смоделировали и предложили модель процесса интернационализации высшего образования в Республике Молдова, которая проходит через четыре последовательных этапа в виде стратегических инициатив. Последовательность стратегических инициатив выстраивается на основе анализа текущей ситуации в стране, исходя из логических соображений и стремлению проходить путь от базовых начал к более сложным формам ИВО. Последовательная реализация стратегических инициатив предполагается с 2020 по 2030 год. За это время, прогнозируются существенные реформы, которые приведут к качественным позитивным преобразованиям в высшем образовании страны и выведут его на конкурентоспособный уровень на международном рынке образовательных услуг [13; 14; 15].

Исследование опыта европейских стран в области интернационализации высшего образования представляет особый интерес для научного обоснования национальной комплексной эффективной стратегии интернационализации образовательных услуг на перспективу в Республики Молдова и других странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новые подходы европейского союза к интернационализации высшего образования / И.В. Аржанова // Вестник РУДН. – 2011. – №4. – С. 39-48.
2. Database. Eurostat. Your key to European statistics [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/education-and-training/>.
3. Data for the Sustainable Development Goals UNESCO UIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uis.unesco.org>.
4. Дубовицка Л., Шварцова Х., Вархолова Т. Интернационализация высшего образования как часть Болонского процесса / Л. Дубовицка, Х. Шварцова, Т. Вархолова // Научный диалог. – 2013. – №2. – С. 8-21.
5. Mobile students from abroad enrolled by education level, sex and country of origin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=educ_uoe_mobs02&lang=en, свободный.

6. Kern H. Humboldt's educational ideal and modern academic education / Н. Kern // 26th Annual Meeting of the Danube Rectors Conference. – Novi Sad. 2010. – С. 1-6.
7. European University Association [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eua.eu/>.
8. Excel tables of the figures from Wissenschaft weltoffen kompakt. – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wissenschaftweltoffen.de/wwo2018/index_html?lang=en.
9. European Union External Action [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en.
10. International Education Strategy for Ireland, 2016-2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.education.ie/en/The-Education-System/International/Strategy-2016-2020>.
11. International Education Strategy global potential, global growth. Strategy setting out the government's ambition for education exports and how it will support the UK education sector to access global opportunities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/education>.
12. Галбен И., Рошка П. Развитие международной торговли услугами / И. Галбен, П. Рошка // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Запорожье. – 2020. – С. 97-101.
13. Рошка П.И., Трифонова Л.И. Методика оценки эффективности уровня интернационализации высшего образования / П.И. Рошка, Л.И. Трифонова // Современные парадигмы в развитии национальной и мировой экономики: сборник международной научной конференции. – Кишинёв. – 2020. – С. 74-80.
14. Трифонова Л.И. Стратегии интернационализации высшего образования / Л.И. Трифонова // EcoSoEn. – 2018. – №1. – С. 165-169.
15. Трифонова Л.И. Предпосылки совершенствования процесса интернационализации и маркетинга образовательных услуг на примере Республики Молдова / Л.И. Трифонова // Aspecte ale dezvoltării potențialului economico-managerial în contextul asigurării securității naționale: materialele conf. științifice internaționale. – 2018. – С. 232-235.
16. Worldwide university rankings, guides & events [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/>.

УДК 378.1

ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА АДАПТАЦИИ К ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПРИНЦИПОВ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА

Шебзухова Т.А.

*доктор исторических наук, профессор,
директор Пятигорского института (филиал) СКФУ
e-mail: pragpu@mail.ru*

Рассматриваются методологические принципы и механизмы управления качеством высшего профессионального образования. Выполнен сравнительный анализ существующих подходов к оценке качества, определены основные показатели качества приведены результаты исследования проблемы управления качеством.

Ключевые слова: *оценочный и процессный подходы; сравнительный анализ; мониторинг; рейтинг показателей качества.*

Теория и практика управления качеством товаров и услуг базируется на определении основных понятий и положений (постулатов). Термин «качество» имеет много определений и толкований. Целесообразно в рамках данного исследования использовать толкование, которое предлагает философский словарь: «качество есть существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов. Качество предмета, как правило, не сводится к отдельным его свойствам. Оно связано с предметом как целым, охватывает его полностью и неотделимо от него. Поэтому понятие качества связывается с бытием предмета. Предмет не может, оставаясь самим собой, потерять свое качество» [1]. История формирования теории и методологических основ управления качеством подразделяется на два этапа: этап эвристических поисков путей и методов управления качеством; этап научного подхода к управлению качеством.

Основоположники научного подхода к управлению качеством Ф. Тейлор и М. Вебер впервые разработали и применили начала управления персоналом и процессами [2]. Вопрос о том, насколько целесообразно применение классической модели организации М. Вебера, иерархической по своей структуре, ориентированной на жесткое определение функций и полномочий, единоначалие и контроль результатов к системе подготовки кадров высшей квалификации обсуждается научно- педагогической общественностью на протяжении ряда лет [3]. Альтернативные подходы к проблеме управления качеством формируют разные концепции и методологические принципы. Так, если в основу управления качеством ставить принцип «отбраковки» элементов, не соответствующих заданным критериям качества, то неизбежен рост затрат на обеспечение качества, и, как следствие, снижение эффективности. Другой подход к управлению качеством предполагает отказ от простой отбраковки и в своей основе имеет принцип управления процессами с целью повышения числа элементов с высоким качеством.

Интенсивное развитие теории и методологии управления качеством началось в 50-е годы ЧЧ столетия, когда когортой выдающихся ученых (Э. Деминг, Кросби, Джуран, Ишикава и другие) были сформулированы идея системного подхода к управлению качеством и концепция нулевого нулевого дефекта, в основе которого лежит мотивация сотрудников на качественный труд.

Концепции и принципы научного управления качеством позволили в дальнейшем ввести понятие стандарта качества. Система высшего профессионального образования, как сфера деятельности, ориентированная на формирование интеллектуального потенциала общества решает задачу управления качеством на разных уровнях как с точки зрения качества конечного результата, так и с точки зрения качества процесса подготовки кадров. Сегодня в вузе термин «качество» имеет конкретную интерпретацию – это выраженное в процентах количество студентов, обучающихся на «хорошо» и «отлично». Очевидно, что такая трактовка не ориентирована на удовлетворение запросов всех участников образовательного процесса (студентов, родителей, работодателей).

Проекция теории управления качеством на деятельность вуза требует определить качество с позиций всех участников процесса: государства, как заказчика; работодателя, как потребителя результата деятельности вуза; собственно вуза, как системы обеспечивающей качество подготовки и одновременное снижение расходов; студентов и их родителей. В процессе исследования были проведены опросы пятидесяти преподавателей (таблица 1) и пятидесяти студентов (таблица 2) с целью выявления их отношения к заданным критериям.

Таблица 1

Ранжирование критериев качества по мнению ППС

| Критерии оценки качества | Ранг | | | | |
|-------------------------------------------------------------|------|----|----|----|----|
| | 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| соответствие стандарту | 23 | 12 | 5 | 7 | 3 |
| полезность | 5 | 7 | 11 | 19 | 8 |
| стоимость | 4 | 8 | 12 | 11 | 15 |
| удовлетворенность студентов/родителей результатами обучения | 36 | 3 | 4 | 2 | 5 |

Очевидно, что 46% респондентов считают важным соответствие стандарту; 72% на первое место ставят критерий полезности. Опрос студентов, показал иное отношение к критериям качества: на первом месте (88%) стоимость обучения, на втором – полезность (70%). (Таблица 2)

Таблица 2

Ранжирование критериев качества- мнение студентов

| Критерии оценки качества | Ранг | | | | |
|-------------------------------------------------------------|------|---|----|---|----|
| | 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| соответствие стандарту | 4 | 3 | 5 | 8 | 30 |
| полезность | 35 | 6 | 4 | 2 | 3 |
| стоимость | 44 | 2 | 1 | 3 | 0 |
| удовлетворенность студентов/родителей результатами обучения | 23 | 7 | 10 | 4 | 6 |

Несовпадение мнений студентов и профессорско-преподавательского состава не является случайностью. Отсутствие однозначного определения категории «качество подготовки специалистов» требует особого внимания к критериям оценки качества; для реального управления образовательным процессом необходимо однозначно определить субъект-объектные отношения в системе «вуз-работодатель – общество» и применять систему интегральной оценки как процесса подготовки специалистов, так и конечного результата.

Сегодня вузы самостоятельно определяют направления и профили подготовки, оценивают готовность и способность абитуриента к освоению образовательных программ. Это позволяет в системе управления качеством использовать инструмент самооценки, механизмы внутреннего аудита. Под термином «самооценка» предлагается понимать комплекс мероприятий/процессов, определяющих иерархию целей и задач вуза, набор критериев оценки степени соответствия планируемых и фактических показателей деятельности вуза; обоснованное заключение об эффективности деятельности вуза и его подразделений; программа развития, как система повышения эффективности и качества обучения. Бесспорно, что этот инструмент имеет существенный недостаток: возможна завышенная самооценка и неверно расставленные приоритеты в определении цели и миссии вуза. Дополняя самооценку процедурой внешней экспертизы можно получить адекватный результат.

Управление качеством высшего образования – это задача, решению которой посвящают свои исследования отечественные и зарубежные ученые [4-6]. Вузам РФ для оценки качества образования доступны три подхода:

- подход, в основе которого лежат международные стандарты;
- оценочный подход (SWOT-анализ);
- подход, в основе которого лежит теория всеобщего управления качеством (TQM).

Модель управления, основанная на требованиях международных стандартов качества ISO в основе своей имеет основополагающие принципы менеджмента качества: определение заинтересованных участников процесса и их требований к качеству. Так, для студентов – это требования к качеству процесса обучения, квалификации персонала и т.п.; для работодателей – это степень готовности выпускников к работе по приобретенной в вузе профессии. Основная идея этого подхода в создании системы непрерывного совершенствования деятельности, которая обеспечивает ориентацию вуза на потребителя. Целенаправленная работа по созданию и внедрению систем управления качеством на основе требований стандартов качества ведется в настоящее время во многих вузах России: Московском государственном институте стали и сплавов (технологическом университете), Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете, Московском государственном технологическом университете «Станкин» и других.

Оценочный подход (SWOT-анализ) подразумевает системное комплексное использование механизмов самооценки с целью идентификации сильных и слабых участков работы, положительных и отрицательных внешних возмущающих воздействий и т.п. Динамика показателей, выявленная в ходе самооценки дает возможность разработать систему управляющих воздействий, ориентированных на повышение качества процесса и результата обучения. В течение ряда лет данная модель управления используется в Новосибирском государственном техническом университете, Ивановской государственной текстильной академии, Петрозаводском государственном университете и ряде других вузов.

Модель управления, основанная на идеях всеобщего управления качеством принципах также имеет оценочный характер, но отличается более тщательным анализом деятельности и использованием процессного подхода к управлению. Данная модель не получила широкого распространения, так процессный подход к деятельности вуза менее популярен по сравнению с компетентностным подходом.

Каждая из описанных выше методик требует корректного определения индикаторов качества. В процессе исследования нами были разработаны индикаторы качества (таблица 3), применение которых обеспечит возможность мониторинга и эффективного управления.

Таблица 3.

Индикаторы качества

| Индикатор | Интерпретация индикатора |
|--------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Глубина и широта знаний. | <ul style="list-style-type: none"> • глубокие знания и понимание главных концепций, методов, последних достижений, теоретических подходов и предпосылок в дисциплине. в целом и ряде ее специализированных областей; • способность и готовность, умение собирать, обобщать, оценивать и объяснять информацию и сравнивать альтернативные гипотезы или подходы в рамках одной или более главных областей дисциплины; • глубокое знание и опыт исследования одной из областей дисциплины; развитое критическое мышление и навыки анализа в рамках дисциплины и за их пределами; способность применять знания из одной или более областей за пределами дисциплины |

| | |
|--------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Знание концепций и методов. | <ul style="list-style-type: none"> • способность оценивать адекватность различных подходов к решению задач с использованием общепринятых идей и методов; находить и отстаивать аргументы или решать задачи, используя эти методы; описывать и объяснять частные аспекты современных исследований. |
| Приложение знаний на практике. | <ul style="list-style-type: none"> • способность обобщать, объяснять количественные и качественные сведения, выдвигать аргументы, делать обоснованные выводы в соответствии с основными принятыми теориями, концепциями и методами; использовать знание для творчества; • способность использовать научную литературу и первоисточники. |

Проведенное исследование позволяет утверждать, что вуз – это специфическая система, в основе управления которой должен лежать системный подход и современные концепции менеджмента качества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Философский энциклопедический словарь // Редкол.: С.С.Аверинцев, Э. А.Араб-Оглы и др.- М.: Сов.энциклопедия,1989.- 815 с.
2. Клименко И.С. Управление качеством высшего образования: попытка системологического анализа/ Материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием) «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров». Апрель 2020 г. – Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2020. – 714 с (с.36-39)
3. Огвоздин В.Ю. Управление качеством: основы теории и практики.– М.: Дело и Сервис, 2002.- 224 с.
4. Субетто А. И. Качество образования: проблема оценки и мониторинга // Образование. – 2000. - № 2. - С.62-66.
5. Тамбовцев Е.Н. Менеджмент качества высшего образования: что означает "качество" и что означает "высшее образование"? // Управленец. 2020. Т. 11. № 1. С. 2-14.
6. Лаптева Н.Е. Оценка качества образования: из опыта учреждения высшего образования Беларуси// Качественное образование: проблемы и перспективы.- сборник научных статей. Москва,МГПУ.- 2016. С.172-179.

МАТЕРИАЛЫ

VIII ежегодной научно-практической конференции

«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА – РЕГИОНУ»

2021 год

ISBN 978-5-6047585-5-7

*Под ред. Т.А. Шебзуховой, И.М. Першина, А.А. Вартумяна, Н.Н. Новоселовой
Технический редактор – Абитов М.Р., Лаврова Т.Н.,
Напалкин М.Ю.*

Подписано в печать 19.07.2021. Формат 60 x 84/8. Бумага мелованная 80гр.
Печать лазерная Хегох. Усл. печ. л. 19,76. Тираж 500 экз. Заказ №0043

Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами
в типографии ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»
Пятигорский институт (филиал) СКФУ
357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Московская, 31.
тел. (8793)32-73-44